

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

МАКШАНЦЕВА Анна Львовна

**СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ И
ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
КОНЦЕПТА «УДАЧА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Грачев Михаил Александрович**

Нижний Новгород — 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Основные принципы концептуального анализа в современном гуманитарном знании	13
<i>1.1. Лингвокультурология как междисциплинарное направление в современных лингвистических исследованиях</i>	13
1.1.1. Стратегии научного поиска в лингвокультурологическом направлении гуманитарного знания	13
1.1.2. Языковая концептуализация мира и языковая картина мира в современной лингвокультурологии	18
<i>1.2. Концепт в историко-научном и теоретическом освещении</i>	24
1.2.1. Научные понятия «концепт» и «концептосфера» в современном гуманитарном знании	24
1.2.2. Типология концептов	30
1.2.3. Языковое воплощение концепта	32
<i>1.3. Методология и методика концептуального анализа в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах</i>	37
1.3.1. Изучение национальной и культурной специфики концепта в гуманитарном знании как методологическая основа концептуального анализа	37
1.3.2. Методы анализа концептов в современной науке о языке	41
<i>1.4. Проблема комплексного описания концепта на лингвокогнитивной основе и обоснование концепции исследования</i>	50
1.4.1. Методика комплексного лингвокогнитивного описания концепта: анализ его семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации	50
1.4.2. Обоснование концепции и процедуры исследования	53
<i>Основные выводы по содержанию I главы</i>	55
ГЛАВА II. Концепт «удача» в русской языковой картине мира	58
<i>2.1. Концепт «удача»: экстралингвистическое содержание в культуре и семантическое наполнение в современном русском языке</i>	58
2.1.1. «Удача» в пространстве национальной культуры: особенности экстралингвистического содержания понятия	58
2.1.2. Концептуальное содержание, смысловой объем и семантическая структура концепта «удача» по данным русских лексикографических источников	67

2.1.3. Концепт «удача» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении	75
2.1.4. Концепт «удача» в русской фразеологии и паремиологии	83
2.2. Языковая объективация концепта «удача»	96
2.2.1. Деривационные особенности языковой объективации концепта «удача»	96
2.2.2. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «удача»	106
2.2.3. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «удача»	116
<i>Основные выводы по содержанию II главы</i>	135

ГЛАВА III. Концепт «удача» в современной русской речи и в языковом сознании носителей современного русского языка 138

3.1. Языковая репрезентация концепта «удача» в современной русской речи	138
3.1.1. Дискурсивное варьирование концепта «удача» (по данным Национального корпуса русского языка).....	138
3.1.2. Новые явления в языковой объективации концепта «удача» в современной русской речи.....	146
3.2. Концепт «удача» по данным свободного ненаправленного цепочечного эксперимента	156
3.2.1. Описание технологии проведения психолингвистического ассоциативного цепочечного эксперимента	156
3.2.2. Количественная обработка и качественная интерпретация результатов ассоциативного цепочечного эксперимента на слова-стимулы <i>удача</i> и <i>успех</i>	159
<i>Основные выводы по содержанию III главы</i>	168

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 170

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 178

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена комплексному анализу концептуального содержания и семантического объема концепта «удача» в русской национальной культуре и особенностей его языковой репрезентации в русском языке и в русском языковом сознании.

В наше время отчетливо заявляет о себе лингвокультурологическая парадигма гуманитарного знания, в рамках которой разрешаются вопросы национального своеобразия взгляда на мир, отраженного в фактах языка [Fleischer 1991; Gümen, & Herwartz-Emden 1996; Телия 1996; Радбиль 1999; Wierzbicka 1997; Ковшова 2013; Радбиль, Рацибурская 2017 и др.]. Одним из ведущих направлений в этой области научного исследования является анализ ключевых концептов культуры [Арутюнова 1991; Степанов 1997; Слышкин 2000а; Карасик 2002; Зусман, Кирнозе 2003; Болдырев 2004; Воркачев 2005; Ручина 2012 и др.]. Применительно к русской культуре к таким концептам, несомненно, можно отнести и концепт «удача».

Представление о значимости удачи в жизни людей является культурной универсалией, значимой для всех народов мира. Но при этом концепт «удача» обладает и очевидной национальной обусловленностью именно в русской культуре, потому что он напрямую соотнесен с такими ключевыми идеями русской языковой картины мира, как идея непредсказуемости мира, о том, что человек не в силах управлять событиями своей жизни и пр. [Вежицкая 1997; Зализняк и др. 2005; Радбиль 2016 и др.]. И в русском языке рассыпано множество свидетельств важности представления об удаче для русских людей. Это обстоятельство и предопределило наше обращение к проблеме лингвистического изучения концепта «удача» в русской языковой картине мира.

Актуальность работы, таким образом, заключается в филологической, общенаучной и культурной значимости комплексного исследования ключе-

вого русского концепта «удача» в свете востребованных в современной гуманитаристике идей антропоцентризма и лингвистического когнитивизма.

Объектом исследования является русская языковая картина мира, представленная совокупностью ключевых концептов и связующих их инвариантных ключевых идей — доминант русской культуры.

Непосредственным **предметом исследования** выступает семантическое наполнение, смысловой объем и семантическая структура концепта «удача» в русской языковой картине мира по данным языка и речи.

Объект и предмет исследования позволяют определить **цель исследования** — комплексное лингвокультурологическое синхронно-диахронное описание концептуального содержания и языковой объективации концепта «удача» в национальной концептосфере, в речевой практике носителей русского языка и в русском языковом сознании.

Поставленная цель обуславливает решение следующих **задач**:

1) осветить теоретические принципы анализа концептов в современном гуманитарном знании, методы и методики концептуального анализа, а также обосновать принятую в работе концепцию комплексного описания концепта «удача» и последовательные этапы его осуществления;

2) раскрыть особенности экстралингвистического содержания представлений об удаче в пространстве национальной культуры;

3) охарактеризовать концептуальное содержание, смысловой объем и семантическая структура концепта «удача» по данным русских лексикографических источников;

4) осуществить диахронический анализ концепта «удача» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении;

5) изучить особенности фразеологической и паремиологической объективации концепта «удача»;

6) выявить и содержательно интерпретировать словообразовательные, парадигматические и синтагматические связи и отношения слов, воплощающих концепт «удача» в русском языке;

7) верифицировать и уточнить выявленные когнитивные признаки концепта «удача» посредством анализа контекстов употребления слов — репрезентантов данного концепта в русской речи;

8) исследовать новые явления в дискурсной реализации слов — репрезентантов концепта «удача» в лексике и словообразовании;

9) определить специфику рецепции концепта «удача» в современном русском языковом сознании посредством проведения психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента.

Материалы исследования включают в себя: (1) энциклопедические источники, философские и психологические словари, фольклорные, научные и публицистические тексты; (2) лексикографические источники — основные русские толковые, фразеологические и словообразовательные словари, этимологические и историко-лингвистические словари, словари синонимов и антонимов, пословиц и поговорок, словари сочетаемости и др.; (3) данные Национального корпуса русского языка; (4) данные собственного Интернет-мониторинга автора; (5) данные психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента, полученные автором лично

Объем обследованного материала: всего проанализировано более 800 словоупотреблений (лексемы — репрезентанты концепта, неодериваты, синонимы, антонимы, фразеологизмы, паремии и пр.); методом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка было извлечено более 750 контекстов употребления слов — репрезентантов концепта, из интернета — порядка 250 контекстов.

Степень изученности проблемы. В мировой и отечественной традиции представления об удаче давно являются предметом пристального внимания ученых, писателей, публицистов, религиозных и общественных деятелей. Научное изучение этого концепта в рамках философии начинается еще с античных времен. В наши дни этот концепт находится в центре внимания математиков и логиков в связи с проблематикой теории вероятности.

Несмотря на то что представление об удаче давно считается одной из ключевых тем русской культуры, собственно лингвистическое изучение концепта «удача» началось сравнительно недавно, в начале 90-х гг. XX в. Так, в 1991 г. в рамках деятельности Проблемной группы Института языкознания РАН «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой вышло ежегодное издание под названием «Культурные концепты», где в ряде статей авторы рассматривали ряд смежных вопросов, например, представление о судьбе в русской культуре [Радзиевская 1991]. В контексте представления о свободе воли и предопределенности этой проблемы касался и Ю. С. Степанов в своем словаре «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 1997]. А. Вежбицкая также затрагивает данный вопрос в анализе русских концептов «судьба» и «авось» [Вежбицкая 1997]. Другую сторону представления об удаче, связанную с идеей счастья, рассматривают в работах, посвященных концепту «счастье», С. Г. Воркачев [Воркачев 2001] и А. А. Зализняк [Зализняк 2003].

В ряду более современных исследований концепт «удача» часто рассматривается в связи с анализом синонимичных концептов — в частности, концепт «успех» [Каслова, Чернова 2010; Харитоновна 2015; Бакуменко 2019 и др.]. Сам же концепт «удача» исследуется на разном языковом материале, например, на материале английской фразеологии [Лызлов 2017], английской паремиологии (в сопоставлении с русской) [Иванова 2016]. На материале русского языка, в частности, известно психолингвистическое экспериментальное исследование слова *удача* как ассоциативного имени (ассоциата в эксперименте) [Горинова 2009].

Но при этом в интересующем нас аспекте комплексного лингвокогнитивного описания концепта «удача», в рамках предлагаемой нами методики синхронно-диахронного лингвокультурологического исследования, на материале Национального корпуса русского языка и психолингвистического эксперимента, данный концепт в современной отечественной науке о языке еще не изучался.

Таким образом, **новизна исследования** обусловлена введением в научный оборот нового предмета — смыслового наполнения и языковой объективации концепта «удача» в контексте лингвокогнитивного и лингвокультурологического подхода, нового материала для исследования — данных Национального корпуса русского языка, а также проведением эксперимента по моделированию ассоциативных полей удачи и успеха. Кроме этого, в современной науке о языке еще не изучались лексико-семантические и словообразовательные преобразования слов — репрезентантов концепта «удача» в современной русской речи.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении основных принципов комплексного лингвокультурологического описания концепта и в апробации методики анализа на новом исследовательском материале — смысловом наполнении концепта «удача» в русской языковой картине мира и его объективации в русском языке.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его основных результатов в вузовских курсах по лексикологии и фразеологии, по когнитивной лингвистике, по лингвокультурологии и концептуальному анализу, в преподавании русского языка как иностранного в иноязычной аудитории, а также в практике составления словарей нового типа — словарей концептов и лингвокультурологических тезаурусов.

Методологическую основу исследования заложили идеи антропоцентрического подхода в лингвистике, представленные в трудах В.фон Гумбольдта, Й.-Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Э. Бенвениста, Р.А. Будагова, В.М. Алпатова, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова и др.; теоретические принципы современного лингвистического когнитивизма в работах Дж. Лакоффа, Ж. Фоконье, Р. Джаккендоффа, Л. Талми, Р. Лэнкера, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Р.М. Фрумкиной, Е.В. Рахилиной и др.; положения теории языковой концептуализации мира и языковой картины мира, обоснованные в трудах Ю.Д. Апресяна, В.И. Поставаловой, Т.В. Цивьян, О.А. Корнилова, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной,

А.Д. Шмелева и др.; основы лингвокультурологического направления в языкознании, изложенные в работах В.Н. Телия, В.В. Воробьева, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, В.А. Масловой, В.И. Карасика, и др.; методология анализа концептов в работах В.В. Колесова, А.П. Бабушкина, С.Г. Воркачева, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Г.Г. Слышкина и др.

Методы исследования основаны на методике концептуального анализа, принятой в Нижегородской концептологической школе [Ручина 2012; Радбиль 2018] и разработанной на базе принципов описания концептов З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2007]; также в исследовании использованы элементы методов традиционного лингвистического описания, этимологического анализа, компонентного анализа лексики, контекстуального анализа, анализа концептуальной метафоры, функционального анализа, сопоставительного анализа и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Комплексный лингвокультурологический анализ смыслового наполнения концепта «удача» по апробированной в работе методике лингвистически подтверждает сосуществование в представлении об удаче в русской языковой картине мира двух концептуальных блоков: (1) удача как везение, как проявление судьбы, рока, фатума в контексте непредсказуемой и непознаваемой до конца действительности, жизни, которая не контролируется человеком (фаталистический аспект удачи); (2) удача как счастье и блаженство в контексте веры в лучшее, надежды на лучшее, но при отсутствии усилий, которые человек должен прилагать для достижения желаемого состояния (фелицитарный аспект удачи), которые воплощены в 24 когнитивных признаках анализируемого концепта.

2. Национально-специфической чертой представления об удаче в русской языковой картине мира является смысловая связь между концептами «удача» и «удаль», которая поддержана этимологической близостью и отра-

жается в рецепции данного концепта современными носителями русского языка, реализуясь в контекстах современного употребления слов.

3. Существенную национальную обусловленность в представлении об удаче отражают модели концептуальной метафоризации: модели овеществления (реификации), когда удача метафорически представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда, и модели одушевления, когда удача метафорически представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо. Полученные в результате концептуальной метафоризации удачи смыслы следует рассматривать как новые когнитивные признаки концепта.

4. Значимыми для представления удачи в русской языковой картине мира являются концептуальные сближения и расхождения между концептами «удача» и «успех». Концептуальная близость этих концептов подтверждается их синонимизацией, а также тем, что в словарных толкованиях одно понятие в ряде значений толкуется через другое. Концептуальное расхождение этих понятий по признаку отсутствия / наличия личных усилий для достижения благоприятного результата верифицируется разной сочетаемостью (можно *добиться успеха*, но не **удачи*) и вхождением в разные ассоциативно-парадигматические ряды.

5. Новые явления в лексической объективации концепта «удача» связаны с расширением сферы приложимости этого концепта и проявляются: (1) в контекстах атрибутивной сочетаемости, в которых удача может быть приписана значимым социальным, политическим, юридическим, военным, финансовым, коммерческим, экономическим и др. областям нашей жизни, быть исторической, географической, градостроительной, полиграфической и пр.; (2) в контекстах генитивной сочетаемости, в которых происходит метафорическое одушевление субъекта — носителя удачи: носителем удачи может быть природа, искусство, религия, война и пр.

6. Новые явления в словообразовательной объективации концепта «удача» связаны с отражением специфической позиции говорящего — иронического остранения или снижения представления о чьей-либо удаче, с шуткой, негативно-оценочной реакции на незаслуженную удачу или на удачу в недостойном деле с недостойными целями и пр.; также в неодериватах на базе слова *удача* осуществляется отрицательная характеристика ситуации как мнимой удачи или, в случаях с неодеривацией с уменьшительно-ласкательным суффиксом, позитивно-оценочное отношение к ситуации, в норме обозначаемой словом *удача*.

7. Посредством психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента должны верифицироваться выявленные на предыдущих стадиях исследования когнитивные признаки и обнаружиться новые явления в рецепции концепта «удача» в современном русском языковом сознании, которые заключаются в утилитаризации понимания удачи, в связи удачи с идеей чисто материального преуспевания, что в традиционном восприятии удачи в русской культуре не было столь акцентированным.

Апробация результатов данного исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в статьях, докладах и материалах конференций. Диссертация прошла апробацию на международных и российских научных конференциях (Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020 и 2021 гг.; Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2020 и 2021 гг.; Орел, 2020 г., Чебоксары, 2020 г., Архангельск, 2020 г.). Диссертация прошла обсуждение на заседании кафедры русской филологии, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации Института русского языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Структура работы. Диссертация содержит введение, три главы, заключение, библиографический список. Общий объем диссертации — 207 с.

Во **введении** представлены актуальность, объект, предмет и материал исследования, цель и задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методы исследования и положения, вынесенные на защиту.

В первой главе обсуждаются основные принципы концептуального анализа в современном гуманитарном знании.

Во **второй главе** рассматривается смысловое наполнение концепта «удача» в экстралингвистическом и собственно лингвистическом освещении

В третьей главе анализируется дискурсная реализация концепта «удача» в современной русской речи и в языковом сознании носителей современного русского языка.

В заключении обобщаются основные итоги и формулируются перспективы исследования.

Библиографический список представлен тремя разделами (источники, научная и учебно-методическая литература, словари и энциклопедии) и содержит 272 наименования.

ГЛАВА I. Основные принципы концептуального анализа в современном гуманитарном знании

В главе последовательно освещаются основные научные принципы современной лингвокультурологической парадигмы в гуманитарном знании (раздел 1.1), рассматривается научное понятие «концепт» в историко-научном и теоретическом освещении (раздел 1.2), освещается методология и методы концептуального анализа (раздел 1.3), обосновывается концепция диссертационного исследования (раздел 1.4).

1.1. Лингвокультурология как междисциплинарное направление в современных лингвистических исследованиях

1.1.1. Стратегии научного поиска в лингвокультурологическом направлении гуманитарного знания

Лингвокультурология сегодня выступает как одно из востребованных направлений в гуманитарном знании, изучающее проблематику соотношения языка и культуры, основные принципы мироведения, идеалы и ценности, жизненные установки и модели поведения, отражённые в языке. В центре внимания лингвокультурологии — некая совокупность знаний о национально-культурной специфике языка и содержания речевого общения [Воркачев, 2001: 65].

В языке отражается только тот образ мира, который моделируется в культуре; в языке культура запечатлевает свои смыслы, осуществляет память о себе. Окружающая человека действительность, мир социума и внутренний мир во многом представлены в восприятии человека через посредство языка,

в результате чего каждый язык отображает реальность по-своему, формируя своеобразную языковую модель мира, определяющую особенности национального менталитета. «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1985: 349].

Проблема взаимосвязи языка и культуры так или иначе всегда присутствовала в гуманитарном знании, но собственно лингвистическое ее осмысление берет свое начало в основополагающих трудах В. фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984], Й.-Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 2004], Э. Сепира и Б.Л. Уорфа [Уорф, 1960а и 1960б; Сепир, 1993] и продолжается на современном этапе в работах [Вежбицкая, Арутюнова, 1991; Колесов, 1993, 1995, 1999, 2002 и 2004; Карасик, 1996 и 2001; Телия, 1996; Вежбицкая, 1997 и 2001; Воробьев, 1997; Верещагин, Костомаров, 2000; Воркачев, 2001; Маслова, 2001 и 2006; Ковшова, 2013; Радбиль, 2016 и др.].

Эти и многие другие ученые своими работами подготовили становление в начале 90-х гг. XX в. нового направления в гуманитарном знании, которое получило название «лингвокультурология» [Телия, 1996]. «В развитии лингвокультурологии выделяют следующие периоды: первый — предпосылки развития науки; второй — оформление лингвокультурологии как самостоятельной области исследования; в данный момент начинает складываться третий период — развитие фундаментальной междисциплинарной науки — лингвокультурологии» [Маслова, 2001: 28].

Лингвокультурологическое направление гуманитарного знания формируется на стыке лингвистики, этнографии и фольклористики, антропологии, социологии и культурологии, психологии, философии и пр. и тем самым носит отчетливо выраженный междисциплинарный характер.

Подобная междисциплинарная ориентация связана с формированием антропоцентрического подхода в гуманитарном знании [Караулов, 1987; Ал-

патов, 1993; Апресян, 1995а и 1995б; Арутюнова, 1996; Степанов, 1998; Кубрякова, 2004 и др.], в рамках которого сглаживается новое понимание языка. По мнению В.И. Постоваловой, «лингвокультурологическое направление развивается в русле имманентно–антропологической парадигмы: язык исследуется в контексте человека и его мира и понимается как необходимый момент жизнедеятельности человека и его конститутивное свойство [Постовалова, 2016].

Язык интерпретируется не просто как система и структура, но как орудие миропонимания, как механизм получения важнейшей информации о внешнем мире, о культуре этноса, а также о специфике национального мирозидения и национального характера народа. Антропоориентированное понимание языка рассматривает национальный язык как основное средство межпоколенной передачи культурно значимой информации для этноса, как хранилище коллективного опыта народа, как постоянно возобновляющийся транслятор национальных идеалов и ценностей, его нормативно-регулятивных моделей, его поведенческих стереотипов и установок.

В работах В.И. Карасика и др. определены важнейшие факторы, способствовавшие становлению лингвокультурологической парадигмы в современном научном мире. На фоне тенденции к глобализации человечество постепенно осознает важность культуросберегающих технологий, позволяющих сохранить уникальность и самобытность отдельно взятых языков и культур в разнообразной палитре путей познания мира, необходимость осознания значимых этнических ценностей для оптимального межкультурного взаимодействия в многоязыковом и поликультурном мире.

В научном мире также происходит своего рода переоценка ценностей, особенно в гуманитарных науках. Тенденция к специализации меняется на тенденцию к интеграции, к объединению усилий представителями разных гуманитарных наук: лингвистики, психологии, социологии, этнографии, культурологии, философии и др. — для решения фундаментальных проблем,

лежащих вообще в основании гуманитаристики как свода научных знаний о человеке.

Также отметим, что именно национальный язык как средство хранения и ретрансляции базовых смыслов и ценностей национальной культуры выступает основным культурным механизмом социальной и национальной идентификации личности.

В современных лингвокультурологических научных штудиях язык рассматривается как средство аккумуляции, хранения и ретрансляции совокупного коллективного опыта интроспекции народа, который в свою очередь облигаторно закрепляется в единицах и категориях национального языка на разных уровнях (в лексике и фразеологии, морфемике и словообразовании, морфологии и синтаксисе). «Язык служит средством накопления и хранения культурно-значимой информации. В некоторых единицах эта информация для современного носителя языка имплицитна, скрыта вековыми трансформациями, может быть извлечена лишь опосредованно. Но она есть и «работает» на уровне подсознания» [Маслова 2001: 11].

Таким образом, сегодня лингвокультурология обретает и свой предмет и объект, и свои специфические цели и задачи, и свои методы. «Лингвокультурология — комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве языкового и внеязыкового содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» [Воробьев, 1997: 37].

По словам М.Л. Ковшовой, «лингвокультурологическое направление разрабатывает исследование языка, сознания, коммуникации, культуры как целостного феномена и ставит человека в центр этого объекта» [Ковшова, 2013: 13]. Опираясь на работы [Телия, 1996; Верещагин, Костомаров, 2000; Маслова 2001 и 2006; Ковшова, 2013; Радбиль, 2017 и др.], мы можем очер-

тить примерный круг проблематики, входящей в область интересов современного лингвокультурологического направления в науке о языке.

Лингвокультурологические исследования основываются на том положении, что в языковых знаках хранится и транслируется в речи культурная информация — объясняющая прошлое и прогнозирующая будущее. «Проблема выявления культурно-значимой информации слов и выражений естественного языка сегодня выступает в качестве центра притяжения самых разных школ и направлений лингвокультурологической ориентированности» [Радбиль, 2018: 213]. Важность выявления конкретных типов культурно значимой информации в языке связано с тем, что в национальном языке тем или иным способом кодируется система этических идеалов иерархия ценностей, нормы и ориентиры, поведенческие приоритеты и установки этноса на том или ином этапе его духовной эволюции. Овладевая родным языком, человек одновременно приобщается к нормам и принципам ценностной ориентации в мире, принятым в той или иной культуре [Телия, 1996; Ковшова, 2013].

Таким образом, в рамках лингвокультурологического подхода исследуются тематические и содержательные разновидности культурной информации (что именно отражается в «языке национальной культуры»: «ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др., 2005], «константы культуры» [КСРК, 1997], «культурные доминанты» [Карасик, 2001] и пр.); форматы знания о мире и системы ценностей, отраженные в языке (какие типы информации, заключенные в языковых знаках и текстах фольклора, транслируются в речи, какие коннотации, образующиеся в ходе интерпретации единиц языка в пространстве культурной информации, входят «добавками» в их семантику, закрепляются в качестве категориального компонента значения и пр.); тип передачи культурной информации — культурные концепты, культурные семы, культурные коннотации и культурный фон [Телия, 1996], специфика отражения культурно-значимой информации на разных уровнях языковой системы (лексика фразеология, морфемика и словообразование, грамматика) и в ее речевой реализации, в том числе в текстах, и пр.

Важнейшим научным инструментарием современной лингвокультурологии являются идеи языковой концептуализации мира и языковой картины мира, которые мы рассмотрим в следующем подразделе данной работы.

1.1.2. Языковая концептуализация мира и языковая картина мира в современной лингвокультурологии

Для современной лингвокультурологии во многом характерна ориентация на завоевания когнитивной лингвистики. Это связано с тем, что лингвокультурологию интересуют национально и культурно обусловленные форматы знания о мире, представленные в естественном языке, исследование которых является одной из приоритетных задач современного лингвокогнитивного направления в науке о языке. Ведь все это входит в так называемую «когницию», понимаемую как деятельность человека по знаковому освоению мира в языке [КСКТ, 1996; Болдырев, 2004; Кубрякова, 2004 и пр.].

Основным способом осуществления когниции можно считать **языковую концептуализацию мира**. В общем виде под языковой концептуализацией мира можно понимать процесс мыслительного преобразования данных, получаемых в опыте восприятия внешнего мира, посредством единиц, средств и категорий естественного языка [КСКТ, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997 и др.]. Ср., например: «В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собой мир, взятый в его интерпретации людьми, вместе с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют окружающую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [Булыгина, Шмелев, 1997: 7].

В ходе языковой концептуализации мира в национальном языке закрепляются результаты познавательной и ценностной активности человека, представленные в определенных когнитивных схемах и моделях, фиксируются «новые кванты знания» [Токарев, 2003: 17], при этом в каждом языке это происходит по-своему, в зависимости от заданного языком «ракурса» рассмотрения явлений окружающей действительности, социального и психического мира. В этом смысле мы можем говорить о национально и культурно обусловленных единицах «языка мысли» [Вежбицкая, 1997], неких первичных элементах языковой концептуализации мира, главным из которых принято считать **концепт**.

Одним из первых, кто в отечественной лингвистике определил научный концепт «языковая концептуализация мира», был академик Ю.Д. Апресян. Одним из первых о понятии «языковая концептуализация мира» высказался Ю.Д. Апресян: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. Осмысление мира в языке этноса носит системный и целостный характер, оно представляет собой особую «наивную» философию этноса, для каждого языка свою [Апресян, 1986: 5-33].

Идеи Ю.Д. Апресяна развиваются в коллективной монографии А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева, в которой авторы утверждают, что «владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные» [Зализняк и др., 2005: 18].

Итак, мы вплотную подошли к другому важному научному понятию современного лингвокогнитивного направления в лингвокультурологических исследованиях — понятию «**языковая картина мира**» (ЯКМ). Языковая

модель, или картина, мира является результатом языковой концептуализации мира, рассмотренной выше.

Представления о том, что в языке народа отражены особенности его миропонимания, восходят еще к В. фон Гумбольдту, который впервые сформулировал мысль о тождестве «языка народа» и «духа народа» [Гумбольдт 1984: 68]. Само терминосочетание «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*), в качестве научной метафоры, впервые использовал Й.-Л. Вайсгербер в своей статье «Родной язык и формирование духа» (1929): «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Вайсгербер 1993: 153].

Мысли Й.-Л. Вайсгербера, нашедшие свое выражение в сформулированном им «законе родного языка», согласно которому усвоение языка означает одновременно и усвоение некой программы в восприятии и понимании мира, соотносятся с положениями о «лингвистической относительности» Э. Сепира и Б.Л. Уорфа [Уорф 1960а и 1960б; Сепир 1993]. Этот комплекс идей был воспринят в отечественной лингвистике еще в 60-е–70-е гг. XX в. [Иванов 1978].

В коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира», которая увидела свет в конце 80-х гг., утверждается программное положение о том, что языковая картина мира есть «определённый способ видения мира, охватывающий значительную часть его восприятия вообще» [Роль человеческого фактора, 1988: 114], и тем самым окончательно ввел в научный оборот проблематику языковой картины мира.

В отечественной науке о языке теория языковой картины мира разрабатывается в исследованиях [Апресян, 1986, 1995а и 1995б; Караулов, 1987; Булыгина, Шмелев, 1997; Руднев, 1997; Попова, Стернин, Чарыкова, 1998; Кубрякова, 1999 и 2004; Радбиль, 1999 и 2018; Новикова, Черемисина, 2000; Уфимцева, 2000; Языковое сознание, 2000; Маслова, 2001 и 2006; Шмелев, 2001 и 2002; Карасик, 2002; Картина мира, 2002; Попова, Стернин, 2002; Корнилов, 2003; Зализняк и др., 2005; Цивьян, 2006; Ковшова, 2013 и др.].

В наши дни нет единого взгляда на объем и содержание этого научного понятия, но при всех расхождениях ученые сходятся в том, что языковая картина мира представляет собой некую целостность, совокупность информации о внешнем мире, социальной и психической реальности, складывающейся в единый образ мира у отдельного человека, социальной или иной референтной группы и у этноса в целом.

В последнем случае принято говорить о национальной языковой картине мира (русской, английской, китайской и пр.). Ср. приводимую в книге Ю.Н. Караулова мысль о том, что в общем виде под языковой картиной мира следует понимать «взятое в своей совокупности все концептуальное содержание данного языка» [Караулов, 1987].

Одно из ведущих направлений в научной интерпретации понятия «языковая картина мира» основывается на положениях Ю.Д. Апресяна о «наивной» модели (картине) мира, воплощенной в национальном языке. Ученый говорит, что «языковые значения связаны с реальностью не напрямую, а через отсылку к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке». При этом «наивная модель мира отнюдь не примитивна. Во многих деталях она не уступает по сложности научной картине мира, а может быть, и превосходит ее» [Апресян 1986: 5-9 и далее].

При этом очевидно, что недостаточно сводить понятие языковой картины мира к особенностям языковой системы, проявляющейся в техниках номинации. В национальной языковой картине мира моделируется инвариантная совокупность базовых представлений о мире, которые представляют

собой общий свод «языковленных» знаний о реальности в отвлечении от специфики индивидуального опыта, от различных точек зрения каждого индивидуума; по мнению О.А. Корнилова, речь идет о своего рода *вербализованной системе «матриц»*, «в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [Корнилов, 2003: 80].

В целях нашего исследования важно, что так понимаемая языковая картина мира воплощает в себе единство сознания, культуры и языка: под воздействием культурных факторов создается определенный образ мира в сознании, который так или иначе воплощается в средствах национального языка [Карасик, 2002]. «Выделение тех или иных категорий, осмысление тех или иных явлений, концептуализация понятий, формирование системы ценностей, само видение мира принадлежит культуре» [Ковшова, 2013: 11].

Изначально, согласно положению, сформулированному еще в коллективной монографии [Роль человеческого фактора, 1988], ученые разграничили понятия «языковая картина мира» и «концептуальная картина мира»: ЯКМ выступает в этой трактовке как один из способов знакового воплощения концептуальной картины мира (наряду с художественным, научным, религиозным, мифологическим и др. типами ее воплощения).

Однако последнее время многие говорят о том, что разделять концептуальную и языковую картину мира в целом методологически непродуктивно. Ученые предпочитают говорить о едином феномене, условно именуемом «культурно-языковая картина мира», как это, например, сформулировано в исследованиях В.И. Постоваловой:

«Первоначально речь шла о двух типах картин мира — «концептуальных» (или чисто смысловых), создающихся в сферах мифологии, религии, философии, науки, искусства, и собственно «языковых», формирующихся в недрах обыденного сознания человека. Постепенно по мере того, как основное внимание при изучении концептов стало переключаться с общих проблем концептологии и систематики мировидений, намеченных еще Гум-

больдтом, на чисто эмпирические исследования функционирования отдельных концептов в культуре, такое разделение картин мира перестало представляться конструктивным. И термин «концептуальная картина мира» как общее название для определенного класса картин мира постепенно уходит из метаязыка лингвистики. В настоящее время в реальных эмпирических описаниях речь все чаще идет о конкретных «культурно-языковых» картинах мира и их единицах — ключевых словах культуры» [Постовалова, 2010: 268–269].

Именно такое, комплексное, понимание языковой картины мира как лингво-ментально-культурного феномена представлено в коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк и др., 2005], которого мы придерживаемся в настоящей работе.

В своей другой работе А.А. Зализняк, один из авторов указанной выше коллективной монографии дает следующую дефиницию ЯКМ: «“Языковой картиной мира” принято называть совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, “дискурсивных” слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний — по выражению А. Вежбицкой, “культурных сценариев” (таких как, например: *хорошо, если другие люди знают, что человек чувствует...*)» [Зализняк, 2006: 206-207].

Данное понимание коррелирует с целями нашего исследования в том плане, что ЯКМ формируется посредством концептов национальной культуры, которые объединяются в систему через ключевые идеи русской языковой картины мира. Именно изучение концептов как главных выразителей национального образа мира в естественном языке представляется основным исследовательским механизмом в постижении целостной модели мира, представленной в национальных языках.

1.2. Концепт в историко-научном и теоретическом освещении

1.2.1. Научные понятия «концепт» и «концептосфера» в современном гуманитарном знании

В наши дни в числе ведущих научных стратегий гуманитарного знания находится так называемый «антропоцентрический подход» [Будагов, 1974; Караулов, 1987; Алпатов, 1993; Апресян, 1995а и 1995б; Taylor 1995; Арутюнова, 1996; Постовалова, 1999; Радбиль, 1999; Кустова, 2000; Маслова, 2001 и 2006 и др.], в центре которого находится когнитивный подход к изучению явлений языка, текста, культуры [Фрумкина, 1991 и 1992; Кубрякова, 1992, 1994, 1999 и 2004; Демьянков, 1994; Баранов, Добровольский, 1997; Болдырев, 1998, 2001 и 2004; Рахилина, 1998; Красных, 2002; Jackendoff 2002; Лаккофф, 2004; Попова, Стернин, 2006–2007; Sperber, & Wilson 2015; Радбиль, 2017 и др.]. Одним из ключевых научных понятий, позволяющих описывать и анализировать специфику представления знания о мире человеком, обществом, этносом, является **концепт**.

Концепт так или иначе присутствует в разных отраслях гуманитарного знания, в число которых входят, например, философия, семиотика, психология, социология, антропология и этнография, культурология и, наконец, лингвистика. Поэтому концепт с самого начала был понятием междисциплинарным и в разных науках трактовался по-разному. Для философии этот термин означает в принципе любой формат знания о мире, любую форму познания действительности в мышлении. В зависимости от точки зрения, термин наполняется разным содержанием. В философии этот термин имеет наиболее общее толкование: это категория познания, форма отражения мира. В психологии концепт представлен как один из ведущих видов «ментальной репрезентации» [КСКТ, 1996], организующий разные модальности восприятия и

виды памяти. Также концепт становится объектом изучения когнитивно ориентированной лингвистики.

В отечественной гуманитаристике понимание концепта через призму отражения знания о мире восходит к работе философа С.А. Аскольдова-Алексеева, вышедшей еще в 1928 г.: «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [цит. по: Лихачёв, 1997]. Современная когнитивная лингвистика прибегает к термину «концепт» с целью объяснения познавательных механизмов, рассматривает его как связь между действительностью и сознанием. В этом смысле «под концептом понимается мысленное образование, имеющее характер устоявшегося и типичного образа, выполняющее заместительную функцию» [Токарев, 2003: 8].

В лингвокогнитивном понимании концепт выступает как ментальная, психическая единица информации, которая формирует наши знания о мире, наш опыт взаимодействия с миром и выступает как результат познавательной деятельности человека. Также концепт является единицей памяти и «языка мысли» (*lingua mentalis*), того, что принято именовать «картина мира» [Кубрякова, 1997: 90]. Н.Н. Болдырев определяет **концепт** как «единицу осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев, 2009: 26]. М.В. Никитин дает следующее определение: «**концепт** — дискретная *многофакторная ментальная единица* со стохастической (вероятностной) структурой» [Никитин, 2004: 53].

Концепт в большинстве гуманитарных направлений, в том числе и в лингвистике, имеет области сближения и расхождения с термином *понятие*, с которым в некоторых случаях нет достаточно чёткого разграничения. Так, концепт сводится к содержательной стороне понятия. «Лингвистический энциклопедический словарь» просто приравнивает понятие и концепт: «Понятие (концепт) — явление того же порядка, что и значение слова, но рассмат-

риваемое в несколько иной системе связей; значение — в системе языка, понятие — в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [Ярцева, 1998]. В свою очередь, Л.О. Чернейко предлагает разделять данные термины на следующем основании: понятие выступает как рациональная, логическая, абстрактная форма мышления и познания мира, а концепт — как сублогическая, рационально-иррациональная, конкретно-чувственная форма. «Содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает всё множество прагматических элементов имени, проявляющихся в его сочетаемости. А сочетаемость имени отражает и логические, рациональные связи его десигната (денотата) с другими, и алогичные, иррациональные, отражающие эмоционально-оценочное восприятие мира человеком» [Чернейко, 1997: 287].

Г.В. Токарев также связывает концепты с разновидностью представлений, которые имеют следующие различительные признаки от понятий: «во-первых, их донаучный (наивный) характер, нечёткий экстенционал, вариативный интенционал, что приводит ... к тому, что понятия объясняют происходящее, представления — нет; во-вторых, интернациональный характер первых и идиоэтнический — вторых» [Токарев, 2003: 33]. Концепт, в отличие от понятия, является механизмом не логического отражения мира, а его конкретно-чувственного восприятия; концепт не имеет строго очерченных объема и содержания, которые текучи и подвижны; также он национально и культурно обусловлен, идиоэтничен.

Когнитивный взгляд на природу концепта обуславливает возможность поставить вопрос о возможной культурной специфике этого явления, что делает концепт также и объектом пристального внимания со стороны **лингвокультурологии**. Лингвокультурологический взгляд находит в концепте этнокультурную единицу смысла и соотносит его с понятиями *языковой картины мира* и *ментальности*. По мнению Ю.С. Степанов, концепт есть «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в мен-

тальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек ... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 1997: 10]. «Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [там же, 11]. Концепт — место встречи культурного сознания с языком, это даже не единица сознания, навязанная культурой, а точка взаимовлияния конкретного человеческого сознания и культуры.

Интерпретация концепта в лингвокультурологическом подходе исходит из положения об изоморфизме языка и культуры как двух соотносящихся семиотических систем, которые относятся друг к другу как форма и содержание в процессе знакового воплощения этнического взгляда на мир. По словам Д.С. Лихачёва: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачев, 1997: 234]. В результате слово приобретает массу потенциальных смыслов. С этой точки зрения язык представляется пластом, лежащим над культурой. Концептами же являются те отражения, которые существуют между культурой и языком.

В трактовке Г.В. Токарева концепт определяется как многоуровневый ментальный феномен, который имеет следующие характеристики: историко-культурная обусловленность; открытый смысловой объем; разнородный источник пополнения содержательных признаков — это могут быть научные идеи, обыденные понятия, стереотипы, идеологемы, модели поведения и жизненные установки и пр.; дуализм смыслового наполнения, в котором сочетается абстрактное и конкретное, рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное; неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального; разноуровневый характер языковой экспликации [Токарев, 2003: 10]. Итак, для лингвокультурологии концепт — это прежде всего культурный смысл. Он безгранично разнообразен в возможностях своей репрезентации, однако лингвокультурология ограничивает предмет исследования концепта до его репрезентации в языке.

В наши дни ученые склоняются к интегративной интерпретации концепта, в которой органично соединяются лингвокогнитивная и лингвокультурологическая точки зрения на концепт, который «в общем виде понимается как обобщенное мыслительное представление определенного фрагмента физической или психической реальности в языковой картине мира личности, социума или этноса» [Радбиль 2016: 67, 69 и далее].

Эта же связь лингвокогнитивного и лингвокультурологического аспектов в интерпретации концепта прослеживается и в определении М.В. Пименовой: «Концепты — это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Концепт — это представление о фрагменте мира. Концепт — это национальный образ, идея, символ, осложненный признаками индивидуального представления» [Пименова 2011: 59].

Такое интегрирующее понимание характерно и для исследователей Воронежской научной школы: «Концепт — дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2003: 258].

На основе вышеизложенных определений попытаемся дать свое рабочее определение:

— *многоуровневый лингво-культурно-ментальный феномен, воплощающий значимый фрагмент языковой картины мира этноса и объективированный в совокупности разноприродных (эксплицитных и имплицитных) языковых средств выражения.*

Обобщая все сказанное выше, мы можем выявить общее понимание концепта, объединяющее когнитивный и культурологический аспекты: концепт — это квант смысла, формат знания о мире, имеющий культурно-специфическую основу.

Будучи иерархически организованной и многомерной мыслительной единицей, концепт имеет определенную **структуру**, состоит из каких-то взаимосвязанных компонентов. По данному вопросу в науке о языке также имеются различные мнения, но в настоящем исследовании принята точка зрения, изложенная в трудах З.Д. Поповой и И.А. Стернина.

В концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина концепт характеризуется нежесткой, подвижной структурой. Он состоит из элементарных компонентов, которые получили название **когнитивные (концептуальные) признаки**. Это отдельно взятые смыслы, выявленные посредством анализа словарных толкований и иного языкового и речевого материала (подробнее — см. ниже, раздел 1.4 настоящей главы).

Разные когнитивные признаки образуют различные **концептуальные слои** (ядерные, базовые и периферийные — ближняя и дальняя периферия). **Ядро** концепта формируется словами — именами концепта и другими, семантически близкими к именам концептов словами, взятыми в их имеющих минимальную семантическую обусловленность, первичных значениях. **Базовые слои** образуются семантически и словообразовательно производными единицами, синонимами, антонимами и пр. **Периферийные слои** составляют так называемое интерпретационное поле концепта и воплощаются в ассоциациях, прагматонимах, фразеологизмах и паремиях, прецедентных феноменах, неузуальных моделях употребления слов — репрезентантов концепта и их словообразования, в знаковых текстах культуры и пр. [Попова, Стернин, 2003: 60–64].

Понятие «концептосфера». Концепты образуют упорядоченную систему связей и отношений, выстраиваясь в некое структурированное целое, которое принято именовать **концептосферой**. Существуют концептосферы

разной степени общности: индивидуальная концептосфера личности, социогрупповые концептосферы (профессиональные, возрастные, гендерные, социальные) и, наконец, концептосфера этноса [Попова, Стернин, 2003: 19]. В книге В.А. Масловой концептосфера понимается, как совокупность концептов, которые формируют целостное мироощущение народа [Маслова, 2001: 17]. По мнению Е.С. Кубряковой, концептосфера выступает как синоним понятий «концептуальная система», «концептуальная структура» и представляет собой «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Кубрякова, 1997: 94].

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что концептосфера с точки зрения лингвокультурологии является структурно организованным миром культурно значимых смыслов этноса, говоря нетерминологически — «культурным миром». Культурный мир (концептосфера) — смысловой универсум системы «культура» [Зусман, Кирнозе, 2003: 85]. Концептосфера культуры представляет собой некий инвариант разнообразных проявлений индивидуальных, социальных, гендерных, возрастных и иных «миров» в пределах единого миропонимания этноса на том или ином этапе его духовной эволюции. Это своего рода «план выражения» по отношению к национальной ментальности, которая выступает как «план содержания».

Обобщено концептосферу можно определить как совокупность концептов — единиц информации о мире, которая обладает структурой: культурно значимая информация в сознании носителей языка так или иначе систематизируется. Результатом процесса структурирования знания и является определенная концептосфера.

1.2.2. Типология концептов

Концепты можно дифференцировать по разным основаниям, в зависимости от того, какой признак положен в основу типологии. Так, по характеру

концептуализируемой информации, З. Д. Попова и И. А. Стернин выделяют: *представление* — мыслительная картинка, обобщенные чувственно-наглядные образы предметов или явлений (концепты-представления статичны и являются отражением наиболее ярких, чувственно воспринимаемых признаков отдельного предмета или явления); *схема* — пространственное или графическое отображение концептуального содержания; *фрейм* — многоуровневое структурированное представление о фрагменте действительности; *сценарий (скрипт)* — динамическая последовательность элементарных операций и чередование эпизодов социального взаимодействия в составе стандартного типа деятельности: празднование; поездка за город и пр.; *гештальт* — сложный и структурированный концепт, схематично представляющий более сложное явление в терминах более простого (политика как игра, любовь как путешествие и пр.) [Попова, Стернин, 2003].

Еще одна классификация данных авторов основана на характере вербализации концепта и степени его активности в сознании носителей языка. В данной работе нас интересует вопрос вербализации концептов. В этом плане З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют по степени устойчивости *устойчивые* (регулярно вербализуемые) и *неустойчивые* (нерегулярно или совсем не вербализуемые концепты); по степени абстрактности — *абстрактные* и *конкретные*, по наблюдаемости — *вербализованные* (для них есть средства выражения) и *скрытые* (не вербализуемые или вербализуемые только искусственно) концепты.

Существуют также различные способы объективации концепта, в соответствии, с которыми можно выделить:

- Концепты, объективируемые лексико-фразеологическими средствами (выражаемые словами и фразеосочетаниями)
- Концепты, репрезентируемые синтаксическими средствами (их представляют фреймы, сценарии)
- Концепты, объективируемые в пословицах, поговорках, афоризмах

- Концепты, вербализируемые только с помощью текстов [Попова, Стернин, 2003].

В классификации представителей Волгоградской школы анализа концептов (В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др.) говорится о способах выражения концептов при помощи языковых единиц разных уровней: лексем, фразеологизмов, свободных словосочетаниях, предложений. Интересно заметить, что выделяются, помимо всего прочего, морфемы и словоформы как способы выражения концептов, — например, уменьшительно-ласкательные суффиксы (концепт «нежность»), глагольная форма «ложить» (концепт «безграмотность»). В различных контекстах одна и та же единица языка может представлять различные концепты [Слышкин, 2000; Карасик, 2001].

В работах [Бабушкин, 1999; Рудакова, 2004 и др.] также приводятся следующие классификации: по типу общественного сознания — научное, религиозное, мифологическое, художественное, бытовое и пр.; по характеру обобщения субъекта — носителя информации о мире общечеловеческие (универсальные), идиоэтнические (национально-специфические), социально-групповые, индивидуальные.

Независимо от типа концепта, современный когнитивно ориентированный подход предполагает значительную роль национального языка в восприятии и функционировании концептов в национальном сознании. Это выводит нас на проблему вербализации, т.е. языкового воплощения концептов.

1.2.3. Языковое воплощение концепта

В современной науке по-разному отвечают на вопрос, единицей чего — мышления или языка — является концепт? С одной стороны, в науке существует мнение, что язык — лишь средство называния, обозначения тех концептов, которые формируются независимо от него [Павиленис, 1983]. Другая точка зрения состоит в том, что язык как единственная форма мышления, включает в себе те свойства, которые вынуждают концептуализировать мир,

что значит, в сущности, подчинять его осмысление категориям, которые задаёт язык [Уорф, 1960а и 1960б; Сепир, 1993].

Между двумя указанными крайностями в решении вопроса о принадлежности концепта той или иной сфере существует и умеренная, компромиссная позиция. Согласно этой позиции, концепт в целом принадлежит ментальной сфере, но имеет языковые формы воплощения, причем полностью исчерпать содержание концепта только языковыми средствами невозможно, всегда имеется невербализуемый компонент концептуального содержания. «Концепт — единица концептосферы, значение — единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит — их значения» [Попова, Стернин, 2003: 59].

Концепт — это носитель знания особого типа, «наивного» знания о мире [Апресян, 1986], обыденного познания, так называемого «языкового знания» [Чернейко, 1997]. Это все целостное содержание фрагмента опыта взаимодействия носителя языка с внешней средой и внутренним миром как результата познавательной и ориентационной деятельности человека, которое «подведено под один знак и предопределяет бытие знака как известной когнитивной структуры, а также составляет объем и содержание языкового знания» [Чернейко, 1997: 287].

Содержание концепта формируется посредством экстралингвистической информации разных типов: сведения о природном окружении, физической и социальной среде, пространственные и временные представления, этические и эстетические принципы, нормы и ценности, стереотипы поведения, модели коммуникации и пр. Но эта информация определенным образом объективируется в языке, посредством его единиц, средств, моделей и категорий, и актуализуется в речи, в дискурсе.

Недаром и А. Вержбицкая говорит о том, что самые главные концепты этноса все-таки кодируются именно в языке, хотя языковое воплощение не исчерпывает полностью их концептуального содержания [Вержбицкая, 1997]. С.Г. Воркачев также отмечает, что концепт есть «культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму» [Воркачев, 2001: 45].

Итак, большинство исследователей сходится в том, что главным средством языковой репрезентации концептов является слово как единица лексической системы языка (т.е. лексема) [Вержбицкая, 1997; Бабушкин, 1998; Нерознак, 1998; Токарев, 2003 и др.]. Таким образом, мы можем поставить вопрос о том, в каких единицах и моделях языка и речи и каким образом вербализуются концепты?

Речь идет прежде всего о словах и выражениях, которые принято именовать как *ключевые единицы национальной культуры* или *языковой картины мира, ключевые элементы «языка культуры»* и пр. [Радбиль, 2017]. В уже упомянутой книге «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005) авторы упоминают о четырех классах указанных слов и выражений, представляющие собой главный интерес в рассматриваемом аспекте:

1. Слова и выражения, которые, предположительно, соотносятся с универсальными общечеловеческими константами — философскими категориями и понятиями (жизнь и смерть, человек и Бог и пр.). Спецификой именно русской языковой картины мира является выражение базовых философских понятий такого рода не одним словом, а концептуальной аппозитивной связкой — истина и правда, дух и душа, свобода и воля и пр. Такие пары, как правило, существуют в виде значимых для этноса культурных оппозиций (*истина — правда, ум — разум* и пр.). В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «когнитивно (концептуально) универсальных концептов» [Радбиль, 2016: 235]

2. Слова и выражения, которые, предположительно, соответствуют аналогичным словам и выражениям в другой культуре, но именно в русской культуре имеющими повышенную ценностную значимость и специфическую «конфигурацию смыслов», отсутствующих у их эквивалентов в других языках и культурах. Это такие слова, как *любовь, судьба, подвиг* и пр. В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «когнитивно (концептуально) уникальных концептов» [Радбиль, 2016: 235], так как на вербальном уровне их все же можно перевести на другой язык, пусть и с потерей некоторых важных семантических компонентов.

3. Слова и выражения, которые, предположительно, не имеют эквивалентов не только на концептуальном, но и на вербальном уровне («безэквивалентная лексика и фразеология»): *тоска, удаль, соборность* и пр. Их можно назвать лингвоспецифичными, или безэквивалентными, лексическими единицами. В работах Т.Б. Радбиля такие слова и выражения относятся к средствам воплощения так называемых «вербально уникальных концептов» [Радбиль, 2016: 235].

4. В отдельную группу слов и выражений, по мнению авторов коллективной монографии, следует включить группу национально специфических «дискурсных слов» (модальных слов, частиц, междометий и под.) — типа *авось, заодно, на всякий случай, если что* и пр., которые имеют особый статус, потому что непосредственно выражают неосознанные носителями языка, но при этом регулярно воспроизводимые в речи их «жизненные установки» [Зализняк и др., 2005: 25–36].

В концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина за языковую репрезентацию концептов прежде всего отвечают следующие классы языковых единиц, средств и категорий:

- «готовые» воспроизводимые исконные (реже — заимствованные) единицы естественного языка — слова и фразеологизмы разных знаменательных частей речи (чаще — существительные, но не обязательно), имеющие в своей семантике необходимую культурно-значимую информацию;

- искусственно созданные единицы метаязыка науки — типа «безделушечность», «русскость» и пр. [Радбиль, 2016], предназначенные для выражения значительного количества смыслов, не имеющих по тем или иным причинам готового наименования в естественном языке;

- служебные слова и выражения (модальные слова, вводные конструкции, частицы, междометия и пр.);

- имена собственные и другие прецедентные феномены;

- свободно творимые в речи словосочетания и предложения;

- словообразовательные модели;

- грамматические категории и отдельные культурно-значимые граммы (например, безличность, собирательность и пр.);

- структурные синтаксические схемы, выражающие типовые пропозиции — например, выражение негации, выражение обладания, возвратные и пассивные конструкции и пр. (синтаксические концепты);

- структурными и позиционными схемами предложений, несущими типовые пропозиции

- микротексты, фрагменты текстов, целые тексты и даже совокупности текстов на одну тему (в том числе — фольклорные) [Попова, Стернин 2003: 38].

Вербализация концепта средствами национального языка обуславливает актуализацию в его концептуальном содержании национально-специфических компонентов культурно значимой информации, потому что, согласно методологическим основам лингвокультурологии, в каждом языке так или иначе отражены особенности этнического взгляда на мир, системы идеалов и ценностей народа, его жизненных установок и т.п.

1.3. Методология и методика концептуального анализа в лингвокогнитивном и лингвокультурологическом аспектах

1.3.1. Изучение национальной и культурной специфики концепта в гуманитарном знании как методологическая основа концептуального анализа

Методологической основой лингвокультурологического анализа концептов является представление о национальной и культурной специфике концептов и других единиц «языка национальной культуры». Необходимо понять, что именно мы исследуем в единицах и категориях национального языка, как следует интерпретировать выявленный языковой материал?

Идея о национальной обусловленности образа мира, воплощенного в фактах этнического языка, восходит к положению В. фон Гумбольдта о том, что язык народа — это его дух [Гумбольдт, 1984]. В языкознании XX века эту идею развивает А. Вежбицкая, в работах которой была предложена и апробирована целая исследовательская программа по сопоставительному исследованию разных культур через посредство «ключевых слов». Ключевые слова выделяются по параметру культурной разработанности, частотности, трудной переводимости на другие языки и пр. [Вежбицкая, 1999]. По сути дела, А. Вежбицкая говорит как раз о концептах культуры, для которых и постулируется наличие определенного национального своеобразия.

Эту идею развивает, например, и С.Г. Воркачев: «План содержания лингвокультурного концепта включает как минимум два ряда семантических признаков. Во-первых, в него входят семы, общие для всех языковых реализаций, которые «скрепляют» лексико-семантическую парадигму и образуют его понятийную или прототипическую основу. Во-вторых, туда входят семантические признаки, общие хотя бы для части его реализаций, которые отмечены лингвокультурной, этносемантической спецификой и

связаны с ментальностью носителей языка либо с менталитетом национальной языковой личности» [Воркачев, 2001: 45].

Современная точка зрения на этот вопрос заключается в том, что разные языки видят мир по-разному, т.е. в разных национальных концептосферах имеется универсальное ядро, общее для всех людей, и национально-специфическая «оболочка», связанная с тем, что одни и те же явления, события, сущности разные языки отображают разными способами. Эта двойственность присуща и концептам культуры как главным носителям культурно значимой информации. Так, например, С. Г. Воркачев выделяет три составляющие концепта: понятийную, значимостную и образную, отмечая при этом, что именно образная и является ключевой в современном лингвокультурологическом подходе к концепту как понятию духовной ценности с отмеченной этнокультурной спецификой [Воркачев, 2001: 7].

Национальную обусловленность концепта можно видеть в двух планах: с точки зрения содержания, т.е. того, что именно, какой культурно значимый фрагмент действительности отражен в концепте, и с точки зрения языковых, речевых или текстовых средств выражения, т.е. того, каким образом то или иное содержание представлено в национальной концептосфере.

Национальная и культурная специфика концептов на уровне содержания рассматривает, например, С.Г. Тер-Минасова. Ученый считает, что в зону повышенной культурной значимости входят языковые средства, которые имеют отношение к обозначению таких явлений, как быт народа, его обряды и ритуалы, традиции и обычаи, предметы обихода, привычки и стереотипы поведения, правила и нормы речевого и внеречевого общения, принципы восприятия мира и стандарты национально обусловленного мышления, фольклор, литературу и искусство [Тер-Минасова, 2000: 56–61].

Таким образом, концепт может запечатлеть в себе следующие аспекты национально-культурного своеобразия:

- 1) фрагменты неких устоявшихся форм образно-мифологического видения мира, природы;

2) определенная концепция человека, его социальных и культурных связей, его внутреннего мира;

3) некие типизированные формы народного мышления, способы образно-ассоциативной связи понятий, количественного членения мира и распределения признаков, связей и отношений того или иного явления;

4) способы оценки того или иного явления;

5) система идеалов и ценностей, нравственных норм и образцов;

6) народные представления о красоте;

7) система религиозных и мифологических представлений;

8) определенные этапы социокультурного развития и некие исторические события, социальные институты, бытовая обрядность и пр.

Названные выше области изучения можно применить и к проблеме языковых средств выражения национальной обусловленности концептов культуры. Возникает закономерный вопрос, каким же образом и посредством каких языковых инструментов выражается в концепте указанное национально обусловленное содержание?

Прежде всего — это наличие в языках мира так называемой *безэквивалентной лексики*, выражающей реалии и понятия одной культуры, которые отсутствуют в другой. В частности, в русском языке существуют лингвоспецифичные концепты, которые без потерь нельзя передать средствами другого языка, например *удаль, совесть, тоска, подвиг* и пр. [Вежбицкая, 1997; Лихачев, 1998; Зализняк и др., 2005 и др.].

Аналогичным образом национально-обусловленные концепты на вербальном уровне могут выражаться посредством безэквивалентных *фразеологизмов*, отражающих культурную специфику взгляда на мира и системы ценностей этноса [Телия, 1996; Маслова, 2001 и др.]. Национальная самобытность языка вообще получает наиболее яркое и непосредственное проявление во фразеологии.

В.Н. Телия утверждает, что в речевой практике этноса фиксируются и идиоматизируются такие образно-метафорические конструкции, которые так

или иначе соотнесены в языковом сознании этноса и в опыте его культурной интроспекции с прототипами и стереотипами, с эталонами и образцами его ментальной, ценностной и поведенческой активности; они транслируются через поколения посредством устойчивых выражений, тем самым выступая как зримые и объективные приметы ментальности этноса, особенностей его языковой картины мира [Телия, 1996: 87].

На уровне семантики слова мы, вслед за В.Н. Телия, можем говорить о *культурных семах* и *культурных коннотациях*. Культурная сема — это национально обусловленный компонент семантики слова: ср. одно из значений для лексемы *молодец*: «(с пометой *нар.-поэт.*) В народной словесности: удалец, храбрец» [СО, 1998].

От культурной семы, согласно В.Н. Телия, надо отличать культурную коннотацию — «интерпретацию денотативного или образно мотивированного <... > аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996: 214 и далее]. Это несущественный (т.е. не входящий непосредственно в толкование слова или фразеологизма), но при этом устойчивый и регулярно воспроизводимый в речевой практике ассоциативный компонент смысла, что свидетельствует о его национально-культурной значимости: носители языка могут даже не подозревать о нем, но они постоянно репродуцируют его в контекстах переносного употребления, в суждениях — «наивных дефинициях», в устойчивых выражениях — коллокациях и пр.

По мнению ряда исследователей, национально обусловленные культурные смыслы могут выражаться и посредством специфики использования каких-либо грамматических категорий или синтаксических конструкций. Так, обсуждая такие значимые для русской культуры идеи, как «иррациональность» и «непредсказуемость мира», А. Вержбицкая в качестве одного из средств выражения этих идей рассматривает глагольные категории безличности [Вержбицкая, 1997]. В свою очередь, концепт «авось», по мнению авторов коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира», выражается не столько данным словом, которое в современной русской

речи мало употребительно, а синтаксическими конструкциями с дискурсивными вводными словами типа *в случае чего, если что, на всякий случай* и под. [Зализняк и др., 2005].

Можно заключить, что практически все участки языковой системы так или иначе связаны с выражением культурно значимой информации и тем самым могут быть носителями национальной специфики при языковом воплощении концептов. С учетом этого следует определять подходы, методы и методики анализа концептов национальной культуры.

1.3.2. Методы анализа концептов в современной науке о языке

В исследованиях Р.М. Фрумкиной в свое время было сформулировано три генеральных направления описания концептов, сложившихся в теории и практике современного концептуального анализа: (1) интроспекция исследователя (А. Вежбицкая), т.е. формализация в научном исследовании языковой компетенции и жизненного опыта самого исследователя; (2) анализ толкований концепта по данным лексикографических источников, энциклопедических источников и под.; (3) рассмотрения экстралингвистической среды бытования концепта, его внеязыкового окружения, с привлечением данных других наук (психологии, литературы, истории и пр.) [Фрумкина, 1991: 3–29].

В свою очередь, в работе М.Л. Ковшовой отмечается, что лингвокультурологический анализ во многом опирается на этнолингвистический метод исследования вербальных знаков в контексте культуры. Лингвокультурология «выросла» также из когнитивной лингвистики [Ковшова, 2013: 3]. В последнее время к целям лингвокультурологической интерпретации фактов языка адаптируются и разного рода экспериментальные психолингвистические методики.

Таким образом, мы можем условно выделить три направления в существующих методах и методиках анализа культурных концептов: **ЭТНОЛИН-**

гвистическое, лингвокогнитивное (в широком смысле слова) и **экспериментальное**. При этом мы также будем иметь в виду, что возможно комплексное описание концепта, включающее в себя одновременно и этнолингвистический, и лингвокогнитивный, и экспериментальный компоненты.

Этнолингвистическое направление в анализе концептов изначально имело диахроническую ориентацию. Образцом этого направления следует считать семиотический анализ концептосферы народной культуры в этнолингвистике Н.И. Толстого и его последователей [Толстой, 1995]. Согласно концепции Н.И. Толстого, язык и неязыковые формы народной культуры — элементы изобразительного искусства, музыки и пения, обычаев, обрядов, верований, мифологии и др. — следует рассматривать в виде единого семиотического континуума, который можно разделить на первичные элементы смысла, повторяющиеся и воспроизводимые в разных формах культурной традиции. Иными словами, одни и те же смысловые модели и схемы присущи и языковым, и обрядовым, и мифологическим структурам. При этом разные коды (зоонимический, фитонимический, гастрономический, астрономический, вестиментарный и др.) суть разные модели воплощения одного и того же содержания и переводятся с одного на другой. В этом плане можно говорить о своего рода межкодовой синонимии, когда разноприродные элементы языка, обряда, традиции, мифа варьируются в пределах одного смыслового инварианта [приводится по: Мечковская, 2004: 89-93].

В концепции В.В. Колесова, которую лишь условно можно именовать «этнолингвистической», анализ концептуального содержания русской народной «речемысли» (т.е. ментальности) также осуществляется на диахронической основе, по данным истории русского языка. Эта исследовательская программа резюмируется в словах В.В. Колесова о том, что «о ментальности народа можно говорить только в исторической перспективе. Тогда она не конструируется, а воссоздается в действительных своих различиях» [Колесов, 2006: 3]. В центре внимания В.В. Колесова — историко-лингвистическое исследование происхождения и развития лексической семантики слов ключе-

вых тематических групп (лексика цвета, семья, народ, закон и пр.), а также эволюцию грамматических структур русского языка (отвлеченные понятия, модели субъектно-предикатных и таксисных отношений, сочинительные ряды, и пр.). На этой основе автор выделяют ряд константных, инвариантных «культурных тем», которые остаются неизменными в «философии русского слова» на протяжении всей ее духовной эволюции. Речь идет не о тематико-содержательных областях, а о принципах отображения мира в слове: (1) ориентация на *веру*, на *авторитет*, а не на верификацию путем установления соотношения с действительностью; (2) *конкретное* и *образное* выше умственного и рационалистического, (3) *символизм* — «метонимическая спаянность представления о предмете и самого предмета»); (4) *синтетичность* языкового мышления превалирует над аналитичностью в языковом осмыслении действительности; (5) *синкретичность* — установка на восприятие целостности явления, а не элементов, ее структурирующих (анти-структурный подход); (6) духовное начало преобладает над утилитарным [Колесов, 1999].

Также сравнительно-исторический подход на сопоставительной основе (кроме русского языка, характерно использование данных праиндоевропейского языка, древних языков и живых западных языков) используется Ю.С. Степановым в словаре «Константы: Словарь русской культуры» (1997) для реконструкции так называемых «констант культуры». Ю.С. Степанов рассматривает концепты в качестве исходных культурных смыслов — таких, как «истина», «знание», «вера», «закон» и пр. Ю.С. Степанов основывается на положении о том, что «вся совокупная духовная культура всякого общества состоит в значительной степени в операциях с этими концептами, при этом дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в «костях»), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав — вот первое оригинальное достояние русской культуры» [КСРК, 1997].

Этнолингвистическая ориентация явственно прослеживается в идеях В.Н. Телия — создателя московской школы лингвокультурологического ана-

лиза фразеологизмов. В науке о фразеологии именно «результаты контрастного описания фразеологизмов проливают свет на этническую логику, предопределяющую различия “наивных” культурно-языковых картин мира» [Телия, 1999: 16]. В отличие от подхода Ю.С. Степанова, который осуществляется как бы с позиции «внешнего наблюдателя», подход В.Н. Телия и ее последователей реализуется с позиции рефлексии самого носителя языка. Мы считаем этот подход условно диахроническим, так как в его основе лежит метод реконструкции внутренней формы фразеологизма, которая составляет его образную основу. Именно в образной основе фразеологизма отражено его культурно-значимое, «концептуальное» содержание. Оно формируется на основе «национально-культурной коннотации», которая во многом базируется на буквальном прочтении фразеологической единицы (это и есть ее внутренняя форма) [Телия, 1996]. М.Л. Ковшова пишет, что «в основе концептуализации, приводящей к когнитивно-семантическому синтезу (к идиоматичности), лежит метафора (а также метонимия, синекдоха и другие тропы), явленная в буквальном прочтении фразеологизма» [Ковшова, 2013: 17].

Лингвокогнитивное направление анализа концептов, в отличие от этнолингвистического, целиком и полностью синхронично. Оно во многом восходит к основополагающему труду Дж. Лакоффа и М. Джонсона, создавших теорию концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон, 2004]. В отечественной лингвистике известен продуктивный опыт применения этой теории в концептуальном анализе абстрактного имени существительного, который осуществлен Л.О. Чернейко, рассматривающей «те содержательные фрагменты абстрактного имени, о которых знает интуиция и которые она выводит на поверхность сознания через языковое знание, то есть через сочетаемость имени» [Чернейко, 1997: 284]. Имеется в виду буквальное прочтение сочетаний абстрактного имени с глаголами конкретного, физического действия или состояния и агентивными глаголами («время тянется», «время бежит») и с конкретными существительными по модели генитивной метафоры («панцирь отчужденности») [Чернейко, 1997: 276–277].

Теория концептуальной метафоры лежит в основе процедуры анализа концептов, предложенной О.О. Борискиной и А.А. Кретовым. Ученые исходят из того, что «совокупность наиболее устойчивых и часто реализуемых языковых метафор составляют каркас семантической структуры языка, обеспечивают её национальное своеобразие и определяют законы семантического развития лексики данного языка» [Борискина, Кретов, 2003: 139]. Они выделяют в первичном языковом материале (например, в языковом представлении стихий — огонь, вода, земля, воздух) аналогические модели концептуальной метафоризации, которые образуют классы выражений, построенные по одной и той же концептуальной схеме, т.е. основанные на схожих принципах метафорического представления определенных явлений реальности. Эти классы получают именование «криптоклассы»: «скрытые языковые категории, характеризующиеся тождеством семантического признака составляющих её слов и проявляющиеся в особенностях лексико-семантической сочетаемости» [Борискина, Кретов, 2003: 14]. Так, само существование в языке метафорических языковых выражений типа *умирающий огонь, родился огонь* и пр. интерпретируется как результат концептуализации огня через отнесение к криптоклассу «смертное живое».

Исследовательская программа А. Вежбицкой по сопоставлению культур посредством ключевых слов, по изучению «культурных скриптов» и пр. формально не может быть отнесена к лингвокогнитивному направлению, но, по сути, исследователь занимается установлением именно форматов знаний, жизненных установок и моделей поведения, которые стоят за определенными словами того или иного языка. По мысли А. Вежбицкой, любой идиоэтнический концепт или «культурный скрипт» любого языка в процессе толкования можно разложить на комбинацию «семантических примитивов» — минимальных неразложимых смысловых элементов универсального «языка мысли». Затем данные толкования слов или скриптов в разных языках «накладываются» друг на друга, и тем самым можно установить их сходства и разли-

чия. В результате выражения одного языка могут быть поняты и истолкованы на фоне другого [Wierzbicka, 1997].

Принципы концептуального анализа А. Вежицкой во многом стали отправной точкой для методики анализа ключевых идей русской языковой картины мира и ключевых понятий культуры, разработанной авторами коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» (2005). Авторы предлагают выявлять неассертивные, имплицитные компоненты смысла слов и выражений русского языка, которые проявляются в разных областях и на разных участках языковой системы. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание. В результате слова и выражения разных языков, которые могут быть сопоставлены на уровне их эксплицитных словарных толкований, на уровне неассертивных компонентов смысла обнаруживают существенные концептуальные расхождения, которые как раз связаны с несовпадением национальных языковых картин мира [Зализняк и др., 2005: 9 и далее].

Экспериментальное направление в анализе концептов является одним из самых молодых для этого направления исследований, хотя сами по себе экспериментальные методы в лингвистике имеют уже значительную научную традицию. В числе самых разнообразных методик проведения лингвистического эксперимента особое значение для концептуального анализа имеет так называемый **психолингвистический ассоциативный эксперимент**. Эксперимент, как правило, осуществляется на завершающем этапе описания концепта с целью верификации данных, полученных при анализе словарей и текстовых данных. Именно посредством проведения ассоциативного эксперимента ученые могут получить объективные данные о том, как именно представлен тот или иной концепт в языковом сознании: «Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния сознания когнитивных признаков концепта» [Ручина, 2012: 102].

В ряду основателей ассоциативной методики, которая начиналась в русле так называемой практической психологии, следует назвать американских ученых Х.Г. Кента и А. Дж. Розанова. Большой вклад в развитие психолингвистического эксперимента внес основатель американской психолингвистики Ч. Осгуд. На следующем этапе развитие психолингвистического эксперимента связано уже с когнитивной психологией — работы Э. Рош, М. Вилсон и др.: подробный и обстоятельный разбор истории вопроса приводится в книге Дж. Лакоффа [Лакофф, 2004]. В отечественной психологии проведение психолингвистического ассоциативного эксперимента разработана в трудах А.А. Леонтьева, А.А. Залевской, Ю.Н. Караулова, Р.М. Фрумкиной и др. [Залевская, 2001; Фрумкина, 1991 и др.].

В основе экспериментального подхода к анализу концептов лежат теоретические постулаты психолингвистики, а именно — представления о том, что слова и выражения естественного языка имеют определенный ассоциативный потенциал и формируют многообразные ассоциативно-семантические отношения в парадигматике и связи в синтагматике. Именно этот потенциал и выявляется в ходе проведения эксперимента. Респондентам предлагают слова-стимулы, на которые испытуемые должны дать спонтанную словесную реакцию или реакции, в зависимости от целей и условий эксперимента. Речь идет именно о первой вербальной реакции, которая пришла в голову респонденту. В процессе эксперимента не разрешается рефлексия, размышление, потому что интересен именно бессознательный характер реакции на стимул.

При визуальном или аудиальном восприятии стимула в сознании испытуемого происходит его обработка, включающая такие виды, как сигнификативная (декодирование); пресуппозиционная (экстралингвистическая); коннотативная (эмоциональная); когнитивная (смысловая). Сами ассоциации существенным образом обусловлены возрастом, полом, уровнем образования и профессией испытуемых. Они могут быть разного типа в зависимости от того, на что реагирует респондент: на семантические связи слов, на экстра-

лингвистические обстоятельства (социальный, образовательный, культурный уровень, образ жизни), звуковое сходство или ритмическая аналогия. Также ассоциации могут быть индивидуализированными в разной степени, потому что часто в основе ассоциации лежит клише или стереотип сознания, присущие той или иной референтной группе [Клименко, 1970 и 1978; Леонтьев А.Н., 1975; Леонтьев А.А., 1997; Жинкин, 1982 и 1998; Языковое сознание, 2000; Методические указания, 2002; Ягунова, 2005; Мурзин, 2010 и др.].

В наше время разработку методики ассоциативного эксперимента применительно к анализу концептов обычно связывают с работами З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин, 2003, 2005, 2006–2007 и 2007]. Согласно идеям данных ученых, эксперимент выступает как составляющая в комплексном описании концепта, он дополняет и уточняет данные, полученные в результате анализа лексико-семантической системы языка и дискурсивного варьирования слов — репрезентантов концепта. Именно ассоциативные эксперименты дают возможность обнаружить наибольшее количество релевантных, актуальных для современного состояния языкового сознания когнитивных признаков концепта.

Ассоциаты имеют объективно-субъективный характер: с одной стороны, ассоциации отражают объективное содержание понятий и их связи в языковом сознании носителей языка, которые как бы навязаны узусом, а с другой — выражают субъективно-личностные смыслы испытуемого. Поэтому при финальной статистической обработке результатов эксперимента следует отсеивать индивидуальные смыслы и концентрироваться на константных, максимально повторяющихся инвариантных характеристиках концепта.

З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют следующие виды ассоциативных экспериментов:

(1) **свободный ненаправленный ассоциативный эксперимент**, когда респондент должен ответить первым словом, пришедшим в голову;

(2) **цепной (цепочечный) ненаправленный ассоциативный эксперимент**, когда, в отличие от свободного эксперимента, респондент должен

дать не одну словесную реакцию на стимул, а заданное количество, например, от трех до пяти, которые представляют собой определенную ассоциативную «цепочку»;

(3) **направленный ассоциативный эксперимент**, когда выбор ассоциаций ограничен экспериментатором — например, отвечать только существительными, не отвечать собственными именами и пр.

Кром этих базовых видов, выделяются также метод шкалирования («шкала Ч. Осгуда»), когда надо оценивать значимость какого-либо элемента по какому-то параметру по шкале, метод распределения по близости значения, метод объединения реакций в группы слов на основе пересечения общих элементов дистрибуции и др. [Попова, Стернин, 2007].

З.Д. Попова и И.А. Стернин в своих работах обобщают наиболее известные методы и методики концептуального анализ: методы логико-тематического анализа объема и содержания концепта; методы анализа словарных толкований; методы анализа ключевых слов; методы анализа развития новых значений слова — репрезентанта концепта (семантической деривации); диахронические историко-лингвистические методы; методы анализа фразеологизмов, паремий и афоризмов; методы сопоставительного анализа; методы грамматического (парадигматического и синтагматического) анализа; методы анализа неузуальной сочетаемости; методы анализа метафорических моделей; методы дискурсивного анализа текстов (художественных, публицистических и пр.); методы статистического анализа корпусов; ассоциативно-экспериментальные методы и т.д. [Попова, Стернин, 2003: 14–15].

Таким образом, на основе проведенного анализа наиболее известных методов и методик мы можем поставить вопрос о необходимости **комплексных методов** описания концептов культуры, которые совмещают вышеупомянутые подходы и тем самым могут дать более полные результаты.

1.4. Проблема комплексного описания концепта на лингвокогнитивной основе и обоснование концепции исследования

1.4.1. Методика комплексного лингвокогнитивного описания концепта: анализ его семантического наполнения, смыслового объема и языковой экспликации

Наиболее близкими к нашим исследовательским целям сегодня являются следующие научные школы комплексного лингвокультурологического описания концептов на лингвокогнитивной основе.

Это Тамбовская научная школа, во многом развивающая идеи Е.С. Кубряковой: проводятся мультилингвальные исследования моделей и схем концептуализации и категоризации мира в естественном языке [Болдырев, 1998, 2001 и 2004]. Это Волгоградская научная школа: осуществляются сопоставительные исследования «культурных доминант» и «ценностной картины мира» на основе когнитивно-дискурсивного подхода [Карасик, 1996, 2001 и 2002; Карасик, Слышкин, 2005; Карасик, Прохвачева и др., 2007; Слышкин, 2000а, 2000б и 2004]. Это Воронежская научная школа, основные постулаты которой уже рассматривались выше [Бабушкин, 1996 и 1998; Попова, Стернин, Чарыкова, 1998; Попова, Стернин, 2002, 2003, 2005, 2006-2007 и 2007; Борискина, Кретов, 2003]. К постулатам Воронежской школы близки исследования ученых Нижегородской школы концептуального анализа [Горшкова, Ручина, 2001 и 2011; Ручина, 2012; Русский язык, 2014; Радбиль, 2016 и 2017; Радбиль, Рацибурская, 2017].

Образец комплексной методики анализа концептов на лингвокогнитивной основе представлен в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина: комплексный характер этой методики обусловлен: (а) совмещением диахронического этнолингвистического, лингвокогнитивного синхронического и экспериментального направлений в анализе концептов; (б) анализом словарных

(системно-языковых) реализаций концепта, дополненный анализом синтагматических, парадигматических и деривационных особенностей языковой объективации концептов, и его текстовых (дискурсивных) реализаций; (в) совмещением анализа экстралингвистического содержания и лингвистических значений; (г) учетом полевой организации концепта.

В структуру концепта входит: (1) ядро концепта — ключевые слова, в том числе имя концепта. Критериями «ядерности» выступают частотность в речи, достаточная абстрактность обозначения, общеизвестность и др.; (2) базовый слой концепта — когнитивные признаки, непосредственно связанные по смыслу и ассоциативно с его ядром; (3) периферия концепта — дальние, ассоциативно-семантические связи, составляющие так называемое «интерпретационное поле» концепта [Попова, Стернин, 2007].

Схожая семиуровневая модель представления концепта изложена в работах Т.Б. Радбиля: «(1) само слово или словосочетание, обозначающее этот концепт в языке; (2) его семантические признаки и атрибуты, составляющие его концептуальное (т.е. внеязыковое) содержание; (3) его дефиниция, или определение (эксплицируемая в работах философов, писателей, публицистов, а также в саморефлексии над ключевыми понятиями в народной мысли о мире — в фольклоре); (4) его внутренняя форма, или этимология; (5) набор смыслов и ассоциаций, представлений и образов, встающих за этим словопользованием в парадигматике (квазисинонимические и квазиантонимические отношения, ассоциативные сближения, родо-видовые и партитивные отношения и пр.), в синтагматике (устойчивые модели сочетаемости, вхождение в непредикативные и предикативные конструкции, в том числе идиоматические), в деривационных связях (особенности словообразовательных отношений); (6) его функция — роль и место в иерархии ценностей; (7) его прагматика — совокупность поведенческих норм и стереотипов, поведенческие реакции, закрепленные за ним, в том числе семиотизированного типа (обряд, ритуал, речевой этикет и пр.)» [Радбиль, 2016: 236].

В целом комплексный анализ концепта в разных его видах включает: этимологический анализ; описание словарных толкований; описание антонимических, синонимических, гипо-гиперонимических, партитивных, посесивных и пр. связей слов — репрезентантов концептов; анализ дериватов; анализ типовых моделей сочетаемости (устойчивой — в коллокациях, фразеологизмах и поговорках; свободной — по словарям сочетаемости и корпусам); изучение синтаксических моделей и морфологических преобразований слов — репрезентантов концептов; анализ текстовой реализации концептов.

Комплексный анализ концепта на лингвокогнитивной основе опирается на следующие принципы. Концепт представляет собой некое единство внеязыковой информации и языковой семантики. При этом концепт вербализуется в языке не каким-либо одним словом, а иерархически организованной совокупностью языковых знаков разной природы и принадлежащих к разным уровням языка, комбинацией знаков, фрагментами текстов и целыми текстами и пр. [Радбиль, 2016].

В комплексном анализе концептов последовательно отличаются **концептуальное содержание** (в Нижегородской научной школе иногда именуется «**смысловое наполнение**» [Горшкова, Ручина, 2002; Ручина 2012]), и **языковая объективация (экспликация, репрезентация)** концепта, т.е. единицы и категории лексики и грамматики языка, их парадигматические, синтагматические, эпидигматические и деривационные связи и отношения в языке. В языковую объективацию входит также и дискурсивное варьирование слов — репрезентантов концепта в типовых и неузуальных контекстах употребления в дискурсах разного типа.

Концептуальное содержание формируется посредством выявления и фиксации **когнитивных (концептуальных) признаков** концепта. **Когнитивные признаки** — это самые разнообразные смысловые явления: отдельно взятое значение слова, оттенок значения, коннотация, сема, значение фразеологизма, граммема и пр., т.е. любой элемент смысла, который может быть воспринят носителем языка как отдельный, отличающийся от другого. При-

чем сам носитель может даже не осознавать его «отдельности», но при этом регулярно воспроизводить данный смысл в своей речи в типовых условиях употребления или типовой реакции на ситуацию [Попова, Стернин 2007].

Количественный состав когнитивных признаков, выявленных посредством анализа всех слов — репрезентантов концепта, составляет **смысловой объем концепта**. Упорядоченная система связей и отношений между отдельными когнитивными признаками, как правило, для удобства представляемая графически, выступает как **семантическая структура концепта**.

За **языковую объективацию концепта** (синонимические варианты терминосочетания — **репрезентация** или **экспликация**) отвечают несущие культурно-значимую информацию единицы, средства и категории разных уровней системы языка (лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические) в целом и элементы их «плана содержания» и «плана выражения», а также разнообразные рефлексии их речевой реализации — узуальные и незузуальные; в «дальнюю» ассоциативно-периферийную область языковой экспликации концепта входят смыслы, отраженные в малых фольклорных жанрах — загадках, пословицах, поговорках, в афоризмах и крылатых выражениях, в других прецедентных феноменах; также учитываются данные ассоциативного эксперимента — совокупность слов и выражений — реакций на стимул (ассоциатов).

Обобщая рассмотренные методы и методики, мы можем отметить, что комплексное лингвокультурологическое описание концепта на лингвокогнитивной основе является интегрирующим, т.е. ориентировано на максимально широкий и всеобъемлющий анализ языкового и текстового материала. С учетом этого мы можем обосновать концепцию нашего исследования.

1.4.2. Обоснование концепции и процедуры исследования

Принятая в работе концепция исследования концепта УДАЧА основывается на методологии и методиках анализа концептов культуры Воронеж-

ской и Нижегородской научных школ [Попова, Стернин, 2007; Горшкова, Ручина, 2002 и 2011; Радбиль, 2016].

На предварительном этапе исследования проводится сбор, отбор и первичная классификация языковых и текстовых материалов по данным лексикографических источников и Национального корпуса русского языка

На начальном этапе исследования проводится анализ внеязыковой составляющей концептуального содержания / смыслового наполнения концепта, который осуществляется на материале знаковых текстов культуры (в том числе фольклорных), энциклопедических источников и пр.

Данный анализ дополняется:

(1) изучением этимологических и историко-лингвистических данных по происхождению и истории лексических значений слов *удача / удаваться* и других слов, составляющих с данным словом некое концептуальное целое (*успех, удаль* и пр.): анализ осуществляется по этимологическим и историко-лингвистическим словарям;

(2) исследованием словарных толкований слов — репрезентантов концепта УДАЧА по материалам лексикографических источников — основных русских толковых словарей;

(3) рассмотрением особенностей:

- парадигматической реализации концепта (языковая и контекстуальная синонимия и антонимия слов — репрезентантов концепта, гипогиперонимические, партитивные, посессивные и другие их связи и отношения) — по словарям синонимов и антонимов;

- синтагматической реализации концепта (модели сочетаемости лексем — репрезентантов концепта, свободных и устойчивых, в том числе по данным фразеологии и паремиологии) — по словарям сочетаемости, по фразеологическим и паремиологическим словарям;

- деривационной реализации концепта (словообразовательное гнездо с вершиной — глаголом *удаваться / удался*) — по русским словообразовательным словарям.

В результате на этом этапе формируется совокупный смысловой объем концепта — набор составляющих его когнитивных признаков — и определяется его семантическая структура.

На следующем этапе анализируется дискурсная (текстовая) актуализация слов — репрезентантов концепта УДАЧА по текстовым данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга автора.

В результате на этом этапе проводится подтверждение и уточнение состава когнитивных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа, и исследуются новые явления в языковой объективации концепта УДАЧА на лексико-семантическом и словообразовательном уровне в современной русской речи.

На заключительном этапе анализа осуществляется ассоциативный ненаправленный цепочечный эксперимент, по результатам которого верифицируются когнитивные признаки, обнаруженные на предыдущих этапах анализа, и подтверждается их психологическая реальность в языковом сознании носителей современного русского языка.

Основные выводы по содержанию I главы

В современных стратегиях научного поиска в лингвистике отчетливо заявляет о себе такое междисциплинарное исследовательское направление, как лингвокультурология, которое базируется на антропоцентрическом подходе в гуманитарном знании. Связь современной лингвокультурологии с актуальными идеями когнитивной лингвистики обусловила исследовательское внимание к языковой концептуализации мира и языковой картине мира, этнической ментальности, национальной и культурной обусловленности естественного языка.

В качестве относительно автономного направления в рамках

современной лингвокультурологической парадигмы можно рассматривать концептуальный анализ, который ориентирован на выявление культурных доминант, ключевых идей языковой картины мира, основными выразителями которых являются концепты.

Концепт с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точки зрения можно определить как квант смысла, формат знания о мире, имеющий национально- и культурно-специфическую основу.

Концепты можно подразделять по разным основаниям, в том числе по характеру концептуализируемой информации, в соответствии с которым концепты делятся на представления, схемы, понятия, фреймы, гештальты и пр. Упорядоченная и структурированная совокупность концептов составляет концептосферу национального языка.

За вербализацию концепта в языке отвечают единицы, средства и категории разных уровней системы языка (лексические, фразеологические, словообразовательные, грамматические) и рефлексy их речевой реализации — узуальные и незуальные.

Концепты имеют национально-обусловленное содержание и национально-специфичный способ языкового выражения этого содержания посредством безэквивалентной лексики и фразеологии, культурных сем и культурных коннотаций, специфичных моделей реализации грамматических категорий и синтаксических конструкций и пр.

По итогам рассмотрения наиболее известных методов и методик концептуального анализа в настоящей работе была обоснована концепция комплексного лингвокультурологического описания концепта УДАЧА на лингвокогнитивной основе.

Исследовательская модель, принятая в настоящей работе, состоит в поэтапном анализе экстралингвистического содержания концепта и его языковой объективации по данным энциклопедических и лексикографических источников; парадигматических, синтагматических и деривационных отношений между словами — репрезентантами концепта УДАЧА; текстовой актуа-

лизации слов — репрезентантов концепта УДАЧА по данным Национального корпуса русского языка и Интернет-мониторинга; итогов цепочечного ассоциативного эксперимента.

В соответствии с описанной выше концепцией исследования далее, в главах II и III настоящей работы, представлен комплексный лингвокогнитивный анализ концепта УДАЧА в русской национальной концептосфере и его языкового воплощения в современной русской речи и в современном русском языковом сознании.

ГЛАВА II. Концепт «удача» в русской языковой картине мира

В главе представлены начальные этапы предпринятого нами комплексного лингвокогнитивного описания концепта «удача». Рассмотрены особенности экстралингвистического содержания этого понятия в мировой и национальной культуре, этимологические и историко-лингвистические составляющие его концептуального содержания, смысловое наполнение концепта по данным основных русских толковых словарей, а также по данным русской фразеологии и паремиологии (раздел 2.1). Охарактеризованы парадигматические, синтагматические и деривационные особенности языковой объективации концепта «удача» (раздел 2.2).

2.1. Концепт «удача»: экстралингвистическое содержание в культуре и семантическое наполнение в современном русском языке

2.1.1. «Удача» в пространстве национальной культуры: особенности экстралингвистического содержания понятия

Понятие удачи как счастливой случайности, благоприятного стечения обстоятельств является одним из древнейших в мировой культуре и цивилизации. Идея удачи, вне всякого сомнения, является общечеловеческой культурной универсалией, отражающей до-логическое, пред-рациональное мифологизованное представление об определяющей роли фортуны, судьбы, рока, фатума и пр. в жизни человека.

Удача в мифологических и религиозных представлениях. Удача является одной из самых архаических мифологем в истории человечества. Мифологическое восприятие событий, которые случаются с человеком и которые не могли на тогдашнем уровне знаний о мире быть предметом рационального осмысления, приводило к анимизации, персонализации удачи как сверхъестественного существа, вмешивающегося в жизнь людей. Во всех мифологиях мира существует бог или дух удачи — Тюхе в Древней Греции, Фортуна в древнеримской мифологии, Молох в древнесемитских верованиях, Велес у славян и т.д. Удаче посвящены многочисленные тексты фольклора всех народов мира — сказки, пословицы, поговорки, загадки и пр. [МБЭС 1998].

Также во всех народно-мифологических традициях существует достаточно сложная и разработанная обрядность, посвященная удаче, наличествуют ритуальные схемы привлечения удачи на свою сторону, обычаи в области обеспечения везения и избегания невезения (сплунуть через левое плечо, постучать по дереву и пр.). Имеется также множество примет (черная кошка), символов удачи (подкова, божья коровка, кроличья лапка, соцветье клевера и пр.). Все это сохранилось и до наших дней, что доказывает живучесть архетипических представлений об удаче и для современного человека [КСРК 1997].

Итак, корни образа удачи коренятся в языческой мифологической традиции, которая рассматривает удачу как безусловное благо для человека. Со всем иначе удача трактуется в религиозных представлениях. В большинстве мировых религий, в том числе и в православии, либо удача вообще отсутствует, поскольку в мире, в котором все определяется волей Бога, нет места слепому случаю, либо удача демонизируется, т.е. воспринимается как уловка дьявола или беса в контексте совращения человека с пути истинного познания промысла Божьего. Пожелание удачи, совершенно обычное в светской культуре, в контексте религиозно-православной традиции рассматривается как призывание беса, поскольку подлинно блаженство человек обретает на мо-

литвенном и деятельном пути служения Богу и снискания Божественной благодати, а не по воле слепого случая [КРФС 1996].

Интересно, что и для современного культурного сознания комплекс идей, связанных с удачей, не претерпел существенных изменений с древнейших времен. Современный человек, так же, как и древний, воспринимает удачу как благоприятное стечение обстоятельств, которое возникает в результате случайности, без какого-либо участия самого человека. Это может быть выигрыш в лотерею, получение неожиданного наследства, результат победы в азартной игре и пр.

Конфигурация смыслов 'благоприятное стечение обстоятельств', 'счастливый случай' и пр. порождает смысловое сближение удачи, с одной стороны, с такими понятиями, как везение, шанс и пр., а с другой — с такими понятиями, как успех, счастье и пр. Также удача рассматривается в контексте судьбы (счастливой или несчастливой), рока, фатума, фортуны.

Удача в научной картине мира. В современной научной картине мира разные аспекты удачи рассматриваются в философии, психологии, антропологии, культурологии, а также — в логике и математике (теория вероятности, теория игр и пр.), которая, в свою очередь, предоставляет научный инструментарий для политики, социологии и экономики.

В философии удача рассматривается через призму проблем свободы воли, детерминизма / индетерминизма, необходимости и случайности и пр. В современной философии широкую известность приобрел «**аргумент удачи**» философа Д. Перебума. В контексте философии тотального детерминизма считается, что в мире все предопределено и свобода воли невозможна. Таким образом, нет никакой случайности, нет места удаче. Детерминизму противостоит индетерминизм, согласно которому некоторые события происходят беспричинно. Суть «аргумента удачи» состоит в том, что возможность удачи, роли слепого случая в принятии решения также отменяет свободу воли, что вмешательство случая (беспричинного фактора) так же несовместимо со свободой воли, как всеобщий детерминизм. Ведь человек не контролирует слу-

чайные события, ход которых от него независим. Мы не можем сказать, что человек совершил некое действие свободно, если оно произошло совершенно случайно, как не можем и приписывать ему ответственность за случайные происшествия [Алексеев, Панин 2003; ФЭС 2003 и др.].

Современные трактовки «аргумента удачи» связаны с концепцией «возможных миров». Согласно этой концепции, один и тот же субъект, при наличии одних и тех же желаний, намерений, ценностей и обстоятельств, в одном из возможных миров совершает некое действие, а в другом — его не совершает. Именно в этой пороговой ситуации выбор не зависит от самого субъекта и определяется фактором случая, везения: «Александр в актуальном мире и Александр в возможном мире борются с одними и теми же искушениями и одинаковыми словами обращаются к себе, напоминая о долге дружбы и о святости обещаний. Александр из актуального мира преуспевает в борьбе с собой и помогает другу. Александр из возможного мира проигрывает эту битву и поступает эгоистично. Если мы считаем, что поступить морально в такой ситуации лучше, чем поступить эгоистически, мы приходим к выводу, что Александру из актуального мира просто повезло» [Секацкая 2017, с. 202].

В этике как части философии, в философской аксиологии удача рассматривается через понятие счастья (фелицитарные концепции — концепции счастья). Так, в философском словаре счастье рассматривается как аксиологическое понятие, обозначающее оптимальное для конкретного индивида сочетание различных благ, выражающееся в чувстве внутреннего удовлетворения тем, как складывается его жизнь в целом. В смысловую структуру этого понятия, помимо объективного обладания каким-то благами и субъективного переживания радости, чувства удовлетворения жизнью, в качестве важнейшей составляющей включается благосклонность судьбы, т.е. удача [Татаркевич 1981].

В работе Л.А. Мулляр дается социально-антропологическая реконструкция категории «удача» в сопоставлении с «успех» и «упадок». Автор ука-

зывает на возможные обертоны смысла понятия 'удача': «дал» / «дар», «даром», «данность кем-то», «божья помощь», «воля Бога», «дар свыше», «подарок судьбы», «везение», «авось», «чудо», «неприложенные собственные усилия», «благоприятное стечение обстоятельств», «дарованное счастье», «суррогатная позитивная результативность».

Л.А. Мулляр пишет: «Направленность на удачу является существенной характеристикой «замещающей» деятельности, которая целенаправлена, но при этом ориентирована на удовлетворение «хотения» «по щучьему велению», за счет активности внешних сил (как дар Божий, как распоряжение Судьбы). Такая деятельность служит средством развития псевдо-личности, которая есть не само-стремление и не само-стояние, а человеческий экземпляр, точка приложения внешних сил. Направленность на удачу предопределяет приоритет не собственных сущностно-качественных параметров личности, а первенство диспозиций «чужих» достижительных потенциалов [Мулляр 2008, с. 56–57].

В результате оказывается, что источником удачи выступают внеличные факторы, и поэтому установка на удачу у человека трактуется в рамках «достижительной парадигмы» как проявление внутренней несвободы личности, ее социального нездоровья, которое является следствием искаженного «перевернутого» мировосприятия, общественной пассивности («иждивенчества») и тенденции к социальному замещению. Делается вывод, что удача образует «онтологическую горизонталь» — одноуровневое, «уплощенное» существование личности [там же, с. 56–57].

В контексте антропологической парадигмы современного общества рассматривает удачу и С.В. Голубев. С его точки зрения, удача никак не связана с целерациональной деятельностью человека: «Удача — в ней нет **ничего**. Для нее не нужна воля, не нужен рациональный расчет, бессмысленны системность и методичность. Не нужны собственно никакие индивидуальные личные качества. Успех не приходит к кому угодно, просто так. Удача – дело случая, его игры, она онтологически случайна и потому делает излишними

личные усилия, за что ее и любят. В сущности, удача элиминирует личность; для того чтобы ее ждать, не нужно быть кем-то, достаточно просто быть» [Голубев 2000, с. 88].

По мнению ученого, установка на удачу, в противовес личностно-ориентированной жизненной стратегии успеха, характерна для патриархальных обществ с непроизводительным способом производства, для коллективистских культур, где активность индивидуума растворена в коллективных ценностях и предпочтениях, ослаблена, а также оценивается социумом отрицательно и даже может вызывать подозрение. Также установка на удачу присуща и современной постмодернистской культурной парадигме, для которой характерна высокая степень релятивизма в области ценностей, мифологизации сознания и «отрыва от реальности», которая знаменует в экзистенциальном плане «переход от мира, в котором стремились к успеху, к миру, в котором ловят удачу» [там же, с. 100].

В психологии удача освещается в контексте жизненных установок человека, т.е. позитивного отношения к жизни и позитивного оптимистичного мышления. Иными словами, зачастую удача или неудача — это не объективное стечение обстоятельств, а субъективная оценка человеком ситуации, частью которой он является. Позитивно мыслящие люди даже в объективно негативных ситуациях умеют находить моменты везения и конструктива. Чем больше человек оптимистичен, тем более он склонен оценивать себя и других в категориях «повезло»; чем больше человек пессимистичен, тем более он склонен видеть в себе и других следы неудачи.

Люди сами формируют свою удачу посредством того, как они воспринимают окружающую действительность, какие альтернативы умеют заметить и использовать к своей пользе, насколько гибко действуют, какие решения принимают, как ведут себя в случае нарушения положительных ожиданий, как умеют интерпретировать неудачные моменты в качестве удачных.

В работах психолога Г.А. Готовой утверждается, что, в отличие от успеха, для достижения которого личность прилагает целенаправленные уси-

лия, удача предполагает психологическую установку личности на роль случая, на фактор случайности. При этом личность должна уметь распознать, почувствовать удачу, замечать ее признаки: «... необходимо помочь человеку развить в себе такие качества, которые позволили бы ему стать более удачливым, то есть уметь почувствовать элемент удачи в различных, казалось бы, совершенно обыденных ситуациях и обратить их в свою пользу, извлечь позитивное для себя из самых, казалось бы, негативных обстоятельств, научиться брать ответственность за свою жизнь на себя, не бояться рисковать, стойко переносить неудачи...» [Глотова 2008, с. 345].

В логике и математике явления и события, зависящие от удачи (кости, карты, рулетка, гадания, прогнозы и под.) представляют собой объекты исчислений теории вероятности. Создание теории случая, или удачи, связывают с именем французского философа, экономиста и математика А.О. Курно, который определял случай как «пересечение двух независимых причинных цепей». Примечательно, что О.А. Курно говорил именно о благоприятном случае, т.е. об удаче, определяя случай именно как положительный момент в феноменах и событиях, который происходит в результате совместного синхронного существования многих независимых друг от друга рядов причин. Исчисления теории случая используются в экономике и политике [ФЭС 2003; Панин, Алексеев 2003].

Удача в русском культурном сознании. Как явствует из изложенного выше, удача является общечеловеческой универсалией, культурной константой, значимой для всех народов. Однако при этом представление об удаче как значимом феномене человеческого существования является в то же время в значительной степени этнообусловленным. Будучи архетипическим воплощением всеобъемлющей роли случая как проявления феноменологической ориентации русской языковой картины мира, согласно А. Вежбицкой [Вежбицкая 1997] (вспомним хотя бы знаменитый русский *авось*, как бы скрытый, «спрятанный» в семантике наречия *наудачу*), удача выступает в качестве одного из базовых элементов русской национальной культуры.

Представление об удаче, с одной стороны, органично вписывается в круг таких важных для русской языковой картины мира ключевых идей, как идея непредсказуемости мира, ощущение неконтролируемости личностью событий своей внешней и внутренней жизни, невозможности рациональным образом прогнозировать будущее и пр., что неоднократно обсуждалось в работах А. Вежбицкой, А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева, Т.Б. Радбиля и др. [Вежбицкая 1997; Зализняк и др. 2005; Радбиль 2016 и др.]. С другой стороны, удача коррелирует и с такими безусловными ценностями русского мира, как вера, надежда, счастье, благополучие и др. [Зализняк 2003; Воркачев 2007].

Фаталистический аспект удачи в русском мире рассматривает М.А. Осипова в статье «Успех, удача и жизненный мир русской культуры». В русской культуре установка на удачу противопоставлена западной установке на успех как на результат личных достижений. Как пишет М.А. Осипова: «Традиционное отталкивание от категории успеха связано и с таким свойством русской культуры, как повышенный (в сравнении с другими культурами) страх перед расплатой за успех, своеобразной данью судьбе, который для православного мироощущения в целом характерен в большей степени, чем для протестантского, - последнее предполагает вознаграждение за труд и добродетельную жизнь в земной жизни. Жизненный мир традиционной русской культуры ориентирован на послушание и смирение, что выражается в культурной установке на невыделенность субъекта социального действия» [Осипова 2008, с. 54].

Удача в контексте русских культурных установок рассматривается как результат везения, который не зависит от целерациональных действий субъекта. В концептуальной оппозиции *успех* и *удача* члены пары различаются по признаку наличия / отсутствия целеполагания. Успех по-русски — это случайность, удача: «Успех закономерен, удача случайна, она сама по себе является обстоятельством, сопутствующим успеху. Иными словами, успех имеет личностную атрибуцию, удача — обстоятельственную» [там же, с. 53].

Фелицитарный аспект удачи в русской культуре на материале русских народных сказок рассматривает В.Н. Люсин. Сказки трактуются как носители и ретрансляторы культурных стереотипов этноса. В их числе и этноспецифические представления о счастье как результате везения, т.е. удачи. Герои и героини русских народных сказок добиваются желаемых результатов в жизни вовсе не благодаря активным действиям в нужном направлении и тем более — не благодаря тому, что они этого хотели (например, Емеля никуда не спешит и ничего не предпринимает). «А вот везенье — фатум. Можно никуда и не бежать: "На тихого Бог нанесет, резвый сам набежит". Удача либо есть, либо нет (в корне "дать", ср.: "само далось"). ... По крайней мере особой категории избранников успех ни к чему: у такого уже есть удача, ему — не к спеху» [Люсин 2000, с. 91].

«Счастье-удача может быть относительно обусловлено добрыми наклонностями субъекта действия сказки, а может совершенно от них не зависеть. При этом удача выступает скорее лишь поводом к счастью истинному или ложному, ко благу или ко злу» [Абрамова 2011]. Везение приходит к героям и героиням не просто так. Оно является наградой за то, что персонажи — носители необходимых нравственных качеств, которые входя в состав национального идеала [Лихачев 1987]: мудрость, справедливость, милосердие, верность, сострадание, терпение и смирение и пр.

Как пишет А.А. Абрамова, древнейшая аксиологическая оппозиция СВОЕ — ЧУЖОЕ проявляется в сказках как антиномия праведности «несчастливых» и неправедности «благополучных», раскрывая ценностное отношение к смысловым доминантам народной культуры. Отсюда традиция особого интереса к справедливости в сочетании с готовностью к достойному принятию «ударов судьбы». Вот почему герои смиренные, т.е. имеющие дар с миром принимать как горести и обиды, так и неожиданные радости и благие перемены судьбы, видят свое счастье не в золотых слитках, а в добре, любви и красоте [Абрамова 2011]. Эта концепция вписывается и в ключевую русскую идею

непредсказуемости мира: нужно просто жить по нравственным заповедям и надеяться на благоприятный исход событий, и счастье тебя само найдет.

Таким образом, анализ экстралингвистического содержания представления об удаче в русской культуре позволил выявить два основных смысловых пласта:

(1) удача как везение, как проявление судьбы, рока, фатума в контексте непредсказуемой и непознаваемой до конца действительности, жизни, которая не контролируется человеком (фаталистический аспект удачи);

(2) удача как счастье и блаженство в контексте веры в лучшее, надежды на лучшее, но при отсутствии усилий, которые человек должен прилагать для достижения желаемого состояния (фелицитарный аспект удачи).

Думается, что наиболее объективные свидетельства о том, как русские люди представляют себе столь сложный и многоаспектный концепт, следует искать прежде всего в национальном языке. Этому посвящены следующие подразделы раздела 2.1 настоящей главы II.

2.1.2. Концептуальное содержание, смысловый объем и семантическая структура концепта «удача» по данным русских лексикографических источников

В соответствии с принятой концепцией исследования, семантическое наполнение концепта в лексико-семантической системе языка следует анализировать прежде всего по данным лексикографических толкований слов — репрезентантов концепта в основных русских толковых словарях. В нашем случае — это лексема *удача* и исходный глагол *удаться / удаваться*, который выступает как производящее слово по отношению к отглагольному существительному *удача*.

Сначала рассмотрим слово *удача*. Уже в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля у этого слова выделяется два базовых значе-

ния: (1) 'успех, поспешенье в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела', что позволяет выделить такой когнитивный признак, как 'благоприятный результат ч.-л., счастливый случай'; (2) для предложно-падежного сочетания *на удачу* — 'на авось, на счастье, на отвагу; наобум, на мах, набалмочь, зря', что позволяет говорить о наличии когнитивного признака 'случайность (возможно, благоприятная)' [СД 1999].

Примечательно, что в словаре В.И. Даля для этого слова указывается еще одно, ныне устаревшее значение в мужском роде: 'удалой, удалец, удачный, удатливый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача' (*Он парень удача; Приезжал удача, добрый молодец*) [СД 1999], что отражает вообще характерную для языка модель метонимического переноса «свойство → носитель свойства». Это позволяет сформулировать такой когнитивный признак, как 'тот, у которого все получается, кому все удается'. Современные контексты употребления в общем тоже допускают использование слова *удача* применительно к одушевленному референту: *Ты — моя самая большая удача! Сын — главная удача всей моей жизни!* и под., но здесь нет семантики 'носитель свойства', имеется только оценочно-характеризующая семантика.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова акцентируется только первый смысловой компонент из указанных выше, по словарю В.И. Даля: 'успех, такой исход дела, к-рый нужен, желателен кому-н.' [СУ 1996]. Примерно так же трактует данное слово и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: 'Успех, нужный или желательный исход дела' [СО 1993].

Большей семантической сложностью, на наш взгляд, обладает толкование, представленное в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС): 'совокупность благоприятных, способствующих успеху обстоятельств, счастливый случай, желательный исход дела; счастье, везение' [МАС 1988]. Это позволяет нам отчасти «вернуться» назад, к словарю В.И. Даля, и выявить несколько смысловых компонентов — «кандидатов» на

то, чтобы быть отдельными когнитивными признаками. Во-первых, следует считать разными значениями представление о желательном исходе дела, т.е. об успехе, и о счастливом стечении обстоятельств. Именно это различие отражено в более современном «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: 'такой исход дела, который нужен, желателен; успех' и, как отдельный оттенок смысла, выделяется 'счастливое стечение обстоятельств' [СЕ 2000]. Во-вторых, можно еще более тонко различить компонент 'счастливое стечение обстоятельств' (или, проще, 'счастье', как в МАС) и 'везение': 'счастье' выступает как результат 'везения', т.е. эти смыслы находятся в метонимических отношениях. Не случайно и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова эти значения разводятся, что в толковании маркируется знаком «точка с запятой»: 'счастливое, благоприятное стечение обстоятельств, способствовавшее желательному, нужному исходу дела; везение' [БТСРЯ 2000].

Следует также отметить еще одно метонимическое развитие базовых значений слова удача в «Новом словаре русского языка» и в «Большом толковом словаре русского языка»: 'творческая находка' [СЕ 2000] и 'большое достижение в какой-л. деятельности; успех' [БТСРЯ 2000]. Несмотря на определенную семантическую близость этих толкований, между ними все же есть определенные различия, прежде всего в смысловом объеме (достижение не обязательно творческое, а творческая находка не всегда ведет к успеху), поэтому их следует трактовать как разные когнитивные признаки.

Итак, на предварительном уровне анализа мы можем наметить следующие когнитивные признаки концепта «удача»:

- (1) благоприятное стечение обстоятельств;
- (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁);
- (3) везение;
- (4) счастье;
- (5) тот, у кого все получается, кому все удается (*устар.*);
- (6) творческая находка;

(7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂).

Последние два когнитивных признака отражают субъективную, агентивную сторону удачи, которая выступает как результат активности субъекта, а не просто как проявление стечения обстоятельств.

В отечественной лексикографической традиции наиболее подробные и объемные толкования представлены в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка» (БАС). Далее мы проведем верификацию полученных нами когнитивных признаков по данным этого словаря. Первый фрагмент словарного толкования в БАС: 'счастливый, желательный исход чего-либо; счастливое для кого-либо стечение обстоятельств; успех' и его конкретизация в конструктивно-ограниченном значении *удача в чем* [БАС 1964] — в целом соответствует выявленным ранее когнитивным признакам (1), (2), (3) и (4), ср. иллюстрацию к толкованию: [Алмазов] *это скорее тип своего рода фаворита, или баловня судьбы, которому во всем счастье и удача* [БАС 1964]. Второй фрагмент словарного толкования в БАС: 'творческая находка, достижение в труде, в творчестве' и его конкретизация в коллокациях *Актерская, писательская и т. п. удача* [БАС 1964] — в целом соответствует выявленным ранее когнитивным признакам (6), (7), хотя в данном толковании они не разделяются на два самостоятельных смысловых элемента.

Теперь рассмотрим исходный глагол *удаваться / удаться*. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля так же, как и в случае со словом *удача*, выявляем два базовых смысловых пласта: (1) 'сделаться, стать, случиться по желанию, посчастливиться кому' [СД 1999], что указывает на наличие такого когнитивного признака, как 'происходить, случаться, завершаться успешно'; (2) только в конструкции *удаваться / удаться* в кого-л. — 'выдаться, уродиться, пошибать или походить, быть схожим' [СД 1999], что позволяет предварительно сформулировать когнитивный признак 'происходить, родиться похожим на кого-л.'. отметим, что, в отличие от пер-

вого значения, во втором значении глагол не может иметь безличного употребления.

В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова в принципе отражены те же значения, что и в словаре В.И. Даля, только для первого значения у В.И. Даля в этом словаре разводятся личные: '1. Протечь, завершиться удачно, успешно' [СУ 1996] и безличные употребления '2. *безл., кому, с инф.* Посчастливиться, произойти удачно, успешно'. Второе значение в словаре В.И. Даля трактуется в словаре под ред. Д.Н. Ушакова как оттенок первого значения, но оно интерпретируется более широко, задавая больший семантический объем 'получиться, выйти удачным, хорошим' [СУ 1996]. Для нашего исследования важно, что в данном толковании возникает общеотеческая семантика (наличие представления о чем-то хорошем). В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой даны те же два значения: '1. (1 и 2 л. не употр.). Осуществиться, завершиться удачно, успешно' и '2. *безл., с неопр.* Прийтись, довестись (о чем-н. положительном, удаче)' [СО 1993] и отсутствует оттенок первого значения 'получиться, выйти удачным, хорошим'.

Толкования в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой (МАС), по сути, являются объединением толкований в словаре В.И. Даля и в словаре под ред. Д.Н. Ушакова, в результате чего выделяется три значения (внутри первого также выделен отдельный оттенок смысла, который, согласно нашей концепции, трактуется как самостоятельный когнитивный признак): '1. Осуществиться, завершиться удачно, успешно || Получиться, выйти удачным, хорошим', '2. *безл., кому, с неопр.* Представиться, оказаться возможным' и '3. (*несов. нет*). *в кого. Разг.* Родиться, вырасти похожим на кого-л.; уродиться' [МАС 1988]. Примерно аналогичный комплекс смыслов отражен в толкованиях в более современном «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой: '1. Протекать, завершаться успешно, удачно. // Получаться, выходить удачным, хорошим'; '2. *безл.* Оказываться, представляться возможным'; '3. Рождаться похожим на кого-л. // Наследовать чьи-л. черты, ка-

чества' [СЕ 2000]. Отметим, что в этом словаре, на наш взгляд, справедливо, разделены два оттенка смысла 'рождаться похожим на кого-л.' и 'наследовать чьи-л. черты, качества'. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова отсутствует оттенок смысла 'наследовать чьи-л. черты, качества' и также отмечаются значения 'осуществиться, завершиться удачно, успешно', 'получиться, выйти удачным, хорошим', 'кому с инф. безл. представиться, оказаться возможным' и 'в кого. Разг. Родиться, вырасти похожим на кого-л.; уродиться'. В целях нашего исследования важно, что в этом словаре появляется новое толкование, отсутствовавшее в предыдущих словарях: 'оказываться благоприятным для кого-, чего-л. *День удался на славу. Погода удалась хорошая для охоты*' [БТСРЯ 2000].

На предварительном уровне анализа мы можем задать следующий список когнитивных признаков для *удаваться / удался*:

- (1) осуществиться, завершиться удачно, успешно;
- (2) получаться, выходить удачным, хорошим;
- (3) оказываться благоприятным для кого-, чего-л.;
- (4) оказываться, представляться возможным (безл.);
- (5) рождаться похожим на кого-л.;
- (6) наследовать чьи-л. черты, качества.

Верифицируем полученные данные по материалам 17-томного академического «Словаря современного русского литературного языка» (БАС). Первый когнитивный признак 'осуществиться, завершиться удачно, успешно' представлен в первом значении по БАС: '1. Осуществляться, завершаться успешно, удачно... // У д а в а т ь с я , у д а т ь с я кому. *Все как-то мне не удавалось: я сделал ошибку в начале вычисления.* Л. Толст. Юность'. Второй когнитивный признак 'получаться, выходить удачным, хорошим' представлен в оттенке первого значения 'получаться, выходить удачным, хорошим и т. п. *Охота не удалась*'. Как оттенок первого значения в БАС также показан и наш четвертый когнитивный признак 'оказываться, представляться возможным (безл.)'. В свою очередь, наш третий когнитивный признак 'оказываться

благоприятным для кого-, чего-л.’ в БАС отмечен как самостоятельное значение — второе: ‘2. Обычно *сов.* Получиться, оказаться каким-либо (обладающим какими-либо качествами, свойствами)’. Когнитивные признаки (5) и (6) в БАС объединены в одно значение — третье: ‘3. Родиться, вырастать похожим на кого-либо, наследовать чьи-либо черты, качества’ [БАС 1964]. Таким образом, в БАС тем или иным способом представлены все выявленные нами шесть когнитивных признаков и отсутствуют какие-либо новые.

На следующем этапе исследования проведем внутриязыковое сопоставление когнитивных признаков для существительного *удача* и глагола *удаваться / удалться*. В силу того, что существительное *удача* является отглагольным, мотивированным соответствующим глаголом *удаваться / удалться*, когнитивные признаки (1) — (5) для существительного *удача* тем или иным способом коррелирует с такими когнитивными признаками глагола *удаваться / удалться*, как (1) ‘осуществиться, завершиться удачно, успешно’; (2) ‘получаться, выходить удачным, хорошим’; (3) ‘оказываться благоприятным для кого-, чего-л.’. Иными словами, *удача* выступает как следствие или результат состояния, названного мотивирующим глаголом.

Однако анализ глагольных когнитивных признаков позволяет выявить и акцентировать ряд модальных и оценочных признаков, эксплицитно отсутствующих в наборе когнитивных признаков для существительного. Так, когнитивный признак (4) ‘оказываться, представляться возможным (*безл.*)’ выражает модальность возможности. Но это не любая возможность а только благоприятная при наличии неблагоприятной альтернативы. Поэтому безличная форма глагола *удаваться / удалться* не употребляется в негативных контекстах (исключением будет ироническое употребление лексемы), можно сказать *мне удалось излечиться*, но нельзя — **мне удалось заболеть*. Таким образом, мы можем выделить новый когнитивный признак: ‘реализация благоприятной возможности’ (*модальн.*).

В когнитивном признаке (2) ‘получаться, выходить удачным, хорошим’ эксплицитно формулируется представление о наличии или достижении чего-

то хорошего, т.е. имеется корреляция с общеоценочным предикатом 'хорошо'. Имплицитно это общеоценочное представление присутствует также и в когнитивном признаке (3) 'оказываться благоприятным для кого-, чего-л.' (благоприятный включает в себя смысловой компонент 'хороший'). Это же представление имплицитно присутствует и в первом когнитивном признаке для существительного *удача*: (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'. Указанные соображения позволяют нам выделить еще один когнитивный признак в совокупном концептуальном содержании концепта «удача»: 'что-то хорошее (*общеоценочн.*)'.

Когнитивные признаки глагола *удаваться / удаться* (5) 'рождаться похожим на кого-л.' и (6) 'наследовать чьи-л. черты, качества' отражают культурно значимую идею о том, что желательные, положительные свойства и качества могут передаваться от одного объекта к другому, наследоваться в случае реализации благоприятного стечения обстоятельств. Причем здесь важно подчеркнуть, что речь идет не просто о том, что кто-то рождается похожим на кого-то или наследует любые его свойства или качества, а о том, что указанное сходство оценивается только по каким-то положительным параметрам, а наследуются только желательные, благоприятные свойства. Так, употребления типа *Внешностью удался в мать* возможны только в контекстах, когда речь идет о привлекательной внешности (нельзя **безобразием удался в мать*, при вполне нормальном *красотой удался в мать*). На этом основании мы можем сформулировать еще один когнитивный признак для совокупного концептуального содержания «удача»: 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков'.

Таким образом, совокупный смысловой объем концепта «удача» по данным анализа словарных толкований лексем *удача* и *удаваться / удаться* – основных репрезентантов концепта – составляет 10 когнитивных признаков:

- (1) благоприятное стечение обстоятельств;
- (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁);
- (3) везение;

- (4) счастье;
- (5) тот, у кого все получается, кому все удается (*устар.*);
- (6) творческая находка;
- (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂);
- (8) реализация благоприятной возможности (*модальн.*);
- (9) что-то хорошее (*общеоценочн.*);
- (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков.

В соответствии с принятой концепцией исследования этот набор когнитивных признаков составляет основу концептуального содержания для интересующего нас концепта.

В следующих подразделах раздела 2.1 осуществляется верификация данных признаков и выявление новых когнитивных признаков посредством анализа этимологических данных, парадигматических, синтагматических и деривационных связей и отношений слов — репрезентантов концепта, фразеологических и паремиологических вхождений, а также текстового материала Национального корпуса русского языка.

2.1.3. Концепт «удача» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении

Предлагаемое в работе комплексное описание концепта носит синхронно-диахронный характер. Это означает, что в отличие от лексического значения слова, в которое принципиально не входит его внутренняя форма, т.е. этимология [Валгина 2002], в концептуальное содержание как раз включаются этимологические и историко-лингвистические сведения [Горшкова, Ручина 2002 и 2011; Ручина 2012; Русский язык 2014; Радбиль 2016 и 2017].

Изучение русских культурных концептов и связывающих их ключевых идей неизбежно приводит к выводу об их системной взаимосвязанности

[Лихачев 1997; КСРК 1997; Попова, Стернин 2003 и 2007; Радбиль 2018]. Специфика этимологического компонента в концептуальном содержании удачи, в частности, состоит в том, что на диахроническом уровне концепт «удача» органично связан с концептом «удаль».

Концепт «удача» является распространенным и общепринятым обозначением важных для русского человека культурных смыслов, связанных с идеей о непредсказуемости мира, ощущений неконтролируемости личностью событий своей внешней и внутренней жизни и пр. Не менее важным в русской языковой картине мира является представление о размахе и широте русской души, внимание к которому привлекли работа Д.С. Лихачева «Заметки о русском». В числе концептов, отражающих это представление, наряду с концептами «воля» и «простор», ученый включает и такой концепт, как «удаль» [Лихачев 1987]. По мнению авторов коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира», концепт «удаль» выражает такую ключевую идею, как «представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи» [Зализняк и др. 2005, с. 11]. Удаль как важный элемент русской ментальности рассматривается также в работах [Попова 2011; Далян 2013].

В этом контексте в русской культуре издавна прослеживалась глубинная связь между этими понятиями, хотя, возможно, современным носителям языка она не представляется очевидной. В каком-то смысле можно утверждать, что *удача* и *удаль* представляют собой взаимообусловленное единство, в котором в *удаче* отражены объективная сторона всего благоприятного, что может случиться с человеком, а за *удалью* закрепляется выражение субъективного аспекта — наличия определенных личностных свойств, благоприятствующих успешной самореализации человека в жизни. Далее мы представим ряд свидетельств, подтверждающих положение, высказанное выше.

В современном русском языке лексемы *удача* и *удаль* не рассматриваются как связанные между собой отношениями семантической или словообразовательной мотивации, синонимическими или антонимическими, гипо-

гиперономическими или партитивными отношениями. В частности, в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова слово *удаль* не входит в словообразовательное гнездо с вершиной — глаголом *удаться*, в отличие от *удача* [СТ 1985]. В толковых словарях русского языка *удача* и *удаль* также зафиксированы в качестве совершенно самостоятельных лексем, без какого-либо рода ссылок друг на друга в лексикографических толкованиях. См. например, толкование лексемы *удаль* в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой: «Безудержная, лихая смелость, соединенная с бойкостью, ухарством; молодечество» [СЕ 2000], в котором трудно усмотреть какие-либо связи с семантикой слова *удача*.

Однако сама звуковая близость между этими словами, а также их интуитивно ощущаемая многими носителями языка ассоциативная связь заставляет предположить, что это не случайно, что эти слова, возможно, пусть и в далеком прошлом, все же были как-то связаны по смыслу. А в соответствии с принятой концепцией исследования, в концептуальное содержание концепта, в отличие от лексического значения слова — имени концепта, входят и внутренняя форма слова — репрезентанта концепта, т.е. смыслы, выявляемые посредством этимологического и историко-лингвистического анализа. Эти смыслы входят в тот фрагмент совокупного концептуального содержания, который в среде лингвоконцептологов принято называть «этимологическая память концепта» [Стешина 2018, с. 68].

В этимологическом и историко-лингвистическом измерении связи между значениями слов *удача* и *удаль* представляются очевидными и совершенно закономерными. Свидетельством этого выступают данные «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера.

Удача в указанном словаре представлена в словарной статье *удаться* (←*даться*, *дать*). Это слово является отглагольным существительным от глагола *удаться*, который в свою очередь восходит к глаголу *даться*, от *дать*, далее от праслав. **dǎtī*; **dǎjǎtī*; **dāvātī*, от которого в числе прочего произошли: ст.-слав. *дати* (греч. *διδόναι*), русск. *дать*, *давать*, укр. *дати*,

белор. *даць*, сербохорв. *dȃti*, словен. *dáti*, чешск. *dát*, польск., в.-луж. *dać*, н.-луж. *daś*. Восх. к праи.-е. *do- в значении 'дать' [ЭСРЯФ-I 2009, с. 485].

Удаль в указанном словаре встречаем в составе словарной статьи *удалой*: «Уда́л, удала́, уда́ло; у́даль ж., укр. уда́лий "удачный, даровитый", блр. уда́лы – то же, укр. у́даль ж. "способность", блр. ву́даль ж. "нрав, характер". От у IV и дать, ср. удава́ться, уда́чный» [ЭСРЯФ-IV 2009, с. 148–149].

Данные этимологии однозначно указывают, что *удача* и *удаль* исторически восходят к одному и тому же глаголу *удаться*, который в свою очередь происходит от *даться* ← *дать*. Также и адъективное производное слово *удалой* от *удаль* соотнесено с адъективным производным словом *удачный* от *удача*, как можно видеть по данным приведенного выше словарного толкования *удалой*.

Таким образом, на этом уровне анализа мы можем заключить, что и *удача*, и *удаль* — это то, что дается (человеку), то, что дадено, дано (приименная приставка *у-* в глаголе *удаться*, как указано в словаре М. Фасмера, выступает в значении 'в, на, вверх, через' [ЭСРЯФ-IV 2009, с. 142], т.е. сохраняет унаследованное от глагола значение завершенности действия, ср. *убить, упросить* и пр.).

Иными словами, *удача* — это то, что человек получает, так сказать, извне, со стороны, возможно, сверхъестественных сил, это что-то благоприятное для человека, но полученное им даром (кстати, и слово *дар* тоже восходит к глаголу *дать* [ЭСРЯФ-I 2009, с. 484]), независимо от его желания, возможной активности или, напротив, бездействия.

Удаль — это тоже то, что приобретено человеком извне, но это внутренне свойство человека, совокупность каких-то положительных качеств, присущих личности, возможно, от рождения — ср. такой компонент толкования у м. Фасмера, как 'нрав, характер', это тоже *дар*, но в другом смысле слова — дар как талант, как способности, в каком-то отношении превышающие норму — ср. такие компоненты толкования, как 'даровитый' и 'способность' [ЭСРЯФ-IV 2009, с. 149].

Можно считать, что определенная связь между *удачей* и *удалью* на уровне происхождения слов существует и вытекает из их этимологической близости. Эти лексемы имеют существенный общий семантический компонент 'что-то благоприятное, что дано человеку, независимо от его воли' и дифференциальные семантические признаки: *удача* — это 'благоприятное стечение обстоятельств, то, что случается с человеком', а *удаль* — это 'данная человеку способность, внутреннее положительно оцениваемое свойство личности (источник ее активных действий)'.

Более тесная смысловая связь между словами *удача* и *удаль* отражена в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля. Это подчеркивается тем фактом, что и *удача*, и *удаль* приводятся в одной словарной статье к глаголу *удавать* / *удать*. В этой словарной статье возвратный глагол *удаваться* / *удаться* трактуется как «сдѣлаться, стать, случиться по желанью, посчастливиться кому. *Безл.*». На его фоне приводится следующее толкование для *удача*: «успех, поспешенье в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела» [СД 1999]. Здесь мы можем видеть семантический компонент 'талант', который, как было показано раньше, входит в семантическое представление лексемы *удаль*.

Отметим, что у В.И. Даля для слова *удача* указывается еще одно, ныне устаревшее значение — одушевленное и в мужском роде 'носитель удачи', что отражает вообще характерную для языка модель метонимического переноса «свойство → носитель свойства»: *Он парень удача; Приезжал удача, добрый молодец*. Как это вообще свойственно для словаря В.И. Даля, это значение поясняется синонимическим рядом: *удалой*, *удалец*, *удатный*, *удатливый* — «храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда *удача*» [СД 1999], т.е. слово *удача* толкуется через слова *удалой* и *удалец*. Ср. также само прилагательное *удатный*, которое толкуется через синонимический ряд *удатливый*; *удачный*; *удалой*. Иными словами, в словаре В.И. Даля прямо указывается на синонимию производных прилагательных, соответственно, от *удача* и от *удаль*.

В свою очередь в толкование слова *удаль*, согласно словарю В.И. Даля, входит компонент 'удача': «*Удаль* ж., *удальство* ср. — удатность, смѣлость, рѣшимость, отвага, отважность, отчаянная храбрость, при сметливости, находчивости; удачная отвага; молодечество» [СД 1999]. И так, согласно словарю В.И. Даля, *удаль* — это *удачная* отвага.

Таким образом, по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля *удача* и *удаль* находятся в отношениях смысловой мотивированности: *удаль* — это положительное свойство личности (храбрость, решительность и пр.), которое способствует *удаче* (удача любит удалых, удальцов, т.е. смелых). Не случайно и *удалой молодец* (т.е. смелый, отважный, решительный) в устойчивой сказочной формуле понимается прежде всего как *удачливый* (которому все удается, за что он ни берется). Из этого мы можем сделать вывод, что в русском языковом сознании, как минимум на период середины XIX в., *удача* и *удаль* закономерно воспринимаются как тесно связанные по своей семантике слова, также носителями языка осознается их деривационная общность и смысловая близость.

Это доказывают и контексты совместной встречаемости этих и производных от них слов в текстах XIX в., о чем свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка:

Не зрелое суждение и опытность руководят его действиями, а удаль и надежна на удачу; потому он удалой, удача-добрый молодец (НКРЯ — Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос (1887));

Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? (НКРЯ — А. С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)).

Как уже было сказано выше, современные словари не отражают семантической близости между словами *удача* и *удаль*. Но отмеченный нами феномен «памяти концепта» позволяет предположить наличие ассоциативно-смысловой связи между этими понятиями и в сознании носителей русского языка XIX в., о чем косвенно также могут свидетельствовать контексты со-

вместной встречаемости этих и производных от них слов уже в текстах XX в. (по данным Национального корпуса русского языка):

Полеты в бурю по океану, прыжки в черную бездну космоса с искусственных спутников вызвали такие же ощущения безграничной удали и удачи (НКРЯ — И. А. Ефремов. Туманность Андромеды (1956));

Нет, так нельзя, нужно дать удаль, размах, удачу, хвостовство (НКРЯ — М. А. Рыбникова. Очерки по методике литературного чтения (1941)).

В целом можно заключить, что связь между словами *удача* и *удаль* в целом, пусть и на ассоциативном уровне, является живой и для носителей современного русского языка, потому что оба этих понятия выражают разные аспекты в общем единого комплекса в кругу значимых ключевых идей русской языковой картины мира.

Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что в историко-этимологической зоне смыслового наполнения концепта «удача» значимое место в его концептуальном содержании занимает исконная, подкрепленная общностью происхождения связь между словами *удача* и *удаль*, которая сама по себе выступает как уникальная национально-специфичная концептуальная связка в русской языковой картине мира.

Значения лексем *удача* и *удаль* представляют собой взаимообусловленное единство, в котором за словом *удача* закреплены смыслы, отражающие объективную сторону всего благоприятного, что может случиться с человеком, а в слове *удаль* выражается субъективный аспект данной совокупной конфигурации смыслов — наличие определенных личностных свойств, благоприятствующих успешной самореализации человека в жизни. Также было сделано предположение, что данная смысловая связь в каком-то смысле сохраняется и в современном употреблении этих слов, хотя словари современного русского языка и не отражают семантической близости между ними. Определенная ассоциативная корреляция имеет место в контекстах совместной текстовой реализации указанных слов.

Историко-лингвистический анализ слова — имени концепта *удача* позволил также верифицировать такие, выявленные на предыдущем этапе анализа словарных толкований когнитивные признаки, как (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'; (3) 'везение'; (4) 'счастье'. Также мы выявили новый, ранее не зафиксированный когнитивный признак — 'то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром'.

Историко-лингвистический анализ слова — имени концепта *удаль* позволил обосновать правомерность включения отдельных смысловых составляющих его этимологической семантики в концептуальное содержание «удача» в силу наличия генетических связей между этими словами. Благодаря этому мы можем включить в состав когнитивных признаков концепта «удача» такой когнитивный признак, как 'набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека'.

Таким образом, расширенный состав когнитивных признаков концепта «удача» выглядит следующим образом:

- (1) благоприятное стечение обстоятельств;
- (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁);
- (3) везение;
- (4) счастье;
- (5) тот, у кого все получается, кому все удается (*устар.*);
- (6) творческая находка;
- (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂);
- (8) реализация благоприятной возможности (*модальн.*);
- (9) что-то хорошее (*общеоценочн.*);
- (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков;
- (11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром;

(12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека.

2.1.4. Концепт «удача» в русской фразеологии и паремиологии

В соответствии с принятой концепцией исследования, на следующем этапе исследования осуществляется уточнение полученных ранее данных (12 выявленных когнитивных признаков концепта «удача») на основе языкового материала, представленного в русском фразеологическом и паремиологическом фонде.

Концепт «удача» по данным русской фразеологии. В теории и практике лингвокультурологического описания концептов исследование фразеологического материала является практически общим местом. О типах концептов в лексико-фразеологической системе языка — см., например [Бабушкин 1996]. Большинство исследователей единодушны в том, что именно в фразеологическом фонде национального языка сосредоточены особенно значимые свидетельства этнической и культурной специфики языковой картины мира, в которых непосредственно отражается опыт внутренней интроспекции народа, пути и способы языковой концептуализации мира [Телия 1996 и 1999; Постовалова 1999; Маслова 2001; Ковшова 2013 и др.].

Фразеологизмы для анализа отбирались по данным русских толковых словарей [БАС 1961; БТСРЯ 2000; МАС 1985; СД 1999] и фразеологических словарей [ФСРЯ 1968; СОВРЯ 1995; СРФИЭС 1998; БФСРЯ 2006; НФСРЯК 2009]. В поле исследовательского внимания включаются фразеологические единицы двух типов: (1) фразеологизмы, включающие в свой состав непосредственно слова — репрезентанты концепта «удача» (*удача, удачный, удалться / удаваться, а также удаль, удалой* и пр.); (2) фразеологизмы с другим лексическим наполнением, имеющие совокупное фразеологическое значение и / или образную мотивацию, которые связаны с разными аспектами

концептуального содержания удачи (семантика 'счастливый / несчастливый случай', 'везение / невезение' и под.).

В нашей работе представлен широкий взгляд на фразеологизмы [Копыленко, Попова 1978; Мокиенко 1990; Алефиренко 1993; Баранов, Добровольский 1998 и др.], в число которых мы включаем и коллокации — устойчивые сочетания, которые употребляются в речи, но по тем или иным причинам не отраженные в фразеографических источниках (типа *улыбнулась удача, большая / редкая удача* и пр.), — их, по традиционной классификации В.В. Виноградова, можно отнести к фразеологическим сочетаниям — фразеологизмам минимальной степени слитности [Виноградов 1977, с. 140–161], формулы речевого этикета (типа *Желаю удачи!*), устойчивые поэтические формулы (типа *удалая голова*), идиоматичные предложно-падежные сочетания, в том числе в роли вводных конструкций (типа *к счастью*).

Анализ показал, что некоторые фразеологические единицы представлены как фразеологические кальки (*солдат удачи* ← англ. *soldier of fortune* 'наемник (обычно применительно к современной армии)') или полукальки (*джентльмен удачи* 'о рискованном человеке, авантюристе') с другого языка, отражают инокультурные реалии и не могут быть рассмотрены как носители специфически русских культурных смыслов.

Также обследованный материал позволяет верифицировать следующие когнитивные признаки концепта. Ряд фразеологизмов отражают разные аспекты реализации когнитивного признака (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'. Это такие фразеологизмы, как *Удача повернулась лицом / спиной* 'счастливый случай, благоприятное стечение обстоятельств благосклонно влияет на жизнедеятельность лица / не сложилось благоприятное стечение обстоятельств для реализации ч.-л.' (то же *Удача отвернулась* (от кого-л.)); *Удача на ч.-л. стороне* 'для к.-л. сложилось благоприятное стечение обстоятельств'; *Верить в удачу* 'надеяться на благоприятное стечение обстоятельств'; *На счастье* 'о неожиданном счастливом случае, с надеждой на благоприятное стечение обстоятельств'; *По счастью* 'вводн. констр. О счастли-

вой случайности, неожиданно благоприятном обстоятельстве, событии и т.п.’.

Когнитивный признак (2) ‘желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)’ отражен в фразеологизмах *Удача во всем* ‘желательный результат, успех во всех предприятиях’; *Попытать / испытать удачу* ‘попробовать что-либо сделать, рассчитывая на успех’ (= *Попытать счастья*). Некоторые фразеологизмы выражают негативный аспект этого признака: *Потерпеть неудачу* ‘не добиться нужного результата в к.-л. предприятии’; *Преследовали неудачи* (кого-л. в чем-л.) ‘ч.л. деятельность не сопровождалась успехом, не приводила к нужному результату’.

Широко представлен когнитивный признак (3) ‘везение’ как в варианте положительном: *Улыбнулась удача* (кому-л.) ‘повезло’; *Сопутствует удача* (кому-л.) ‘кому-л. везет’; *Ловить миг удачи* ‘ждать, когда повезет, чтобы воспользоваться этим в своих целях’; *Вытянуть счастливый билет* ‘неожиданно получить что-то благоприятное’; ‘*Легкая рука* (у к.л.) ‘тот, кому всегда везёт, кто удачлив в своих начинаниях’ (= *Счастливая рука*), — так и в отрицательном ‘невезение’: *Номер не удался* ‘перен., разг., шутл. Что-н. не вышло, сорвалось’; *Полоса неудач* ‘временной промежуток, в который кому-л. не везет’; *Везет как утопленнику* ‘сильно не везет’.

Когнитивный признак (4) ‘счастье’ отражен в устойчивых выражениях: *Родиться под счастливой звездой* ‘быть счастливым, удачливым во всех делах, начинаниях’ (= *Родиться в сорочке*); *К счастью* (вводн. констр.) ‘об ожидаемом, предполагаемом счастливом обстоятельстве, событии’.

Когнитивный признак (5) ‘тот, у кого все получается, кому все удается (устар.)’ реализован в устойчивой народно-поэтической формуле *Удалой молодец* (= *Удалая голова* ‘Разг. Экспрес. Шутл. О смелом, отважном, рисковом человеке’).

Когнитивный признак (8) ‘реализация благоприятной возможности (модальн.)’ выражен в фразеологизме *Жизнь удалась* ‘жизнь сложилась бла-

гоприятно' — и (в отрицательном аспекте) в фразеологизме *Куда кривая вывезет* 'как получится, будь что будет, при действиях *на авось*'

Когнитивный признак (9) 'что-то хорошее (*общеоценочн.*)' выражен в модально-оценочном выражении *Какая удача!* (*Какая удача, что я тебя встретил!*), которое может употребляться и в междометной функции (*Ура! Какая удача!*) — и в устойчивых атрибутивных коллокациях *Большая удача*; *Редкая удача* (т.е. исключительная) и под.

Когнитивный признак (11) 'то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром' отражен в коллокации *Поцелованный Богом* 'о человеке, от рождения наделенном какими-то выдающимися способностями или невероятным постоянным везением';

Когнитивный признак (12) 'набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека', как было показано выше, связан с таким компонентом концептуального содержания удачи, как *удаль*. Он отражен в такой устойчивой народно-поэтической формуле, как *Удаль молодецкая* 'нар.-поэт. Безудержная, лихая смелость, в норме присущая молодцу'.

В заключение отметим, что фразеологический способ выражения когнитивных признаков концепта «удача» имеет свою специфику, связанную с наличием экспрессивно-оценочных и образно-эмоциональных оттенков смысла, отсутствующих в нейтральных лексических номинациях. С этим связана возможность употребления «параметрических» прилагательных и наречий (*большой / маленький, редкий / частый, много / мало* и пр.) в оценочном значении при лексемах — репрезентантах концепта: *большая удача, редкая удача* и под. Удача во всех своих проявлениях в народном языковом сознании, отраженном в фразеологическом фонде, рассматривается как безусловная ценность (ее не может быть слишком «много»), которую человек получают как бы даром, не прилагая к этому каких-либо усилий.

Кроме того, фразеологическая образность отражает мифологизованное представление об удаче: либо овеществленное (*удача на ч.-л. стороне*), либо

даже одушевленное, когда удаче приписываются предикаты и атрибуты, в норме присущи живому существу — из мира сверхъестественного или человеческого (*удача повернулась лицом / спиной, отвернулась, улыбнулась* и пр.).

Что касается новых когнитивных признаков, которые не были выявлены на предыдущем этапе исследования, то на эту роль, на наш взгляд, претендует значение ритуальной этикетной формулы ***Желаю удачи!*** в ситуации речевого акта прощания: 'пожелание успешного завершения чего-л.; употребляется обычно при расставании с кем-л.'. В профессиональном жаргоне моряков имеется синонимический фразеологизм — формула пожелания удачи ***Семи футов под килем!***

Концепт «удача» по данным русской паремиологии. Национальный пословичный и поговорочный фонд также традиционно является значимым источником сведений о народной ментальности, о специфике народного мировосприятия и национального характера [Дмитриева 1996; Савенкова 2002; Иванова 2006; Алефиренко, Семененко 2009; Ковшова 2013].

Под пословицами понимают «краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный (образный) план, или только переносный план, и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение» [Фелицына, Прохоров 1979, с. 7]. В основе пословицы лежит суждение. Пословицы в обобщенном виде констатируют свойства людей или явлений или предписывают образ действий. «Поговорки — это устойчивые в речевом обиходе изречения, «образно определяющие какое-либо жизненное явление прежде всего с точки зрения его эмоционально-экспрессивной оценки» [РЯЭ 1979, с. 212].

Пословицы и поговорки отбирались по данным известного сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [ПРН 2000], лингвострановедческого словаря «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» В.П. Фелицыной и Ю.Е. Прохорова [РППКВ 1979], большого словаря русских поговорок» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [БСРП 2008] и собственного интернет-мониторинга автора [ИМ].

Так же, как и в случае с фразеологизмами, в настоящей работе в поле исследовательского внимания включаются пословицы и поговорки двух типов: (1) паремии, включающие в свой состав непосредственно слова — репрезентанты концепт «удача» (*Удача нахрап любит; Нехитер парень, да удачлив, неказист, да талантлив* и пр.); (2) паремии с другим лексическим наполнением, отражающие разные аспекты концептуального содержания удачи: семантика 'счастливый / несчастливый случай', 'везение / невезение' и под. (*Счастье — не лошадь: не везет по прямой дорожке; Счастье везет дураку, а умному бог дал* и пр.).

Практически все выявленные на предыдущих этапах анализа когнитивные признаки получают свою верификацию на материале русских пословиц и поговорок, пусть и выражены эти признаки в паремиях несколько особым способом. Пословицы и поговорки в образной или экспрессивной форме выражают информацию двух типов. С одной стороны, в них отражены исторические события, обычаи и традиции русской жизни, содержатся сведения об общественном устройстве и производственных отношениях, о быте, обрядах, праздниках, о самых разных сторонах русской жизни. С другой стороны, в пословицах и поговорках в сжатой форме представлена народная мудрость, выражена система ценностей и отношений, поведенческие стереотипы и установки, принципы народной морали и нравственности.

Итак, языковой материал пословиц и поговорок позволяет уточнить и конкретизировать следующие когнитивные признаки концепта «удача».

(1) благоприятное стечение обстоятельств:

Одна удача идет, другую ведет.

Лучше в малом, да удача, чем в большом, да провал.

Пошло так на лад, что и сам тому не рад.

(2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁):

Где лгун да рвач — там не жди удач.

Добившись удач, об этом не кудахчь.

Удача нахрап любит.

Удача — кляча: садись да скачи.

Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит.

(3) везение:

Нехитер парень, да удачлив, неказист, да талантлив.

Удачливый еще не герой.

Удачливый в гору ползет, а неудачливый и под гору не катится.

Наудачу казак на коня садится, наудачу его и конь бьет.

Наудачу мужик и хлеб сеет.

(4) счастье:

И не удачен молодец, а удачлив, не виден собой, или не больно умен, а счастье везет.

Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастлив.

Со счастьем хорошо и по грибы ходить

Счастье — не лошадь: не везет по прямой дорожке.

Где счастье пригрело, там и село.

Счастье мать, счастье мачеха, счастье бешеный волк.

Иному счастье мать, иному мачеха.

Где нет доли, тут и счастье невелико

Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам.

Счастье на крылах, несчастье на костылях.

Счастье на коне, несчастье под конем

Было бы и счастье, да одолело ненастье.

Не наше счастье, чтоб найти, а наше, чтоб потерять.

Беды кульем валяются, а счастье золотниками.

(5) тот, у кого все получается, кому все удается (устар.):

Удачливый еще не герой.

Удачливый в гору ползет, а неудачливый и под гору не катится.

К удалому и Бог пристаёт.

Удалому все прах, нипочем.

Утро вечера мудренее, жена мужа удалее.

Удалой долго не думает.

(8) реализация благоприятной возможности (модальн.):

Он за что ни возьмется, ему все удается; а за что ни возьмусь, на всем оборвусь.

Фомка и на долото рыбу удит: тут сорвалось, так там удалось.

Иной за что ни возьмется, все удается.

Не удалось в шитье, не удалось в мытье, так удайся хоть в катанье.

У одного сбылось, а другому не удалось.

Как удастся, а не то в животе отдастся.

Удастся лен, так шелк; не удастся, так щелк.

Тебе приснилось, а над ним сбылось.

Одному сбылось, другому грезилось.

Пошло так на лад, что и сам тому не рад.

(9) что-то хорошее (общеоценочн.):

И неладно, да удачливо.

Удача — брага, а неудача — квас.

Удастся — бражка, не удастся — квасок.

Удастся — квас, не удастся — кислы щи.

Удастся — было пито; не удастся — было бито.

Коли выйдет — будет пиво, а не выйдет — квас.

(10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков:

Удастся голубец (голубая лошадь), не надобен и дубец!

Удался — ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца!

И родные братья друг в друга не удаются

(11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром:

Не родом ведет, как Бог приведет.

Такова доля, что Божья воля.

Как Богу угодно.

Что Бог послал.

Чего душа желала, то Бог и дал

Быть было худу, да бог не велел

Бог дает — и дурак берет.

Вали вал, коли Бог дал.

Бог найдет и в люди выведет.

Глупому счастье, а умному Бог дает.

Счастье везет дураку, а умному Бог дал.

(12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека:

Удача — спутник смелого.

Удаль города берет.

Сколько удалства, столько и дурости.

Отец богатый, да сын не удачный.

И стар, да удал: за двоих стал.

Не нашли своего отражения в пословицах и поговорках когнитивные признаки (6) 'творческая находка' и (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)'. Причины этого мы видим в том, что данные метонимические значения сформировались гораздо позже, потому что они отражают индивидуальные достижения человека, тогда как для пословиц характерно коллективистское мироощущение народа, вообще присущее до-логическим, мифологическим формам мышления на ранних стадиях развития культуры и цивилизации [Дмитриева 1996; Савенкова 2002; Иванова 2006; Радбиль 2016]. Также не обнаружена языковая репрезентация когнитивного признака (13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)', в силу того что сам языковой формат пословицы не предполагает отображение формул речевого этикета.

В целом проведенное исследование паремий позволило уточнить и конкретизировать ряд значимых когнитивных признаков, связанных с выражением народного отношения к удаче, к субъекту удачи, к набору свойств

личности, необходимых для достижения удачи и пр. Прежде всего это установка на терпение и смирение, надежда на Бога. Но при этом для удачи в ряде случаев могут быть необходимы и определенные личностные качества — смелость, трудолюбие, профессионализм, упорство и пр.

В пословицах нашли свое отражение приметы народного быта и трудового цикла. Так, в пословице *Было бы счастье, если б не ненастье* отражено представление о важности хорошей погоды для сельскохозяйственных работ; пословицы *Была у двора масленица, да в избу не зашла; Дожили, что и ножки съезжили; Было времечко, ела кума семечко, а теперь и толкут, да не дают* и др. выражают мысли о тяжести крестьянской жизни; в пословицах *Либо полковник, либо покойник; Либо железную цепь, либо золотую; Ваши скачут (пляшут), а наши плачут* можно обнаружить зримые свидетельства об отношении народа к социальному и / или имущественному неравенству и т.д.

Также еще раз подтвердилась высказанная раньше мысль о том, что для русского национального идеала представление об удаче не связано с достижением материального благополучия — с достатком, с каким-либо внешними жизненными благами, с высоким социальным положением и пр.: *Отец богатый, да сын неудатный; Не в деньгах счастье* и пр.

Важно в этой связи, что именно удача признается высшей жизненной ценностью — выше ума, красоты, умелости, храбрости и пр.: *Не родись ни хорош, ни пригож, родись счастлив; И неладно, да удачливо* и пр., — потому что удача, счастье — это дар Божий, а остальные свойства — это преходящие атрибуты мира человеческого: *Не родом ведет, как Бог приведет; Такова доля, что Божья воля* и пр.

Представление об удаче как о высшей ценности в мире человека в народной ценностной иерархии может вполне претендовать на статус нового когнитивного признака оценочного характера, выявленного посредством анализа паремиологического материала.

В половицах и поговорках, как и во фразеологизмах, отражены модели мифологизованного представления об удаче как об объекте или веществе,

субстанции (*Удача — брага, а неудача — квас*), или как об одушевленной сущности (*Одна удача идет, другую ведет; Удача — кляча: садись да скачи; Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит*). Это еще раз подчеркивает как древность архетипических воззрений на удачу, так и их исключительную значимость для народной мифологии и демонологии.

По итогам анализа этимологического, словарного, фразеологического и паремиологического языкового материала в разделе 2.1 мы можем сформировать уточненный состав когнитивных признаков концепта «удача». Совокупный смысловой объем на данном этапе исследования составил 14 когнитивных признаков.

- (1) благоприятное стечение обстоятельств;
- (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁);
- (3) везение;
- (4) счастье;
- (5) тот, у кого все получается, кому все удается;
- (6) творческая находка;
- (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂);
- (8) реализация благоприятной возможности (*модальн.*);
- (9) что-то хорошее (*общеоценочн.*);
- (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков;
- (11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром;
- (12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека.
- (13) пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания);
- (14) высшая ценность в мире человека (*оценочн.*).

Далее мы можем сформировать **семантическую структуру** концепта «удача» — установить связи и отношения между когнитивными признаками в области отношений семантической деривации [Кустова 2004].

На базе первого, исходного когнитивного признака (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' выделяем метонимически производные признаки первой степени производности: (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'; (3) 'везение'; (4) 'счастье'; (11) 'то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром' и (13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)'.

На базе когнитивного признака (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' выделяем метонимически производный признак второй степени (5) 'тот, у кого все получается, кому все удается (*устар.*)' и два метафорически производных признака (6) 'творческая находка'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)'.

На базе когнитивного признака (3) 'везение' выделяем два метонимически производных признака второй степени производности (8) 'реализация благоприятной возможности (*модальн.*)'; (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков'. В свою очередь, на базе когнитивного признака (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков' выделяем метонимически производный КП третьей степени производности (12) 'набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека'.

На базе когнитивного признака (4) 'счастье' выделяем два метафорически производных, оценочных признака второй степени производности (9) 'что-то хорошее' и (14) 'высшая ценность в мире человека'.

Далее для наглядности представим семантическую структуру концепта «удача» можно представить графически (см. **Схему 2.1**). Светло-серым цветом в схеме маркированы оценочные когнитивные признаки.

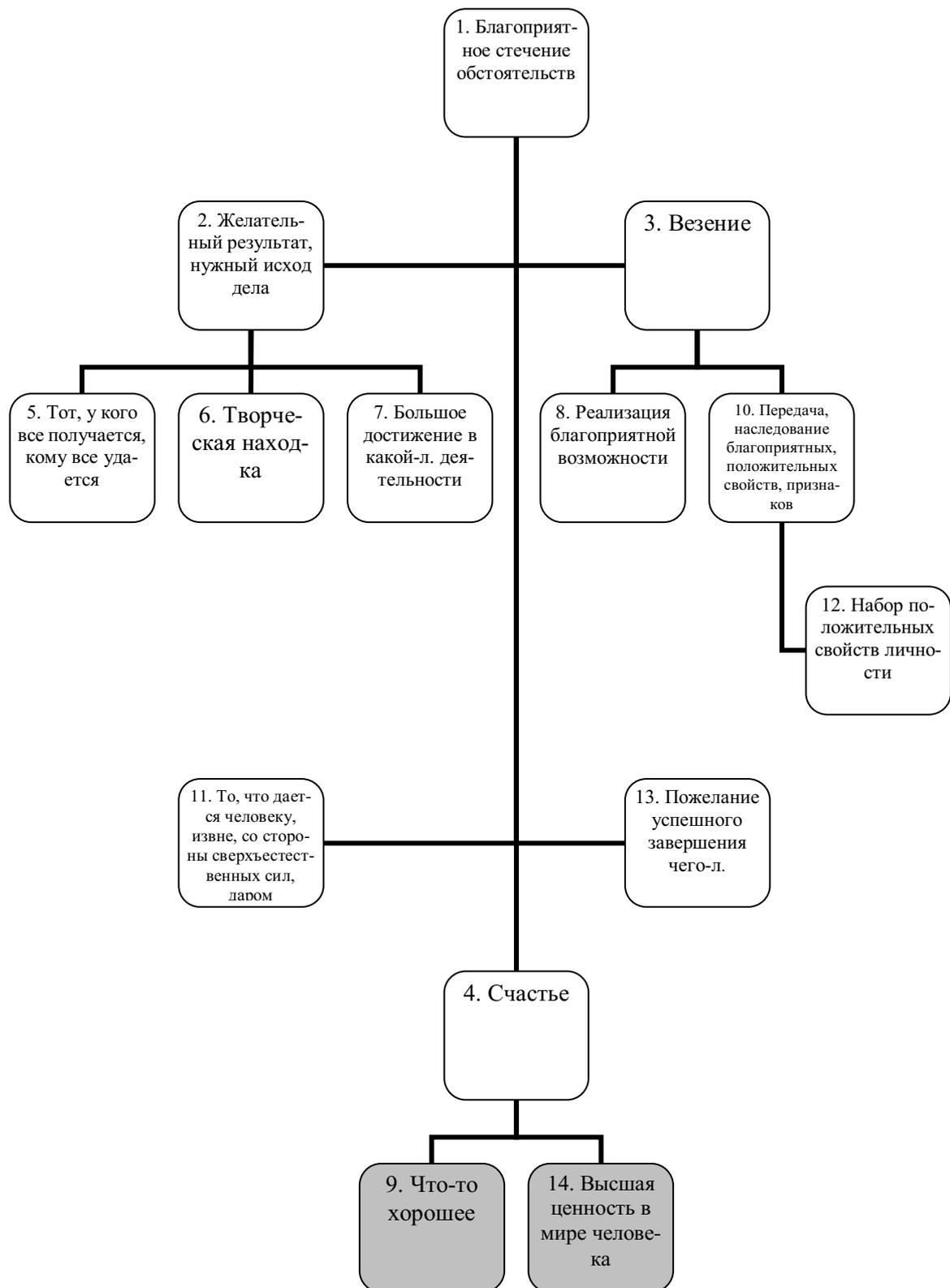

Схема 2.1.

Исходная семантическая структура концепта «удача»

2.2. Языковая объективация концепта «удача»

На данном этапе описания концепта «удача», в соответствии с концепцией исследования, освещаются деривационные, парадигматические и синтагматические связи и отношения между словами — репрезентантами анализируемого концепта.

2.2.1. Деривационные особенности языковой объективации концепта «удача»

Описание деривационных особенностей языковой объективации концепта, по замыслу исследования, заключается в анализе семантики производных слов, входящих в словообразовательное гнездо с вершиной *удаться / удаваться*. Это позволит обогатить и уточнить набор выявленных ранее когнитивных признаков. Словообразовательное гнездо моделируется по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [СТ 1985] и представлено графически на **Схеме.2.2.**

Уда-ть-ся → уда-ва-ть-ся

→ уда-ч-а → удач-ник → удач-ниц-а

→удач-лив-ый → удач-лив-о

→ удач-лив-ость

→ не-удач-лив-ый → не-удач-лив-ость

→не-удач-лив-о

→ на-удач-у

→ не-удач-а → не-удач-ник → не-удач-ниц-а

→ удач-н-ый → не-удач-н-ый → не-удач-н-ость

→ не-удач-н-о

→ удач-н-о

→ удач-н-ость

Схема 2.2.

Словообразовательное гнездо с вершиной удасться.

Гнездо с вершиной *удача* в современном русском языке характеризуется разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 20 производных слов разной степени производности по отношению к исходному *удаться*. Уже этот факт свидетельствует, согласно А. Вежбицкой, о значительной степени культурной разработанности данного понятия в языке [Wierzbicka 1997].

В словообразовательном гнезде представлены слова следующих частей речи — существительные, прилагательные и наречия (не считая глагола *удаваться*, входящего в состав видовой пары с исходным глаголом *удаться*). Ниже представлен концептуальный анализ основных производных слов с целью уточнения и возможного расширения набора выявленных ранее когнитивных признаков для концепта «удача».

Концептуальный анализ субстантивных производных слов. Для начала рассмотрим семантику существительного *неудача*, антонимического по отношению к слову *удача*. В большинстве словарей указано значение 'отсутствие удачи, неуспех' [БАС 1964; СУ 1996; СЕ 2000; СО 1993], а также — в более развернутой формулировке 'неблагополучный исход какого-л. дела; неуспех' [МАС 1988; БТСРЯ 2000], которое подтверждает выявленный ранее когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой также указано второе значение 'то же, что незадача', тогда как *незадача* толкуется как 'неудачное стечение обстоятельств' [СО 2000]: здесь можно видеть подтверждение когнитивного признака (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'. Интересно толкование, приведенное как оттенок смысла по отношению к базовому значению в МАС: 'крушение каких-л. замыслов, планов и т. п. [МАС 1988]'. Это толкование позволяет поставить вопрос о новом когнитивном признаке, связанном с субъективной стороной удачи — наличием ожиданий чего-то благоприятного, намерений и планов, чего не зафиксировано в анализе словарных толкований для *удача*. Предлагаем следующую формулировку — 'надежда на что-то благоприятное, ожидание чего-то благоприятного'.

Другие субстантивные дериваты со значением одушевленного лица позволяют расширить семантическое наполнение концепта за счет включения в концептуальное содержание представления о субъекте — носителе или носительнице состояния удачи. Это прежде всего лексемы *удачник* и *удачница* и их антонимы — *неудачник* и *неудачница*.

Обратим внимание, что уже для исходного слова *удача* в словаре В.И. Даля отмечается значение одушевленного субъекта в мужском роде, которое в наше время явно устаревшее — ‘удалой, удалец, удатный, удатливый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача’: *Он парень удача; Приезжал удача, добрый молодец* [СД 1999].

Слово *удачник* отражает другую сторону в характеристике субъекта удачи: ‘кому счастье служит, везет, все удается’ [СД 1999]. Иными словами, слово *удачник*, которое в словарях маркировано как разговорное и даже фамильярное (СУ 1996) отражает представление о носителе свойств, которые реализованы в когнитивных признаках (1) ‘благоприятное стечение обстоятельств’, (2) ‘желательный результат, нужный исход дела, успех’; (3) ‘везение’ и (4) ‘счастье’. Это такие дефиниции, как ‘Разг. Человек, которому во всем сопутствует удача’ [МАС 1988]; ‘(разг. фам.). Человек, к-рому всё удается’ [СУ 1996]; ‘Разг. Удачливый человек’ [БАС 1964; СЕ 2000; СО 1993]. Лексема *удачница* семантически тождественна лексеме *удачник*, только категоризируется по женскому роду.

Для антонимических лексем *неудачник* и *неудачница*, которые, в отличие от *удачник* и *удачница*, не являются стилистически ограниченными, словари указывают следующие значения: ‘человек, к-рому не везет ни в чем, нет удачи’ [СО 1993]; ‘неудачливый человек’ [БАС 1964; МАС 1988; СУ 1996; БТСРЯ 2000; СЕ 2000]. Таким образом, эти толкования не отражают какого-либо приращения смысла на фоне проанализированных выше лексем *удачник* и *удачница*.

Остальные субстантивные отадективные дериваты *удачность, неудачность, удачливость, неудачливость* в данном разделе мы не освещаем: они полностью наследуют свою семантику от соответствующих производящих прилагательных, которая будет рассмотрена ниже.

Концептуальный анализ адъективных производных слов. В числе производных прилагательных на базе глагола *удаться* наиболее семантически насыщенным является прилагательное *удачный*, отражающее практически весь набор выявленных ранее когнитивных признаков. Это можно видеть уже по толкованию в словаре В.И. Даля: 'кто удался, что удалось по желанию, счастливый, успешный; но удачное дело может быть и случайное, неудачу' [СД 1999].

Современные русские толковые словари дают следующий набор толкований. Первая группа значений соответствует выявленным ранее когнитивным признакам (1) 'благоприятное стечение обстоятельств', (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; (3) 'везение' и (4) 'счастье', что можно видеть в наиболее развернутом толковании в МАС: 'Завершившийся удачей, успехом, хороший по своим результатам; успешный, счастливый' [МАС 1988] — и в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова: 'Завершившийся удачей, успехом, хороший по своим результатам; успешный, счастливый' [БТСРЯ 2000]. В более сжатом виде эта семантика отражена в толкованиях: 'Сопутствуемый удачей; успешный' [БАС 1964]; 'Успешный, завершившийся удачей' [СУ 1996]; 'Завершающийся удачей; успешный' [СЕ 2000].

В целях нашего исследования важно развитие общеоценочного представления об удаче как о чем-то хорошем, которое представлено в толковании '(Вполне) отвечающий (соответствующий) необходимым требованиям (условиям), хороший' [БАС 1964; МАС 1988; СУ 1996; БТСРЯ 2000; СЕ 2000]. На этом фоне мы можем в качестве самостоятельного выделить новый, нормативно-оценочный когнитивный признак, отражающий соответствие некой норме — 'соответствующий необходимым требованиям, условиям'.

В свою очередь, смысловое развитие этого значения позволяет выделить еще один когнитивный признак, отмеченный только в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова — ‘Верный, правильный’: *Очень удачный ответ. Подбор исполнителей оказался удачным* [БТСРЯ 2000].

Данные Национального корпуса русского языка подтверждают реальность выявленных признаков для носителей современного русского языка:

- ‘соответствующий необходимым требованиям, условиям, хороший’:

Самый удачный фильм кинолюбители назвали «Наша четвертая» (о четвертой экспедиции) (НКРЯ — Т. Беляева. Кинолюбители путешествуют // «Советский экран», 1966);

Удачная фотография на обложке действительно может увеличить продажи журнала, тогда как внутреннее содержание продажи не поднимет. Журнальная работа циклична, и иногда действительно есть время и на отдых, и на походы в магазин. Я вот в спортзал хожу (НКРЯ — Что врут о работе в сериалах // Труд-7, 2009.09.18);

- ‘верный, правильный’:

Очень удачное решение было найдено И. Стечкиным на пистолете АПС (НКРЯ — Затвор-регулятор темпа стрельбы // «Солдат удачи», 2004.04.07);

В одной из статей обо мне писали, что я прошел вместе с нашей страной по всем ее рубежам. Это — удачное выражение. Мне пятьдесят семь лет. И я хорошо помню Первую мировую войну — «германскую» войну, мобилизацию, телеги с новобранцами, пьяный «Последний нынешней денечек», немецких военнопленных, переловивших всех городских голубей (НКРЯ — Варлам Шаламов. Моя жизнь — несколько моих жизней (1964)).

Наречие *удачно* в целом наследует семантику соответствующего исходного прилагательного. Незначительное приращение смысла связано с грамматической функцией этого слова — возможностью употребляться в роли предикатива, категории состояния (*Удачно, что...*). В этой роли слово приобретает семантику модальной оценки: ‘Оценка каких-л. действий, по-

ступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату' [СЕ 2000]. Эта семантика также претендует на роль нового когнитивного признака, не выявленного ранее, когда были проанализированы словарные толкования слов *удача* и *удаться / удаваться*.

Данные Национального корпуса русского языка также подтверждают реальность этого когнитивного признака для носителей современного русского языка:

В этой связи весьма удачно, что добротную и пока вполне доступную исходную информацию для такой работы предоставляют материалы череды сменившихся на наших глазах общественных увлечений отдельными трансдисциплинарными (междисциплинарными) исследованиями (НКРЯ — Александр Крушанов. Наука в моде и мода в науке // «Знание-сила», 2013);

— *Какая приятная новость, и так удачно, что именно сегодня...* (НКРЯ — Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын (2014)).

Антонимическое к *удачный* прилагательное *неудачный* в целом не обнаруживает каких-либо новых оттенков смысла. В словарях отмечается отражение:

- когнитивных признаков (1) — (4): 'Безуспешный, несчастный; тщетный' [СД 1999]; 'Закончившийся неудачей; безуспешный' [БАС 1964; СЕ 2000]; 'Сопровождающийся неудачами, заканчивающийся неудачей, не принесший желанных результатов' [МАС 1988]; 'Сопровождающийся, закончившийся неудачей' [СУ 1996; СО 1993]; 'Закончившийся неудачей, плохим результатом; безуспешный' [БТСРЯ 2000];

- общеоценочного когнитивного признака 'что-то хорошее': 'Неудовлетворительный, плохо сделанный' [БАС 1964; СУ 1996; СЕ 2000]; 'Неудовлетворительный, плохой' [БТСРЯ 2000; СО 1993];

- нормативно-оценочного когнитивного признака: 'соответствующий необходимым требованиям, условиям': 'Не соответствующий своему назначению, незадачливый' [БАС 1964]; 'Не соответствующий своему назначению, неумелый, плохой' [СУ 1996]; 'Не такой, какой должен быть, какой

ожидали, какой хотели' [МАС 1988]; 'Не такой, какой ожидался, какой должен быть' [БТСРЯ 2000].

Наречие *неудачно* наследует все указанные смыслы от соответствующего производящего прилагательного.

Субъектные аспекты концептуального содержания удачи отражает семантика прилагательного *удачливый*. В метонимически производных значениях этого слова, правда, отмечается синонимия с прилагательным *удачный*: 'Сопутствуемый удачей; успешный, удачный' [БАС 1964; МАС 1988; БТСРЯ 2000; СЕ 2000]. Но в целом значение прилагательного *удачливый* отражает когнитивные признаки, выявленные при анализе одушевленных существительных *удачник, удачница* — 'тот / та, у которого / которой все получается, кому все удается'. Это представлено в следующих словарных дефинициях: 'Такой, которому сопутствует удача; счастливый' [БАС 1964; МАС 1988; БТСРЯ 2000]; 'Счастливый, такой, к-рому везет, у к-рого удача во всем' [СУ 1996; СЕ 2000; СО 1993].

Эти же значения представлены и в толковании наречия *удачливо*, для которого отмечаются ограничения на употребления — помета *разг.* Кроме того, так же, как и в случае со словом *удачно*, для лексемы *удачливо* в БАС отмечается возможность употребления в функции предикатива, слова категории состояния: «Безл. сказ. *Если каждый раз будет так удачно, сразу хозяйство станет на ноги*» [БАС 1964].

Когнитивный признак субъектного значения (5) 'тот, у кого все получается, кому все удается' был выявлен ранее, с пометой *устар.*, на основании данных словаря В.И. Даля, в котором для слова *удача* указывается возможность употребления его как одушевленного существительного мужского рода: «**Удача** м. удалой, удалец, удатный, удатливый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача. *Он парень удача. Приезжал удача, добрый молодец*» [4]. Но если для слова *удача* это значение устаревшее, то для прилагательного *удачливый* оно вполне актуально. Поэтому благодаря нашему анализу мы можем снять

ограничительную помету с когнитивного признака и сформулировать его в окончательном виде (5) 'тот, у кого все получается, кому все удается'.

Данные Национального корпуса русского языка также подтверждают реальность данного когнитивного признака в речевой практике современных носителей русского языка:

- для слова *удачливый*:

Удачливый бизнесмен и руководитель собственной студии всё же нашёл параллель между 80-ми и сегодняшним временем: «То, что мы с Сереей Минаевым делали на студенческих дискотеках в Алуште, — то же самое мы делаем сегодня для олигархов, только за большие деньги» (НКРЯ — Александр Братерский. Тото да Си Си. Звезды 80-х выступают на фестивале-дискотеке в «Лужниках» // «Известия», 2002.11.24);

*Из наших титулованных прежде мог позволить себе такую вольность один только Владимир Драчев (за что, в частности, и был выведен из основного состава российской сборной), теперешний вполне себе **удачливый** биатлонист из Белоруссии* (НКРЯ — Виктор Лимасов. Счастье вдруг, в тишине. Начало биатлонного сезона сборной России: триумф женской команды, провал мужской // «Известия», 2002.12.06).

- для слова *удачливо*:

*Не менее **удачливо** стартовал и занимающий вторую строчку по добыче коллектив ЗАО «Маракан», на счету которого уже более 400 кг золота, или на 215 кг больше прошлогоднего на этот период* (НКРЯ — Александр Антоненко. На полигонах золотой столицы // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.26);

*Постепенно он, когда-то переполненный энергией, лихо и **удачливо** бравшийся за двадцать дел сразу, совершенно обессилел* (НКРЯ — Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом (1996)).

Антонимическое прилагательное *неудачливый* не полностью сохраняет семантический параллелизм с *удачливый* — в частности, отсутствует синонимия с *неудачный* (по аналогии с *удачливый*₂ = *удачный*). *Неудачливый* от-

ражает только референцию к свойствам субъекта: 'Преследуемый неудачами, такой, которому не везёт в чём-л.' [БАС 1964; МАС 1988; СУ 1996; БТСРЯ 2000; СЕ 2000; СО 1993]. Это примерно соответствует значениям, рассмотренным при анализе семантики существительных *неудачник* и *неудачница*. Тот же блок смыслов отмечается и для наречия *неудачливо*, например: **Неудачливо** поохотиться [БАС 1964].

В целях нашего исследования особый интерес представляет семантика наречия *наудачу*, которая отражает соотнесенность соответствующего концепта с ключевыми идеями русской языковой картины мира, а именно — с представлением о судьбе, о господстве случая в человеческой жизни, оправдывающем определенную беспечность. Эта идея воплощена в концепте *авось* [Wierzbicka 1997; Зализняк и др. 2005], что представлено в толковании наречия *наудачу*, например, в словаре В.И. Даля: «На удачу, **наудачу**, **на авось**, на счастье, на отвагу; *наобум*, на мах, набалмочь, зря» [СД 1999]. В других русских словарях семантика наречия *наудачу* также связана с идеей действий *наобум*, без предварительного плана. Так, в БАС наречия *наугад* и *наобум* толкуются через синоним *наудачу* [БАС 1964]. Само же наречие *наудачу* определяется как 'Надеясь, рассчитывая на благоприятный случай; как удастся' [БАС 1964; СУ 1996; СЕ 2000]; 'Надеясь на благоприятный случай; без предварительного обдумывания, выбора и т.п.' [МАС 1986].

Это позволяет сформулировать новый когнитивный признак — 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования'.

Итак, лингвокогнитивный анализ производных субстантивных, адъективных и наречных лексем в составе словообразовательного гнезда с вершиной *удаться* позволил верифицировать и в ряде случаев уточнить выявленные ранее, при исследовании словарных значений лексем *удаться* и *удача*, когнитивные признаки концепта «удача».

Также в результате исследования были обнаружены новые когнитивные признаки концепта «удача». При анализе адъективного сегмента слово-

образовательного гнезда на базе развития общеоценочного когнитивного признака 'что-то хорошее' зафиксированы нормативно-оценочные когнитивные признаки 'соответствие необходимым требованиям, условиям' и 'что-то верное, правильное'. При анализе наречного сегмента был выявлен модально-оценочный когнитивный признак 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату' и когнитивный признак 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования', который как бы поглощает выявленный ранее, при анализе субстантивных производных слов, когнитивный признак 'надежда на что-то благоприятное, ожидание чего-то благоприятного'.

Таким образом, в совокупный смысловой объем концепта «удача» добавляются следующие 4 когнитивных признака, 3 из которых выражают оценочность разного типа («чистую» оценочность, модальную оценочность, нормативную оценочность):

(15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*)';

(16) 'что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*)';

(17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*)';

(18) 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось)'.

В итоге совокупный смысловой объем концепта «удача» на данном этапе исследования составил 18 когнитивных признаков, что, на наш взгляд, является объективным языковым свидетельством значительной культурной разработанности данного концепта в русской языковой картине мира.

2.2.2. Парадигматические особенности языковой объективации концепта «удача»

Анализ парадигматики концепта «удача» предполагает описание синонимических, антонимических и иных типов семантических отношений между лексемами, объективирующими данный концепт в лексико-семантической системе языка.

Языковая синонимия и антонимия в объективации концепта «удача». Анализ синонимических отношений проводится по словарю В.И. Даля, по словарю синонимов Н. Абрамова и по словарю синонимов под ред. А.П. Евгеньевой [СД 1999; СРСА 1999; ССРЯЕ 2003]. Сначала устанавливается состав синонимических рядов для основных слов *удача, удался / удаваться, удачный* — репрезентантов концепта «удача». В качестве синонимов рассматриваются не только отдельные слова, но и коллокации — устойчивые сочетания слов.

Лексема *удача* в словаре В.И. Даля описывается через синонимы *успех, поспешенье в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела* [СД 1999]. В словаре Н. Абрамова указаны синонимы: *успех, счастье, благополучие* [СРСА 1999]. В словаре под ред. А.П. Евгеньевой приводятся: *счастье, фортуна, фарт* (прост.) [ССРЯЕ 2003].

Таким образом, мы можем сформировать сводный синонимический ряд для слова *удача* — *успех, счастье, благополучие, фортуна, фарт, поспешенье в чем-либо, талант, желанный случай, исход дела*.

Для лексем *удался / удаваться* зафиксированы следующие синонимы: *сделаться, стать, случиться по желанию, пощастливиться кому* [СД 1999]; *пощастливиться, счастливо устроиваться, спориться* [СРСА 1999]; *получиться, выйти, вытанцеваться* (разг.). [ССРЯЕ 2003].

Сводный синонимический ряд для слова *удался / удаваться* выглядит следующим образом: *сделаться, стать, получаться, случиться по жела-*

нью, *посчастливившись, счастливо устраиваться, спориться, выйти, вытанцовываться.*

Для лексемы *удачный* в словарях указаны синонимы: *удачливый, счастливый, успешный* [СД 1999]; *удачливый, успешный, счастливый, блестящий, желанный, благополучный* [СРСА 1999]; *успешный, счастливый, благополучный* [ССРЯЕ 2003]. Важно отметить, что в словаре В.И. Даля и в словаре Н. Абрамова *удачный* и *удачливый* рассматриваются в одном синонимическом ряду, а в словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой для слова *удачливый* дается отдельный синонимический ряд: *счастливый, везучий* (разг.), *фартовый* (прост.) [ССРЯЕ 2003], причем слово *счастливый* входит в оба синонимических ряда. В целях нашего исследования мы объединяем эти два ряда в один.

В результате сводный синонимический ряд к слову *удачный* выглядит следующим образом: *удачливый, успешный, счастливый, блестящий, желанный, благополучный, везучий* (разг.), *фартовый* (прост.).

Далее необходимо соотнести семантику синонимов с выявленными ранее когнитивными признаками концепта «удача».

I. Синонимы к слову *удача* подтверждают следующие когнитивные признаки: *успех, поспешенье в чем-либо, желанный случай, исход дела* соответствуют когнитивным признакам (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; *счастье, благополучие* соответствуют когнитивным признакам (4) 'счастье'; (9) 'что-то хорошее (общеоценочн.)'; *фортуна, фарт*, соответствуют когнитивным признакам (3) 'везение'; (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.)'; *талант* примерно соответствует когнитивным признакам (6) 'творческая находка'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности, успех'.

В проанализированном выше материале выделяется синоним *талант*, который указывает на имплицитное присутствие в концептуальном содержании удачи представления об удаче как о Божьем даре, таланте, который чело-

век, возможно, получает просто так, с рождения, не по заслугам — это представление может претендовать на статус нового когнитивного признака.

II. Для слова *удаться / удаваться* члны синонимического ряда позволяют верифицировать следующие когнитивные признаки: *сделаться, стать-ся* отражают когнитивный признак (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.)'; *получаться, спориться, выйти, вытанцовываться* отражают когнитивный признак (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (модально-оценочн.)'; *случиться по желанию, посчастливиться, счастливо устраиваться* отражают когнитивные признаки (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; (4) 'счастье'. Новых когнитивных признаков анализ не выявил.

III. В семантике членов синонимического ряда к прилагательному *удачный* имеется соответствие следующим когнитивным признакам: *удачливый* соотносится с когнитивным признаком (5) 'тот, у которого все получается, кому все удается'; *успешный* соотносится с когнитивным признаком (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности, успех'; *везучий* (разг.), *фартовый* (прост.) соотносятся с когнитивными признаками (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (3) 'везение'; *счастливый, благополучный* соотносятся с когнитивным признаком (4) 'счастье'; *блестящий* соотносится с когнитивным признаком (9) 'что-то хорошее (общеоценочн.)'; *желанный* соотносится с когнитивным признаком (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)'.

Наличие в синонимическом ряду к слову *удача* синонима *благополучие*, а к слову *удачный* — синонима *благополучный* позволяет предположить семантическое развитие когнитивного признака (4) 'счастье' по модели метонимического сужения → 'благополучие'. *Благополучие* трактуется в словарях русского языка как 'спокойное — без неудач и потрясений — течение дел, жизни'; 'материальная обеспеченность, достаток', 'счастье в любви, в семей-

ной жизни’, ‘(разг.) обычное — без отклонений от нормы, нежелательных явлений — состояние кого-л.’ [СЕ 2000]. Указанные состояния выступают как результат благоприятного стечения обстоятельств, т.е. удачи. Таким образом, ‘благополучие’ вполне может претендовать на статус нового когнитивного признака для концепта «удача».

В целом проанализированный материал еще раз подтвердил, что в концептуальном представлении удачи в русской языковой картине мира воплощены две взаимообусловленных смысловых линии, два содержательных пласта: первый отражает взаимодействие человека с внешней средой и связан с идеей судьбы, с представлением о роли случая в жизни человека, о фортуне, везении, благоприятной случайности, которые не зависят от воли и желания человека; второй коррелирует уже с положительно оцениваемыми внутренними состояниями человека — счастьем, благополучием, надеждой и пр.

Антонимические отношения слов — репрезентантов концепта «удача» рассматриваются по данным «Словаря антонимов русского языка» М.Р. Львова [САРЯ 1988] и по данным собственного интернет-мониторинга автора [ИМ].

По «Словарю антонимов русского языка» М.Р. Львова можно выделить следующие антонимические пары: *удача — неудача; удачник(-ица) — неудачник(-ица); удачный — неудачный; удачно — неудачно; удачность — неудачность; удачливый — неудачливый; удачливо — неудачливо; удачливость — неудачливость* [САРЯ 1988].

Семантика антонимов была подробно рассмотрена ранее, в подразделе 2.2.1, посвященном анализу производных слов словообразовательного гнезда с вершиной *удаться / удаваться*. Здесь просто укажем на соответствие их семантики выявленным ранее когнитивным признакам.

Семантика антонима *неудача* в целом по принципу «от противного» подтверждает выявленные при анализе слова *удача* когнитивные признаки: (1) ‘благоприятное стечение обстоятельств’; (2) ‘желательный результат, нужный исход дела, успех’; (3) ‘везение’; (4) ‘счастье’. Также в контекстах

употребления слова *неудача* возможны коллокации типа *творческая неудача*, что позволяет подтвердить когнитивный признак (6) 'творческая находка', и — только во множественном числе — употребление в значении 'провал': *Насколько его волнуют удачи и **неудачи** производства?* [БАС 1964], что соответствует когнитивному признаку (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности, успех'.

Антонимы *неудачник* и *неудачница* имеют только функционально-стилистические отличия от *удачник* (*разг.*) и *удачница* (*разг.*): они не являются стилистически ограниченными. Семантически они соответствуют указанным словам. Словари отмечают следующие значения: 'человек, к-рому не везет ни в чем, нет удачи' [СО 1993]; 'неудачливый человек' [БАС 1964; МАС 1988]. Таким образом, эти толкования выявленный ранее субъектно ориентированный когнитивный признак (5) 'тот, у которого все получается, кому все удается'.

Антоним *неудачный* в целом не обнаруживает каких-либо приращений смысла по отношению к исходному *удачный*. В словарных толкованиях оно соответствует когнитивным признакам (1) — (4), (9), (15) и (16).

Антонимы *неудачно* и *неудачность* также полностью наследуют свою семантику от производящего прилагательного *неудачный* и никаких смысловых эффектов не обнаруживают.

Субъектные аспекты концептуального содержания удачи отражает семантика антонима *неудачливый*, которая в целом соответствует своему исходному *удачливый*. Наречие *неудачливо* и отадаъективное существительное *неудачливость* также полностью идентичны по смыслу исходному прилагательному и соответствуют субъектному когнитивному признаку (5) 'тот, у которого все получается, кому все удается'.

Концептуальная синонимия / квазисинонимия и антонимия / квазиантонимия: УДАЧА и УСПЕХ. Одной из характерных черт русской языковой картины мира является «концептуальное двоимирие» [Радбиль 2017], одним из признаков которого является наличие парных концептуальных свя-

зок (типа «дух» — «душа», «свобода» — «воля», «правда» — «истина», «ум» — «разум» и пр.), которые поляризованным образом выражают одно понятие. Причем, как указано в работе [Зализняк и др. 2005] на примере анализа слов «упрек» и «попрек», один из парных концептов примерно соответствует общечеловеческому понятию, имеющему аналог в других языках, а другой обладает значительной степенью национальной обусловленности, идиоэтничности. На наш взгляд, аналогичными семантическими свойствами обладает и концептуальная пара «удача» — «успех». Представление об успехе в многом имеет универсальный характер [Карасик 1996], тогда как представление об удаче в русской языковой картине мира характеризуется существенным этническим своеобразием.

Как было показано ранее, анализ словарных дефиниций слова *удача* демонстрирует его смысловую близость к слову *успех* в ряде значений и контекстов употреблений. Так, в словаре В.И. Даля лексема *удача* толкуется через синонимический ряд, в который входит и слово *успех*: «**Удача** ж. **успех**, поспешенье в чем-либо, счастье, талант, желанный случай, исход дела» [СД 1999]. То же видим в словарях синонимов, например, в словаре русских синонимов Н. Абрамова в качестве синонимов к слову *удача* указано: *успех, счастье, благополучие* [СРСА 1999].

В основных русских толковых словарях компонент 'успех' входит в словарную дефиницию для ряда значений слова *удача*: в словаре под ред. Д.Н. Ушакова: «**Успех**, такой исход дела, к-рый нужен, желателен кому-н.» [СУ 1996]; в БАС *удача* определяется следующим образом: «Счастливым, желательный исход чего-либо; счастливое для кого-либо стечение обстоятельств; **успех**» [БАС 1964]; в МАС: «Совокупность благоприятных, способствующих **успеху** обстоятельств...» [МАС 1988]; в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой «Такой исход дела, который нужен, желателен; **успех**» [СЕ 2000]. Еще более тесное смысловое сближение удачи и успеха наблюдаем в дефинициях семантически производных значений слова *удача* 'творческая находка, достижение в труде, в творчестве', например: «Больш-

шое достижение в какой-л. деятельности; **успех**» [БТСРЯ 2000].

В словарных дефинициях однокоренных лексем *удаться / удаваться, удачный* и др. также тем или иным образом присутствует идея успеха. Так, в толкованиях глагола *удаться / удаваться* встречаем: «Осуществляться, завершаться **успешно**, удачно» [БАС 1964; МАС 1988; БТСРЯ 2000; СЕ 2000]; «Протечь, завершиться удачно, **успешно**» [СУ 1996]. В качестве синонимов к слову *удачный* в словаре В.И. Даля указано: *удачливый, счастливый, успешный* [СД 1993], в словаре русских синонимов Н. Абрамова: *удачливый, успешный, счастливый, блестящий, желанный, благополучный* [СРСА 1999], в словаре русских синонимов под ред. А.П. Евгеньевой: *успешный, счастливый, благополучный* [ССРЯЕ 2003].

В словарных толкованиях слова *удачный* также имеется компонент 'успех' или 'успешный': «**Успешный**, завершившийся удачей» [СУ 1996]; «Сопутствуемый удачей; **успешный**» [БАС 1964]; «Завершившийся удачей, **успехом**, хороший по своим результатам; **успешный**, счастливый» [МАС 1988; БТСРЯ 2000]; «Завершающийся удачей; **успешный**» [СЕ 2000]. Также эти компоненты так или иначе присутствуют в словарных дефинициях производных слов *неудача, неудачник, неудачный* и пр.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что концепты «удача» и «успех» соотносятся по такому семантическому компоненту, как 'счастливый, желательный исход чего-либо'. Наличие данного смыслового соответствия подтверждается и словарными толкованиями слова *успех* в ряде значений, где так или иначе присутствуют смысловые компоненты 'удача' или 'удачный': «Положительный результат какого-либо дела; достижение, **удача**» [БАС 1964]; «Положительный результат, **удачное** завершение чего-л.» [МАС 1988]; «**Удача** в задуманном деле, **удачное** достижение поставленной цели» [СУ 1996]; «**Удача** в каком-л. деле, **удачное** достижение поставленной цели» [СЕ 2000]; «Положительный результат, **удачное** завершение чего-л.» [БТСРЯ 2000].

Однако при этом в языковой объективации концептов «удача» и «ус-

пех» наблюдаются и существенные концептуальные расхождения, связанные с осмыслением путей достижения указанного положительного, желаемого результата, исхода дела. Основа для подобного смыслового разграничения заложена уже в словарном толковании слова *удача*: «Совокупность благоприятных, способствующих **успеху** обстоятельств...» [МАС 1988]. Иными словами, удача как счастливое стечение обстоятельств есть то, что может сопутствовать успеху, возможное условие успеха, но не сам успех.

Смысловое расхождение между представлениями об удаче и успехе можно видеть по данным этимологического анализа, которые мы в работе приводим по «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера. Как было показано ранее, в разделе 2.1, *удача* представляет собой отглагольное существительное по глаголу *удаться*, который в свою очередь соотносится с глаголом *даться* ← *дать* [Фасмер-IV 2009].

Иными словами, удача — это то, что дается человеку, так сказать, извне, то, что получено кем-то или случается с кем-то, независимо от активности субъекта или ее отсутствия. В отличие от удачи, успех — это уже результат каких-то заблаговременных, запланированных действий человека (спешить или успевать к определенному сроку), его усилий, его целенаправленной активности — или результат действий каких-либо закономерностей во внешнем мире (зреть, созревать, дозреть, как правило, тоже к определенному моменту — ср. *спелый*).

Это подчеркивается и словарными дефинициями других значений слова *успех*, в которых акцентируется внимание именно на наличие активности человека, каких-то планомерных действий по достижению желаемого результата: «... **достижение**... // *Мн.* **Достижение** в учебе, в освоении, изучении чего-либо» [МАС 1988; БТСРЯ 2000]; «Хорошие результаты в учебных занятиях, **достижения** в освоении, изучении чего-л.» [МАС 1988]; «... удачное **достижение** поставленной цели» [СУ 1996; СЕ 2000]. Ср. также толкование прилагательного *успешный*: «Сопровождающийся успехом, дающий положительные результаты» [БАС 1964]. Усиление этого смыслового акцен-

та происходит в производных значениях слова *успех* — победа в сражении, в поединке и пр. как результат именно целенаправленной деятельности: «Благоприятный исход, победа в каком-л. сражении, поединке и т. п.» [БАС 1964; МАС 1988; СУ 1996; БТСРЯ 2000; СЕ 2000].

Представление о положительном результате человеческой активности приводит к метонимическому семантическому развитию значения слова *успех*, к возникновению социального аспекта его семантики, чего не зафиксировано для значений слова *удача*. Это возможность употреблять данное слово для обозначения общественного признания чьей-то деятельности или чьих-то положительных свойств, достоинств. Общественное признание деятельности, заслуг отражено в словарных толкованиях: «Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений» [БАС 1964; МАС 1988; СУ 1996; БТСРЯ 2000; СЕ 2000]. Признание окружающими достоинств, положительных качеств отражено в толкованиях: «Признание окружающими чьих-либо достоинств» [[БАС 1964; МАС 1988; БТСРЯ 2000]; «Внимание общества к кому-н., признание чьих-н. достоинств» [СУ 1996; СЕ 2000].

Таким образом, мы можем заключить, что концептуальные расхождения между представлениями об удаче и об успехе гораздо более значительны, чем сходство. Здесь мы имеем дело с явлением «**концептуальной квазисинонимии**», которое, согласно Т.Б. Радбилю, заключается в том, что понятия, на уровне собственно языковом выступающие как семантически сходные, сопоставимые, даже синонимичные, на концептуальном уровне антонимически противопоставляются [Радбиль 2017]. Удача дается человеку без каких-либо усилий с его стороны, а успеха человек добивается посредством целенаправленной активности. Иными словами, удача — от везения, судьбы, а успех — продукт личных достижений. Если удача характеризуется, скорее, как природная или сверхъестественная сущность, то успех вписан в систему социальных, моральных, профессиональных значимостей.

Таким образом, проведенный анализ позволил более выпукло прояс-

нить именно национально-специфическое содержание интересующего нас концепта «удача». Успех выступает как одна из самых значимых категорий в западном мире, в системе ценностей, основанных на протестантской этике, на приоритете рационального устройства жизни и индивидуальной активности [Карасик 1996; Вежбицкая 1997]. Удача, напротив, соотнесена с идеями непредсказуемости мира и неконтролируемости человеком обстоятельств своей внешней и внутренней жизни, с «феноменологическим способом концептуализировать событие в языке», выражаясь словами А. Вежбицкой, т.е. с «фатализмом и иррационализмом русской души» [Вежбицкая 1997], с такими установками, как действие на авось и оправдание некоторой беспечности [Зализняк и др. 2005] и пр.. Это делает удачу органичной принадлежностью именно русского способа смотреть на мир, отраженного в языке.

В целом мы можем констатировать, что анализ членов синонимических рядов к словам *удача, удался / удаваться, удачный* подтверждает наличие в концептуальном содержании удачи таких выявленных ранее когнитивных признаков, как (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела, успех'; (3) 'везение'; (4) 'счастье'; (5) 'тот, у которого все получается, кому все удастся'; (6) 'творческая находка'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности, успех'; (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.)'; (9) 'что-то хорошее (общеоценочн.)'; (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)'; (16) 'что-то верное, правильное (норм.-оценочн.)'; (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (модально-оценочн.)'.

Также в результате анализа парадигматических связей и отношений между словами — репрезентантами концепта «удача» нами выявлено два новых когнитивных признака, не зафиксированных на предыдущих стадиях исследования:

(19) 'талант, Божий дар';

(20) 'благополучие'.

2.2.3. Синтагматические особенности языковой объективации концепта «удача»

Согласно принятой концепции исследования, синтагматический анализ заключается в описании стандартной узуальной сочетаемости лексем *удача*, *удаться* / *удаваться* и *удачный* как основных репрезентантов концепта, а также в изучении диагностических контекстов употребления слова *удача*, в которых актуализуются семантические преобразования данного концепта по типовым моделям концептуальной метафоризации.

Контексты стандартной сочетаемости лексем — репрезентантов концепта «удача». Характеристика контекстов стандартной сочетаемости осуществляется по материалам «Словаря сочетаемости слов русского языка» под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина [СССРЯ 1983] и «Большого универсального словаря русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой и Н.М. Луцкой [БУСРЯ 2017].

УДАЧА. Когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. для кого:** (*о человеке*) ~ *для писателя, для художника, для меня, для Ани ...* [БУСРЯ 2017].

Когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. в чём** ~ *в каком-л. деле, в делах, в жизни, в любви, в игре, в охоте, во всём ...*, — и в контекстах атрибутивной сочетаемости *Большая неожиданная, серьёзная, творческая У.* [СССРЯ 1983].

Когнитивный признак (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)' отражается в контекстах субстантивной сочетаемости: **У. кого** (*о человеке*) ~ *писателя, художника, актёра, спортсмена, Ани...* [СССРЯ 1983].

В моделях глагольного управления сочетания со словом *удача* отражают следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств': *приносить, обещать, предсказывать кому-л. ... У.; В У. (верить ~ ...); Ждать, желать кому-л. ... У.;*

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)': *Завидовать, радоваться ... чьей-л. У.;* С У. (*поздравить кого-л ...*); В У. (*[не] сомневаться ~ ...*);

- когнитивный признак (3) 'везение': На У. (*надеяться ~, рассчитывать ~ ...*) [СССРЯ 1983].

В контекстах субъектно-предикатной сочетаемости слово *удача* отражает следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств': У. *радует кого-л.;*

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)': У. *окрылила (высок.) кого-л., вскружила кому-л. голову;*

- когнитивный признак (3) 'везение': У. *сопутствует (книжн) кому-л.* [БУСРЯ 2017].

УДАТЬСЯ / УДАВАТЬСЯ. В контекстах личного употребления (прош. вр. и III л. наст.-буд. Вр.) отражает:

- когнитивные признаки (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' и (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)': **Удался (-ась, -ось, ись) что-л. [кому-л.]:** *жизнь, вечер, прыжок, манёвр, охота, рыбалка (разг.), экскурсия, поездка...* [СССРЯ 1983];

- когнитивный признак (9) 'что-то хорошее (общеоценочн.)' **Удался (-ась, -ось, ись) кто, что:** *рожь, обед, пирог, книга, статья, , какая-л. глава...* — **как:** *вполне, особенно, на славу (разг.)...* [СССРЯ 1983];

- когнитивный признак (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков': **Удался (-ась, -ось, ись) в кого:** *мать, отец, родители...* [БУСРЯ 2017].

В контекстах безличного употребления отражает:

- когнитивный признак (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.)': **Удалось (удается, удастся) [что-л.] + инфинитив**: *купить что-л., посмотреть что-л., написать что-л., помочь кому-л. ...*; **[кому-чему-л.]**: : ~ *матери отцу, мне, ему, Анне ... институту, заводу, команде ...*; **[как]**: ~ *легко, с трудом, быстро ...* [БУСРЯ 2017].

УДАЧНЫЙ. В атрибутивных сочетаниях по модели согласования выражает следующие когнитивные признаки:

- когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств': **У.** *день, год, начало, конец, исход чего-л., завершение чего-л., жеребьевка, выбор, стечение обстоятельств ...* [СССРЯ 1983];

- когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)': **У.** *поездка, поход, экскурсия, охота, рыбалка (разг.), прыжок, бросок, удар, игра, попытка...* [СССРЯ 1983];

- когнитивный признак (9) 'что-то хорошее' (общеоценочн.): **У.** *произведение, книга, роман, фильм, постановка, статья, картина, портрет, рисунок, фотография, снимок, выражение, перевод, работа, выбор, подбор кого-чего-л. (игроков, иллюстраций ..), состав кого-чего-л. (исполнителей, оркестра ..) ...* [СССРЯ 1983];

- когнитивный признак (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)': **У.** *место, погода, климат, время, час ...* [БУСРЯ 2017];

- когнитивный признак (16) 'что-то верное, правильное': **У.** *совет, идея, мысль, план, решение, выбор, пример, сравнение...* [БУСРЯ 2017].

В контекстах глагольно-адъективного управления выражает когнитивный признак (1) 'благоприятное стечение обстоятельств': *Быть, казаться, оказаться ... У.* [СССРЯ 1983].

В контекстах адъективного предложного-падежного управления выражает когнитивный признак (2) 'желательный результат, нужный исход дела

(= успех₁): У. для кого-чего: (о человеке) ~ для друга, для меня, для него, для Ани ... для команды, для группы ... [СССРЯ 1983].

В контекстах наречного примыкания выражает когнитивный признак (9) 'что-то хорошее' (общеоценочн.): *Очень, весьма* (книжн.), *исключительно, на редкость* ... У. [СССРЯ 1983].

Наречие УДАЧНО в контекстах стандартной сочетаемости выражает:

- когнитивные признаки (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' и (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁): У. *начаться, закончиться, завершиться, пройти...*;

- когнитивный признак (9) 'что-то хорошее' (общеоценочн.): У. *сфотографироваться, расположить кого-что-л., подобрать кого-что-л.* ... [БУСРЯ 2017].

В целом анализ стандартной сочетаемости позволил верифицировать такие основные когнитивные признаки концепта «удача», как (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'; (3) 'везение'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)'; (8) 'реализация благоприятной возможности (модальн.); (9) 'что-то хорошее' (общеоценочн.); (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков'; (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.)'. Новых когнитивных признаков не выявлено.

Контексты семантических преобразований лексем — репрезентантов концепта «удача» по моделям концептуальной метафоризации.

Национальная специфика языковой объективации концепта «удача» особенно ярко проявляется в контекстах дискурсивной актуализации слова *удача* как базового репрезентанта одноименного концепта в русской речи, когда данная лексема подвергается разного рода метафорическим преобразованиям в соответствии с разнообразными моделями концептуальной метафоры.

Одним из главных достижений современного лингвистического когнитивизма стала идея «телесной воплощенности» (conceptual embodiment) фор-

матов знания о мире, моделей и паттернов человеческой психики, ценностных приоритетов и поведенческих установок, стоящих за словами и выражениями естественного языка [Лакофф 2004]. Сложная и отвлеченная информация в человеческой естественной языковой когниции обязательно подлежит конкретно-чувственному представлению по моделям концептуальной метафоры Дж. Лакоффа–М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004].

Именно идеи и принципы анализа концептуальной метафоры в когнитивной лингвистике и стали теоретической базой настоящего исследования. В наивной картине мира, которая как раз и отражена в системе естественного языка, абстрактные понятия всегда подвергаются конкретно-чувственному переосмыслению по линии **реификации** (овеществления абстракции) или **одушевления** (понимания неодушевленной сущности как одушевленного объекта). Основой овеществления или одушевления выступает концептуальная метафора как определенный формат представления опыта восприятия действительности, как способ хранения и трансляции информации о мире в мышлении и языке.

Согласно теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, все то новое, что мы узнаем о мире, всегда опирается на то, что нам уже известно из опыта нашего взаимодействия с действительностью, природной или социальной: мы просто переходим, посредством механизма ассоциации по сходству, от прежнего, исходного представления к новому, используем представление об известной сущности для понимания сущности новой. Метафора подобного рода не является, по сути, языковой метафорой. В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона это именно «концептуальная метафора», потому что она функционирует в концептуальной системе людей и упорядочивает знание о мире человека, структурирует его опыт взаимодействия со средой, выступая как «объяснение одного опыта в терминах другого опыта» — например, объяснение абстрактной сущности через ее овеществленное или одушевленное, чувственно-воспринимаемое представление [Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 2004].

Материалом исследования являются контексты концептуальной метафоризации лексемы *удача* по данным Национального корпуса русского языка и собственного Интернет-мониторинга автора.

В соответствии с принятой концепцией исследования мы рассмотрели две группы моделей концептуальной метафоризации удачи: (1) модели овеществления (реификации), когда удача метафорически представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда; (2) модели одушевления, когда удача метафорически представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо.

Концепт «удача» в моделях метафорического овеществления. Переосмысление абстрактных сущностей как конкретно-чувственных представлений вообще характерно для народно-мифологического мироощущения, что отражено в фольклорных текстах, в многочисленных пословицах, поговорках и загадках. Ср., в частности, пример пословицы, приводимой в иллюстративном материале словарного толкования *удавать* в словаре В. И. Даля: *Удача — брага, неудача — квас* [СД 1999, с. 483]. В настоящей работе нас интересуют рефлексии этих представлений в контекстах обыденного употребления слова *удача* (в речевой практике носителей русского языка), в которых также имеют место разнообразные явления овеществленного представления этого концепта.

Модель метафорического представления концепта «Удача» как конкретно-чувственного объекта, предмета, вещи реализуется, как правило, в контекстах употребления лексемы *удача* с глаголами:

- физического контакта и / или воздействия: *Как у всех людей, которых гнетёт судьба, у Дмитриева выработалось суеверие: он замечал, что бывают дни везения, когда одна удача цепляется за другую, и в такие дни надо стараться проворачивать как можно больше дел, и бывают дни невезения,*

когда ни черта не клеится, хоть лопни (НКРЯ — Юрий Трифонов. Обмен (1969));

- локализации и / или перемещения в пространстве: *Он выше того, что зовется у людей добром и жестокостью, ибо как бы ни поступал любимец божий, **удача** его не заходит, как летнее солнце* (НКРЯ — Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011);

Бывает такое, — сама никогда до того не верила, что неожиданно будет сваливаться удача за удачей (НКРЯ — Анатолий Кириллин. С собой не возьму // «Сибирские огни», 2012);

- приобретения и / или утраты:

Семь способов поймать удачу (ИМ — URL: <https://blog.mann-ivanov-ferber.ru/2017/11/02/7-sposobov-pojmat-udachu/>);

Что не стоит выкидывать из дома, чтобы не потерять удачу и достаток? (ИМ — URL: <https://moscow.sm-news.ru/chto-ne-stoit-vykidyvat-iz-doma-chtoby-ne-poteryat-udachu-i-dostatok-61383/>).

Разновидностью данной модели является модель метафорического представления концепта «Удача» как чувственно воспринимаемого ориентира движения, точки, локализованной в физическом или ином наблюдаемом пространстве:

Демон, живущий между лопатками, шептал, что проложит ему путь, выведет к удаче, и что он сильнее, заведомо сильнее того, другого духа, который потворствует заморышу (НКРЯ — Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013);

Малозаметная лоцинка в дикой каменной маньчжурской степи не просто привела к удаче некую роту (им, ротам, несть числа в любой армии), но первым маленьким шажком вывела замполита Белобородова в полководцы (НКРЯ — Игорь Николаев. Последний приказ генерала // «Звезда», 2001);

Этот уже пробивается, на пути к удаче, если не к успеху (НКРЯ — А. Д. Шмеман. Дневники (1973-1983)).

Модель метафорического представления концепта «Удача» как вещества (субстанции) реализуется, как правило, в контекстах употребления лексемы *удача* с глаголами, характерными для обозначения действий разного типа веществ:

- плотных, тягучих, тяжелых субстанций: *Он понял, что ему привалила неслыханная **удача!*** (НКРЯ — Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996);

- жидких субстанций: *По сообщающимся сосудам **удача** сестры перетекла к Леле — умер Лесючевский* [НКРЯ — Сергей Каледин. Аллея Руж // «Огонек», 2013);

- легких, воздушных, светоносных субстанций: *Между прочим, когда «Самоубийце» забрезжит **удача** и Плучек соберется его поставить, С. В. немедленно подоспеет в качестве — как бы — соавтора* (НКРЯ — С. Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них (2004-2008)).

Также для этой модели концептуальной метафоры имеются примеры генитивных партитивных употреблений лексемы *удача* при существительных с семантикой «часть чего-л.» — кусок, фрагмент, порция и пр.: *Недавно я задумалась, как было бы здорово, если бы можно было положить в сумочку (вместе с кошельком и косметичкой) еще маленький кусочек **удачи*** (ИМ — URL: <https://books.google.ru/books?id>).

Модель метафорического представления концепта «Удача» как трехмерного вместилища, в котором находится некое содержимое (метафора контейнера, согласно [Лакофф, Джонсон 2004]), как правило, проявляется в предложно-падежных сочетаниях *в удаче* при глаголах с семантикой хранения, нахождения, размещения в чем-л.:

*Также желательно, чтобы с точки зрения смежной с фэншуй науки под названием Бадзы (4 Столпа Судьбы) спортсмен находился **в удаче** и для него были бы полезны элементы воды и дерева* (НКРЯ — Фэншуй: Как привлечь в дом удачу и богатство // Комсомольская правда, 2007.07.23);

Поэтому в удаче сплошь и рядом таится зародыш будущего поражения: достаточно напомнить классический пример Наполеона (НКРЯ — Григорий Коган. Работа пианиста (1963)).

Модель метафорического представления концепта «Удача» как физической природной среды, в которой пребывают объекты, также, как правило, проявляется в предложно-падежных сочетаниях *в удаче* с глаголами бытия или нахождения: *Водолей в мае будет купаться в счастье и удаче. Интуитивное чутье и предвидение многих событий помогут Водолеям в деловой сфере...* (ИМ — URL: https://smolnarod.ru/v_rossii/polosa-udachi-v-mae-nachnyotsya-u-3-znakov-zodiaka/).

Разновидностью этой модели выступает представление об удаче как о некоем наблюдаемом пространстве, при наличии которого и / или при нахождении в котором субъект — носитель удачи — проявляет какие-то свойства. Данная разновидность обычно реализуется в сочетании предложно-падежного употребления *в удаче* с предикативными прилагательными типа *хорош в ч.-л.*:

В егерском деле он педантичен в смысле соблюдения законов до излишества, но небрежен и холоден в удаче (НКРЯ — Ю. М. Нагибин. Дневник (1964));

Это были: очередной египетский Птолемей — тот самый, которому, по словам Клеопатры, арфистки были дороже боевых коней; сирийский Антиох, запоздалый двойник своего прадеда Селевка, прозванный (несколько преждевременно) Великим; и очередной Филипп Македонский, племянник победителя при Селлазии, царь, о котором говорили, что он хорош в беде и невыносим в удаче (НКРЯ — М. Л. Гаспаров. Занимательная Греция (1998)).

Анализ показал, что в речевой практике носителей русского языка имеются разнообразные устойчивые модели дискурсной реализации о вещественного представления концепта «Удача». Это может свидетельствовать о значимости подобного овеществления удачи в языковом сознании русских людей в свете проявления более общей тенденции к овеществленному пред-

ставлению абстракции любого типа в «наивной» модели мира [Апресян 1986, с. 5–7], отраженной в естественном языке.

Концепт «удача» в моделях метафорического одушевления. Одушевленное и даже персонифицированное представление удачи, как и представление овеществленное, также, видимо, восходит к традициям народно-мифологического понимания абстрактных сущностей как злых или добрых духов, влияющих на жизнь человека, вообще как живых существ, что в целом выступает как проявление первобытного **анимизма** — одушевления всего сущего [ФЭС 1983].

Примечательно в этом плане словарное толкование одного из значений слова *удача* (ныне — устаревшего), приводимое в словаре В. И. Даля, где слово *удача* рассматривается как одушевленное, мужского рода (по типу юноша): «**Удача** м. удалой, удалец, удатный, удатливый, храбрый, смелый, доблестный, отважный, притом расторопный, толковый, которому в отваге всегда удача: *Он парень удача. Приезжал удача, добрый молодец, Кириша*» [СД 1999, с. 483]. Но здесь мы имеем дело с моделью метонимического переноса *состояние / свойство* → *носитель состояния / свойства*. В наших примерах интересны именно метафорические переносы, когда удаче приписываются свойства, в норме присущие живому существу — в сочетании данной лексемы с соответствующими глаголами или прилагательными.

Представление об удаче как о живой, активно и целесообразно действующей сущности, одухотворенной силе часто проявляется в контекстах сочетаемости с агентивными глаголами — *преследовать, отворачиваться, приходить / уходить, порождать, сопровождать* и пр.:

С Зубром мне везло, удача преследовала меня (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987));

Впрочем, если удача отвернётся от вас или вам не нужно такое количество текстильных изделий, то ваш Ford Focus всегда ждёт вас в автосалоне «Независимость-Ford» (НКРЯ — Официальные дилеры // «Автопилот», 2002.05.15);

*Все трое были надежными стрелками, каким не стыдно показать свое умение на большом празднике, но сейчас **удача** уходила от них (НКРЯ — Александр Григоренко. Ильгет. Три имени судьбы // Урал, 2013);*

*Новая **удача** начинающего художника породила и новых завистников (уже в среде профессиональных художников), что, в свою очередь, повлекло новую волну сплетен (НКРЯ — Валерий Роньшин. Аркадий Петрович Чесноков-Богданов // «Сибирские огни», 2013];*

***Удача** сопровождала самолет до Гавайских островов, но при подлете к береговой полосе великого материка поспешно удалилась (НКРЯ — Илья Бояшов. Путь Мури (2007));*

*Всячески советую не пропустить завершившиеся в номере мемуары Бориса Фридмана «Мои военные дороги» — судьба у этого девятилетнего человека страшная, но, благодаря его удивительному дару жить, **удача** его не покидала (НКРЯ — Наталья Игрунова. Грустные люди. Журнальное обозрение // «Известия», 2002.03.26).*

*У «Хапоэля», помимо хорошей игры, есть и **удача**, которая всегда тянется к сильным (НКРЯ — Виктор Кордовский. Вокруг спорта // «Вестник США», 2003.07.09).*

*Иногда эффект одушевления усиливается за счет сочетания слова **удача** с глаголами физического действия, в норме выполняемого только живыми существами (людьми, животными): *У везучего и нескладно, да ладно, у него, как говорят, и петух несётся. Рот распахнёт — **удача** туда и прыгнет. Везучесть сопровождала Зубра всегда, и никакие обстоятельства не могли их разлучить (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987)).**

Общее нерасчлененное представление об удаче как об одушевленном, активно и целесообразно действующем существе, одухотворенной силе может в ряде контекстов быть конкретизировано по двум направлениям.

(1) Удача может быть представлена как персонифицированное сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека:

«Нельзя топтать свою удачу, или твоя удача начнет топтать тебя», — пробурчала Танька себе под нос и, пригнувшись к контрабасу, атаковала Кенг-Кинга по дуге (НКРЯ — Дмитрий Емец. Таня Гротгер и колодец Посейдона (2004));

Всякой силе, даже такой, как у него, есть предел, и удача коварна даже с теми, у кого она засиделась, как обнаглевший гость (НКРЯ — Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011)].

В некоторых случаях это может подчеркиваться передачей этого слова с прописной буквы как имени собственного: *Величественная Старая Тётка Удача дождалась своего часа (НКРЯ — Татьяна Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть (2011)).*

(2) Но чаще всего удаче приписываются свойства именно человеческого существа. Это проявляется, прежде всего, в сочетаемости слова *удача* с глагольными или адъективными предикатами, в норме присущими исключительно человеку — *улыбаться, изменять, любить, плевать, благоволить, быть благосклонным* и пр.:

И хотя ему может улыбнуться случайная удача, куда чаще низкокачественному хакеру с завышенными притязаниями не удаётся самореализоваться (НКРЯ — А. Е. Войскунский, О. В. Смыслова. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // «Вопросы психологии», 2003);

Впрочем, иногда удача улыбается нашим теоретикам: подходящее исследование в литературе описано (Сергей Алексеев. Превращения цепей. Премия для молодого ученого-теоретика // «Известия», 2003.02.20);

В Доме кино вашим покорным слугам улыбнулась удача, и мы встретили среди остальной праздношатающей публики нескольких настоящих кинематографистов (НКРЯ — Иван Охлобыстин. Жизнь Вани Охлобыстина // «Столица», 1997.03.04);

Три дня и три ночи оплакивал он своего слона. С тех пор удача изменила ему. Войско его было разбито. Карфаген разрушен, а сам он умер в изгнании в 183 году до новой эры (НКРЯ — Надоело воевать! // «Трамвай», 1990);

Часто везучие суеверно твердят, что везёт тому, кто трудится, что удача любит терпеливых и тому подобное (НКРЯ — Даниил Гранин. Зубр (1987));

*Зашёл в «Белого Носорога», на удачу. **Удача** плевать на меня хотела. Времени до поезда полно, пошёл прощаться с писателем, выпросил автограф (НКРЯ — Слава Сэ. Ева (2010));*

*Вот откуда берется безграмотность растущего поколения. **Удача** благоволит храбрым (НКРЯ — Снежные барсы (форум) (2007));*

На этот раз удача благосклонна к нам: полоса проходит по достаточно обжитым областям страны с хорошо развитой транспортной сетью, и при желании по своей стране можно без особого труда добраться к месту полной фазы (НКРЯ — А. Остапенко. В погоне за тенью // «Наука и жизнь», 2006).

Интересны также атрибутивные контексты, когда слово *удача*, кроме присоединения предикатов, характерных для человека, еще и определяется прилагательными, которые в норме могут характеризовать внешний облик и особенности поведения человеческого существа: *Но бывало и так, что одна лишь **удача**, вульгарная, голая, с крашеными губами, пьяно подмигнув, протягивала ему руку (НКРЯ — Майя Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).*

Анализ показал активность и устойчивость моделей одушевленного метафорического представления удачи в речевой практике носителей русского языка. В разнообразных контекстах употребления удача представлена как одушевленная сущность, одухотворенная сила, как человеческое существо или как сверхъестественное существо. Это свидетельствует о сохранении в русском языковом сознании когнитивных схем языковой концептуализации мира, возникших на ранних этапах культурного развития, в рамках еще дологических, народно-мифологических форм языкового мышления.

В целом мы можем заключить, что для абстрактных понятий типа *удача, счастье, судьба, правда* и пр. когнитивные модели овеществления и одушевления вообще имеют почтенную многовековую традицию не только в

русской, но и в мировой культуре. Ср., например, приводимые в сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля пословицы: *Удача — кляча; садись да скачи; Удача нахрап любит; Удача сама не приходит: ее работа за руку приводит* и др. [ПД 2000, с. 585].

Конкретно-чувственное, овеществленное или одушевленное, в том числе персонифицированное, представление концепта «Удача» в речевой практике носителей русского языка вполне отвечает определенным фундаментальным моделям миропонимания, берущим свое начало в мифологическом анимизме, при котором нейтрализуются базовые культурные оппозиции конкретное / абстрактное, реальное / вымышленное, материальное / идеальное, живое / неживое и под.

На предыдущих этапах анализа, особенно при анализе фразеологических и паремиологических единиц, мы уже имели дело с анализируемыми явлениями метафоризации удачи. Так, например, представление удачи как человеческого существа нашло отражение в метонимическом когнитивном признаке (5) 'тот, у кого все получается, кому все удастся'.

Тем не менее, на наш взгляд, проанализированный материал все же дает основание для выделения:

-новых метафорических когнитивных признаков:

(21) 'мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами';

(22) 'мифологическое вещество с чудесными свойствами';

(23) 'мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами';

-нового метонимического когнитивного признака:

(24) 'сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека'.

По итогам осуществленного в настоящем разделе 2.2 главы II исследования мы можем уточнить и дополнить набор когнитивных признаков концепта «удача» за счет данных, полученных при анализе особенностей его языковой экспликации. Было выявлено 10 новых когнитивных признаков. В

результате совокупное семантическое наполнение концепта выглядит следующим образом:

- (1) благоприятное стечение обстоятельств;
- (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁);
- (3) везение;
- (4) счастье;
- (5) тот, у кого все получается, кому все удается;
- (6) творческая находка;
- (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂);
- (8) реализация благоприятной возможности (*модальн.*);
- (9) что-то хорошее (*общеоценочн.*);
- (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков;
- (11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром;
- (12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека;
- (13) пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания);
- (14) высшая ценность в мире человека (*оценочн.*);
- (15) соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*);
- (16) что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*);
- (17) оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*);
- (18) надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось);
- (19) талант, Божий дар;
- (20) благополучие;

(21) мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами;

(22) мифологическое вещество с чудесными свойствами;

(23) мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами;

(24) сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека.

Совокупный смысловой объем концепта составил в итоге 24 когнитивных признаков.

Далее мы можем смоделировать уточненную и дополненную **семантическую структуру** концепта. Когнитивные признаки (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*)'; (16) 'что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*)'; (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*)', как было доказано ранее, выступают как производные третьей степени производности на базе признака (9) 'что-то хорошее'. Когнитивный признак (18) 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось)' является производным третьей степени на базе КП (3) 'везение'. Когнитивный признак (19) 'талант, Божий дар' есть производный третьей степени на базе КП (10) 'передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков', а когнитивный признак (20) 'благополучие' выступает как производный второй степени на базе КП (4) 'счастье'. Когнитивные признаки (21) 'мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами'; (22) 'мифологическое вещество с чудесными свойствами'; (23) 'мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами' и (24) 'сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека', по нашему мнению, напрямую метафорически мотивированы на базе исходного когнитивного признака (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'.

Ниже для наглядности уточненная и дополненная семантическая структура концепта «удача» представлена графически (см. **Схему 2.3**). Светло-серым цветом в схеме маркированы оценочные когнитивные признаки.

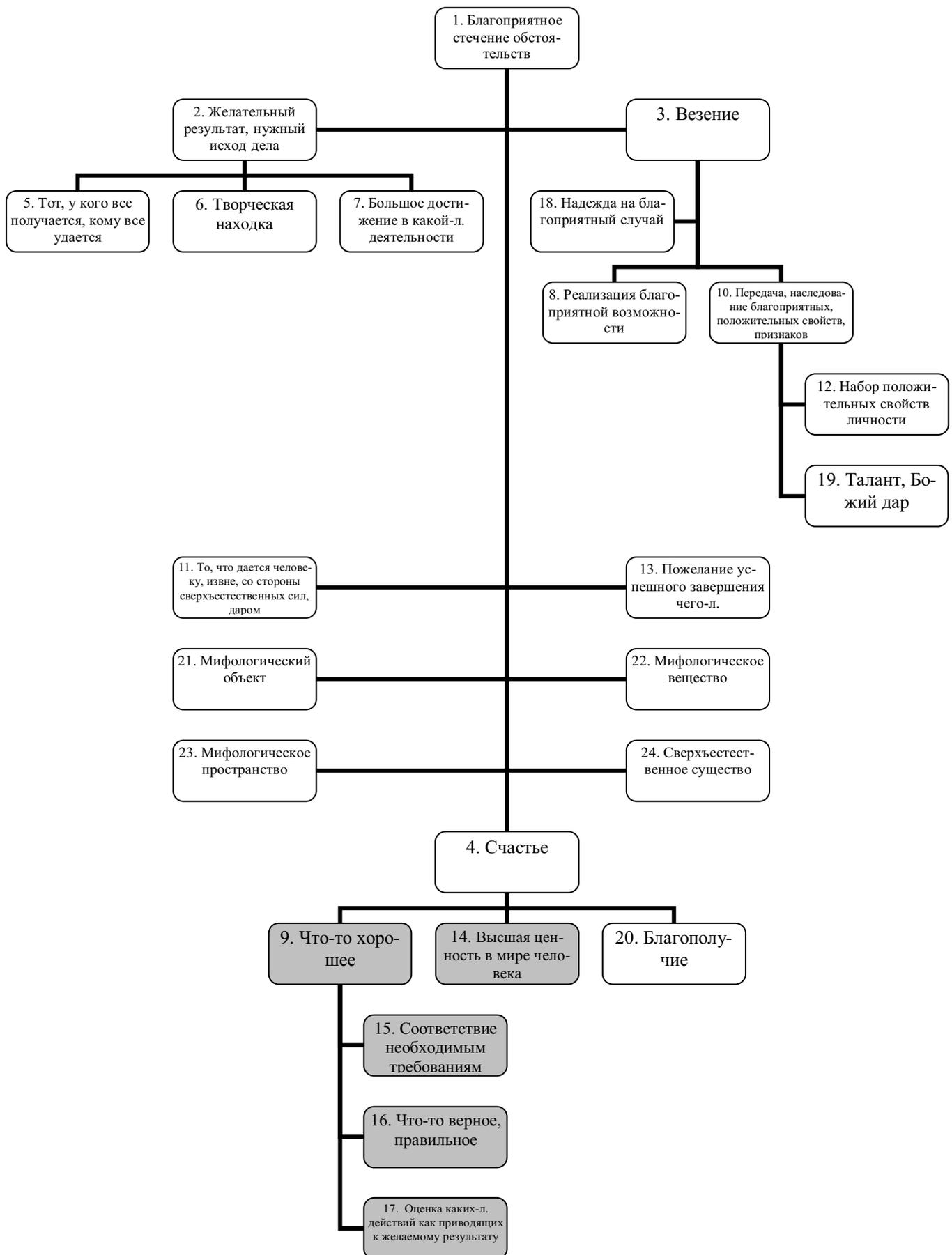

Схема 2.3.

Совокупная дополненная семантическая структура концепта «удача»

Анализ семантической структуры представляется неполным без учета особенностей полевой организации его концептуального содержания. Согласно принятой концепции исследования, вслед за работами З.Д. Поповой и И.А. Стернина, поле концепта представлено ядром, базовым слоем и интерпретационным полем, которое составляет ближняя и дальняя периферия.

Ядро концепта составляют когнитивные признаки, которые представляют две основных концептуальных составляющих в семантическом наполнении концепта (выявленные еще на первоначальной стадии анализа экстралингвистического содержания концепта), причем в наиболее чистом, минимально контекстно обусловленном и семантически не осложненном виде. Это когнитивные признаки (1) 'благоприятное стечение обстоятельств' и КП (4) 'счастье'.

В базовый слой концепта входят когнитивные признаки, семантически производные в первой степени производности (кроме когнитивных признаков (21) — (24), полученных в результате концептуальной метафоризации). Это когнитивные признаки (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'; (3) 'везение; (11) 'то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром' и (13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)'.

К ближней периферии поля относятся когнитивные признаки, производные во второй степени производности (например, (5) 'тот, у кого все получается, кому все удается'; (6) 'творческая находка'; (7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)' и др.).

К дальней периферии — когнитивные признаки, производные в третьей степени производности (например, (12) 'набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека'; (19) 'талант, Божий дар' и др.), к которым прибавляются когнитивные признаки (21) — (24), полученные в результате концептуально-метафорических преобразований по моделям овеществления и одушевления.

Полевая организация концепта «удача» для наглядности также представлена в нашей работе схематически (см. **Схему 2.4**).

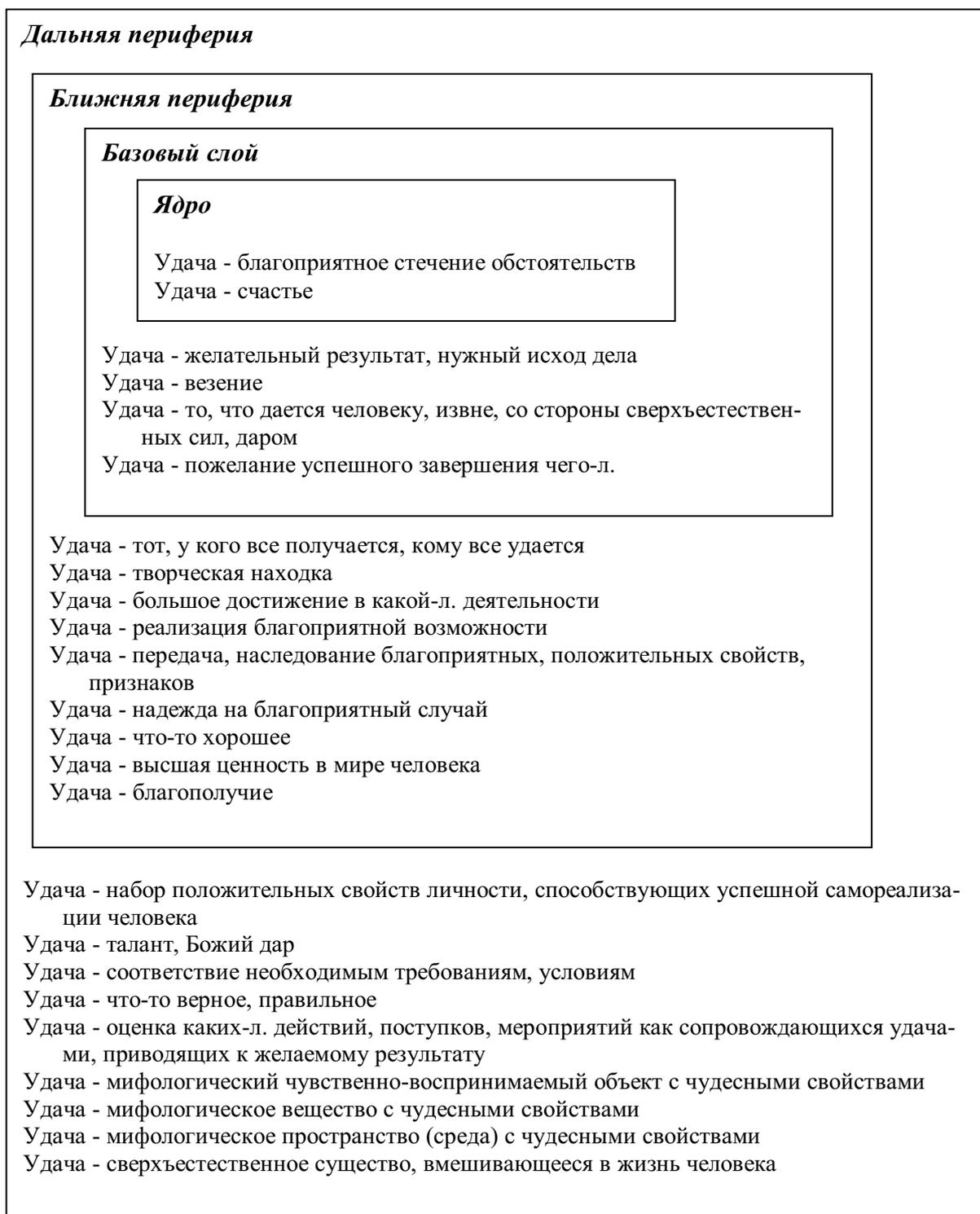

Схема 2.4.

Полевая организация концепта «удача»

Основные выводы по содержанию II главы

В главе осуществлено лингвокогнитивное описание концептуального содержания, смыслового объема и семантической структуры экстралингвистического содержания концепта «удача», а также особенностей его языковой объективации в лексико-семантической системе русского языка.

На начальном этапе комплексного описания концепта «удача» было проведено исследование его экстралингвистического содержания в мифологическом, религиозном, научно-философском освещении. Были определены два смысловых пласта в содержании этого понятия, значимые для русской культуры: (1) удача как везение, как проявление судьбы, рока, фатума (фаталистический аспект удачи); (2) удача как счастье и благополучие (фелицитарный аспект удачи).

На следующем этапе исследования было проанализировано смысловое наполнение концепта «удача» по данным основных русских толковых словарей. Анализ позволил выявить 10 когнитивных признаков, в число которых входят: (1) благоприятное стечение обстоятельств; (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁); (3) везение; (4) счастье; (5) тот, у кого все получается, кому все удается (*устар.*); (6) творческая находка; (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂); (8) реализация благоприятной возможности (*модальн.*); (9) что-то хорошее (*общеоценочн.*); (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков.

Анализ был дополнен освещением этимологических и историко-лингвистических областей концептуального содержания удачи. Была доказана необходимость включать в описание семантического наполнения данного концепта комплекс идей и представлений, связанный с концептом «удаль». На этой основе были сформулированы два новых когнитивных признака концепта «удача»: (11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром; (12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека.

В соответствии с принятой концепцией исследования полнота описания концептуального содержания удачи предполагает его уточнение и дополнение посредством анализа данных фразеологического и паремиологического фонда русского языка. Проведенный анализ фразеологизмов и паремий обнаружил такие новые когнитивные признаки, как (13) пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания) и (14) высшая ценность в мире человека (*оценочн.*).

Дальнейшая стадия комплексного лингвокультурологического описания концепта «удача» включала анализ его языковой объективации, которая заключается в выявлении значимых деривационных, парадигматических и синтагматических связей и отношений между словами — репрезентантами указанного концепта.

Анализ деривационных связей и отношений состоял в описании семантики производных слов, входящих в состав словообразовательного гнезда с вершиной *удаться / удаваться*. В результате анализа деривационных отношений были обнаружены следующие новые когнитивные признаки: (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*)'; (16) 'что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*)'; (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*)'; (18) 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось)'.

Анализ парадигматических связей и отношений заключался в описании языковых и концептуальных синонимических и антонимических отношений между словами — репрезентантами концепта «удача». Были выявлены значимые концептуальные схождения и расхождения между понятиями «удача» и «успех». Показано, что если «успех» ориентирован на выражение ценностей, присущих западным культурам индивидуалистического типа, то «удача», напротив, органично связана с ключевыми идеями именно русской национальной языковой картины мира. Также в результате анализа парадигма-

тических отношений были обнаружены следующие новые когнитивные признаки: (19) 'талант, Божий дар'; (20) 'благополучие'.

Анализ синтагматических связей и отношений заключался в описании стандартной узуальной сочетаемости лексем *удача, удался / удаваться* и *удачный* и контекстов концептуальной метафоризации лексики *удача* по моделям овеществления и одушевления. В результате анализа синтагматических отношений были обнаружены следующие новые когнитивные признаки: (21) 'мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами'; (22) 'мифологическое вещество с чудесными свойствами'; (23) 'мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами'; -нового метонимического когнитивного признака: (24) 'сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека'.

По итогам осуществленных в главе этапов комплексного лингвокогнитивного описания концепта «удача» его совокупный смысловой объем составил 24 когнитивных признака. Также были сформированы и для удобства восприятия представлены в графической форме семантическая структура концепта «удача» и модель его полевой организации.

Заключительный этап анализа, согласно замыслу исследования, заключающийся в верификации полученных данных посредством изучения особенностей дискурсивной актуализации слов — репрезентантов концепта в русской речи и специфики восприятия вербальных рефлексов концепта «удача» в современном русском языковом сознании, будет осуществлен в следующей, III главе работы.

ГЛАВА III. Концепт «удача» в современной русской речи и в языковом сознании носителей современного русского языка

В главе представлен следующий этап комплексного описания концепта «удача». На этом этапе исследования анализируются особенности речевой актуализации слов, репрезентирующих анализируемый концепт. Осуществляется верификация выявленных на предыдущих этапах анализа когнитивных признаков, а также выявляются новые явления в дискурсивном варьировании концепта (раздел 3.1). Далее полученные данные проверяются на их психологическую реальность в языковом сознании носителей языка посредством анализа результатов цепочечного ассоциативного эксперимента (раздел 3.2).

3.1. Языковая репрезентация концепта «удача» в современной русской речи

3.1.1. Дискурсивное варьирование концепта «удача» (по данным Национального корпуса русского языка)

Мы рассмотрим особенности дискурсивной реализации когнитивных признаков концепта «удача» в контекстах употребления слов *удача, удалться / удаваться, удачный / удачно, удачливый / удачливо, наудачу* и пр. по данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и собственного интернет-мониторинга автора (ИМ), которые подтверждают реальность указанных когнитивных признаков в речевой практике носителей русского языка.

(1) Благоприятное стечение обстоятельств:

Здесь милиционеров ждала удача: по наводке местного «старателя», устроившего в казарме цех по копчению рыбы, они «вычислили» ЗИЛ защитного цвета, прижавшийся к забору (НКРЯ — «Добытчики» // «Сельская новь», 2003.10.07);

Ударяют над городом со звоном и радугой голубые ливни, и полыхает надо мной солнце, густое и желтое, как яичный желток, шуршат на сером камне мостовых красно-зеленые одеяния облетающих платанов и лип, и воздух моего счастья прохладен и свеж — ко мне пришла удача, и силу я в себе ощущал неизбывную — я городской врач и профессор Базельского университета, торжественно и официально приглашенный на исполнение высоких функций магистратом (НКРЯ — Аркадий Вайнер, Георгий Вайнер. Лекарство против страха (1987)).

(2) Желательный результат, нужный исход дела (= успех₁):

*Какой выразительной может быть фантазия духовного монстра, когда и он, не чуждый вдохновения, достигает **удачи** в работе (НКРЯ — Анатолий Ким. Белка (1984));*

*После первой **удачи** в кармане зазвенели монеты, и банда начала вооружаться и оснащаться: помимо оружия, закупили около десятка автомобилей, портативные радиостанции, мобильный телефон, видеокамеру и пр. (НКРЯ — Ляна Шарова. Трассовики // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003.01.17).*

(3) Везение:

*Многие, в основном мичманы, остались на прежнем месте, не желая расставаться с обустроенным бытом. Не всем, однако, сопутствовала **удача**. Наш техник БЧ-4 Юра Бродовский, замечательный парень, с которым мы близко сошлись на почве любви к фотографии, перешёл служить на «Комсомолец» и впоследствии вместе с кораблём погиб... (НКРЯ — Владимир Овчинников. Настоящий экипаж // «Родина», 2011);*

*Постепенно я стала автоматически спрашивать про Серого у фигурантов по другим делам. И вдруг мне улыбнулась **удача**. Заканчивая одно из*

дел, находившихся у меня в производстве, я по привычке спросила обвиняемого, старого зэка, севшего за убийство собутыльника, не знает ли он такого Серого (НКРЯ — Е. В. Топильская. Тайны реального следствия. Записки следователя прокуратуры по особо важным делам (2007)).

(4) Счастье:

*Но, несмотря на это, Ника хорошо помнит то ощущение огромного детского счастья, бесстрашного перед начинающейся жизнью, не допускающего ни на миг сомнений **в удаче** (НКРЯ — Инна Халяпина. Райская яблоня // «Волга», 2014);*

*Ты будешь твёрд **в удаче** и в несчастье (НКРЯ — коллективный. Форум: Этнопсихология. Англичане (2009-2010)).*

(5) Тот, у кого все получается, кому все удается:

***Удачливый** бизнесмен и руководитель собственной студии всё же нашёл параллель между 80-ми и сегодняшним временем: «То, что мы с Сережей Минаевым делали на студенческих дискотеках в Алуште, — то же самое мы делаем сегодня для олигархов, только за большие деньги» (НКРЯ — Александр Братерский. Тото да Си Си. Звезды 80-х выступают на фестивале-дискотеке в «Лужниках» // «Известия», 2002.11.24)];*

*Он редчайшее явление советской действительности — **удачник**, и его судьба — пир во время чумы (НКРЯ — Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975-1998)).*

(6) Творческая находка:

*Настоящая творческая **удача** популярного московского ландшафтного дизайнера Леры Федосовой — экзотические цветники в стиле модерн (НКРЯ — Цветники в стиле модерн. Сто лет спустя // «Ландшафтный дизайн», 2003.09.15);*

*Вот здесь и сосредоточена главная **удача** романа (НКРЯ — Виктор Ерофеев. Герой-предатель // «Огонек», 2014).*

(7) Большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂):

*И вот тогда, ангел мой, хранитель, покровитель целой стаи белых голубок, выпущенных моею рукой, — тогда пошли **удачи** в торгах на том далеком аукционе эксперту какого-нибудь достойного музея (НКРЯ — Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009));*

*Конечно, понимаю, это большая актерская **удача**: Бикчентаев дал мне роль Ромео, когда мне было 23 года (НКРЯ — Айсылу Кадырова. Ильдус Габдрахманов: У нас в труппе такие уникальные «старики», что мне до них... // «Вечерняя Казань», 2003.01.05).*

(8) Реализация благоприятной возможности (модальн.):

*Из раза в раз не перестаёшь восхищаться игрой актёров, которым **удалось** передать какую-то очень настоящую трогательность (НКРЯ — коллективный. Форум: рецензии на фильм «Службный роман» (2006-2010));*

*С помощью современных методов межконтинентальной радиоинтерферометрии в миллиметровом диапазоне **удалось** изучить процесс формирования джета во внутренних частях ядра галактики M 87 и получить прямое ограничение на радиус сверхмассивной чёрной дыры — менее (30-100) r (НКРЯ — А. М. Черепашук. Поиски чёрных дыр // «Вестник РАН», 2004).*

(9) Что-то хорошее (общеоценочн.):

*— Мы только что вспоминали о вас. **Какая удача!** — Голос Марии звучал так пылко, так призывно, и она улыбалась ему так искренне и нежно, как будто они были близкими друзьями и встретились наконец после долгой разлуки (НКРЯ — Вацлав Михальский. Одинокому везде пустыня (2003));*

*Понравившиеся места повторяли по несколько раз. Свадьба **удалась** на славу. Зато председатель колхоза рассердился и на следующий день не дал киношникам лошадей (НКРЯ — Фазиль Искандер. Первое дело (1956)).*

(10) Передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков:

*— А я, — Аганька усмехнулась, пообнажив вставные зубы из золота, — **удалась в маму** (НКРЯ — Виктор Астафьев. Последний поклон (1968-1991));*

— *Это я такой удался в бабушку-испанку* (НКРЯ — Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)).

(11) То, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром:

С тех пор у нас так и повелось: чуть что нам покажется приятно-непостижимым, удавшись вопреки логике, мы сваливаем удачу на предопределение свыше и разные чудеса (НКРЯ — Вячеслав Пьецух. Уроки родной истории (Пособие для юношества, агностиков и вообще) // «Октябрь», 2003);

*И ощутил как бы крохотный толчок в сердце: не этот ли пришелец, стоящий в неловком ожидании, и есть то событие, которое непременно должно нынче случиться, то самое, поданное свыше, знамение **удачи**?* (НКРЯ — Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)).

(12) Набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека:

*Тем более что иностранцы, путешествующие индивидуально, а не группой, как правило, ведут себя с чисто русской **удалью*** (НКРЯ — Дуня Смирнова. Октябрьская железная дорога // «Столица», 1997.05.13);

*Ты чего дарованное-то Господом под ноги бросаешь, грязной обувью топчешь? **Удаль** свою хочешь доказать, забубенность? Так ты уже их с лихвой доказал...* (НКРЯ — Виктор Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000).

(13) Пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания):

*Если на магнитную антенну ничего не удастся принять — подсоедините к верхнему по схеме выводу катушки L1 антенну — отрезок любого провода длиной 2... 3 м. **Удачи в экспериментах!*** (НКРЯ — В. Поляков. Заочная школа радиоэлектроники. Суперпростой и сверхэкономичный радиоприемник // Юный техник, 2013);

Иногда так хочется «окунуться» в детство) Ну и, конечно, желаю удачи в игре со Спартой) Красно-синий самый сильный! (НКРЯ — коллективный. Форум: Поход в цирк (2010))].

(14) Высшая ценность в мире человека (оценочн.).

Самое главное — это удача. // Все в этом слове простом. // В доме достаток, машина и дача, // Солнечный день за окном. // В нем и здоровье, и крепкая дружба, // И на работе успех (ИМ — URL: <https://pozdrav.org/samoe-glavnoe-eto-udacha>);

Уинстон Черчилль: «Не желайте здоровья и богатства, а желайте удачи, ибо на Титанике все были богаты и здоровы, а удачливыми оказались единицы!» (ИМ — URL: <https://ru.citaty.net/tsitaty/617313-uinston-cherchill-ne-zhelaite-zdorovia-i-bogatstva-a-zhelaite-udachi/>).

(15) Соответствие необходимым требованиям, условиям (норм.-оценочн.):

Штат Юта — самое удачное место для таких исследований: здесь много последователей так называемой церкви святых последнего дня (мормонов), религиозная доктрина которой призывает верующих в любой момент быть готовыми к концу света (НКРЯ — обобщенный. Кунсткамера // «Наука и жизнь», 2008);

И оппоненты постараются использовать удачный момент для атаки (НКРЯ — Андрей Митьков. «Мы все знали и без этой записки». Год назад спортивные чиновники знали, что у наших спортсменов будут искать допинг // «Известия», 2003.02.07);

(16) Что-то верное, правильное (норм.-оценочн.):

Более удачное решение предусматривает расположение ВЧ-динамика на передней панели, но самое удачное — когда туда же переносят и НЧ / СЧ (НКРЯ — В. Меркулов. Автомобилею — хороший звук (электроакустика в автомобиле) // «Наука и жизнь», 2007);

Но и всерьез: праздновать 4 ноября кажется мне очень удачной идеей (НКРЯ — Александр Привалов. О национальной гигиене // «Эксперт», 2004.12.06).

(17) Оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (модально-оценочн.):

— Какие молодцы... — хвалила и хвалила она. — Как удачно съездили. На морозе с ним ничего не сделается (НКРЯ — Борис Екимов. Проснется день... (1997);

Одним из условий удачной покупки является аутотренинг непосредственно перед покупкой (даже если ее уже так хочется «предвкушать»): «...мне все равно, когда я куплю эту вещь: сейчас, через пару дней или через пол года; мне спешить некуда; товар никуда не убежит, а станет только лучше и дешевле (в отличие от денег:)...» (НКРЯ — Письмо отца к дочери (2004)).

(18) Надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось):

Как-то совершенно случайно я узнала про один образовательный центр, где можно очень быстро, а главное, хорошо изучить английский. Наудачу пошла. Это было, Наташка, два года назад, но всё по порядку (НКРЯ — Невеста // «Туризм и образование», 2000.06.15);

Иногда он встречал, следуя за извивами языка, слога и смысла, выражение, которого не понимал, но разгадывал наудачу и замечал, что смошенничал, но не приготовишь омлет из неразбитых яиц, пасьянс же должен сойтись (НКРЯ — А. Н. Мурашов. Исполнитель // «Волга», 2015).

(19) Талант, Божий дар:

О праве на неудачу разглагольствуют дилетанты, почерк мастера, манера таланта — это всегда удача (НКРЯ — Сергей Есин. Имитатор (1985));

Удача, на мой взгляд, это изначальный набор наших талантов и житейских качеств... (ИМ — URL: <http://nightout.ru/statia/2017-02-19/udacha-na-moy-vzglyad-eto-iznachalnyiy-nabor-nashih-talantov-i-jiteyskih-kachestv>).

(20) Благополучие:

*Но этот инцидент почему-то казался мне добрым предзнаменованием, знаком того, что у меня впереди всё будет складываться счастливо — словно заканчивался период неопределённости и неблагоприятных обстоятельств и начинался период **удачной** работы, светлых перспектив* (НКРЯ — И. К. Архипова. Музыка жизни (1996));

*С таким выводом житейской народной наблюдательности может не согласиться только тот, кому была предначертана **удачная** семейная жизнь. Уж очень хочется отнести удачно складывающиеся семейные отношения к результатам собственного ума и собственных усилий* (ИМ — URL: <https://raskinmozgami.ru/2014/06/semeynaja-zhizn-neizbezhnost.html>).

(21) Мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами:

*Как мы видим, во многом в наших руках — увеличить вероятность наткнуться **на удачу*** (ИМ — URL: <https://medium.com/@suleimenov/4-вида-везения-abe2bf1ee095>);

*Коллекционируй **удачи**. Кто сказал, что талисман может быть только один?* (ИМ — URL: <https://www.s7.ru/ru/blog/your-talisman/>).

(22) Мифологическое вещество с чудесными свойствами:

*Большая порция **удачи** и выигрышей ждет вас в азартные игры на деньги* (ИМ — URL: <http://archvs.org/archvs/casino-dengi-com-azartnye-igry.html>);

Удача излилась на тех провидцев, которые вовремя поняли, насколько сильно был недооценен самоцвет и сделали соответствующие вложения (ИМ — URL: <https://lumerie.ru/articles/iskusstvo-cveta-shpinelnaya-lihoradka-tanzanii-i-mozambika>).

(23) Мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами:

Водолей в мае будет купаться в счастье и удаче (ИМ — URL: https://smolnarod.ru/v_rossii/polosa-udachi-v-mae-nachnyotsya-u-3-znakov-zodiaka/);

*Игоря Астахова тоже подхватило этим вихрем, он кружился вместе со своими неверными друзьями **по удаче**, но природное легкомыслие не позволяло ему занять определенные позиции* (НКРЯ — И. Меттер. Пятый угол (1967)).

(24) Сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека:

*Иным и не может быть бог **удачи** в стране, где жители заядлые рыболовы* (НКРЯ — В. В. Овчинников. Размышления странника (2012));

*Мы добились дополнительной посадки его в Кабуле и на **крыльях удачи** убыли домой* (НКРЯ — В. И. Аблазов. Дневник (1980)).

Таким образом, анализ рефлексов текстовой актуализации слов — репрезентантов концепта «удача» в целом подтвердил реальность выявленных на предыдущем этапе исследования когнитивных признаков концепта. Далее мы рассмотрим новые явления в функционировании слов, воплощающих концепт «удача», в современной русской речи.

3.1.2. Новые явления в языковой объективации концепта «удача» в современной русской речи

В соответствии с принятой концепцией исследования, в данном подразделе рассматриваются лексико-семантические и словообразовательные преобразования слова *удача* как базового репрезентанта одноименного концепта в современной русской речи. Анализ проводится по данным Национального корпуса русского языка и собственного интернет-мониторинга автора.

Новые явления на лексико-семантическом уровне. Данные явления свидетельствуют, что концепт «удача» сегодня только увеличивает свою представленность в современной русской речи, демонстрируя расширение своей сочетаемости и обогащение смыслового объема, а также развитие коннотативно-оценочного потенциала. В качестве примера в работе были выбраны два наиболее репрезентативных, на наш взгляд, типов контекстов сочетаемости для лексемы *удача*: (1) атрибутивная сочетаемость; (2) генитивная сочетаемость.

(1) Контексты атрибутивной сочетаемости слова *удача* по модели «прил. + сущ.» примечательны тем, что в них отражается существенное расширение области приложимости для слова *удача*. Новая сфера приложимости задается за счет семантики относительных прилагательных, которые характеризуют существительное *удача*.

Так, удача может быть приписана значимым социальным, политическим, юридическим, военным, финансовым, коммерческим, экономическим и др. областям нашей жизни:

В чем его такая замечательная особенность, в чем его, так сказать, политическая удача? (НКРЯ — Валерий Лебедев. Долги наши тяжкие // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16);

Второй главной законотворческой удачей можно считать подписание закона об электронно-цифровой подписи, что должно хоть как-то помочь российскому интернет-бизнесу, находящемуся в полубморочном состоянии (НКРЯ — Александр Латкин. Контакт пока есть. Почта, информатизация и электросвязь сольются в одно // «Известия», 2001.12.27);

Теперь мы оба во власти воинской удачи, а удача — игра богов (НКРЯ — Александр Григоренко. Мэбэт // «Новый мир», 2011);

Зато сделка, заключенная в среду вечером или в четверг до 12.00, в будущем обещает обернуться финансовой удачей (НКРЯ — Гороскоп // «Столица», 1997.03.04).

Контексты подобного рода актуализуют представления о фрейме удачи с позиции переосмысления состава его участников в качестве свойств, признаков, атрибутов удачи. В ряде случаев в употреблении прилагательного отражается концептуальная схема 'носитель удачи': *воинская удача = удача воинов*, в ряде случаев отражается концептуальная схема 'объект / область приложения удачи': *политическая удача = удача в политике; финансовая удача = удача в финансовых предприятиях*.

Особенность именно атрибутивной модели состоит в том, что во многих случаях в контексте нейтрализуется представление о субъекте и / или об объекте удачи: законотворческая удача может интерпретироваться и как 'удача в законотворческой деятельности', и как 'удача субъектов законотворческой деятельности, т.е. законотворцев'.

Широко представлена в нашем материале историческая или географическая сфера приложения удачи:

Плюс двойная громадная географическая удача — восточноевропейские пространства изолировали Запад от степных кочевников и аграрных империй Востока, а по ту сторону Атлантики обнаружили целых два природно богатых и, в сущности, беззащитных континента (НКРЯ — Георгий Дерлугьян. Чисто империалистическое самоубийство // «Эксперт», 2014);

В чем, как ни странно, была историческая удача либерального капитализма, сохранявшегося к началу 1940-х годов лишь в островной Британии и Америке (НКРЯ — Георгий Дерлугьян. Чисто империалистическое самоубийство // «Эксперт», 2014).

В данных контекстах атрибутивные сочетания представляют собой результат стяжения: *географическая удача ← удачное географическое расположение*. При этом опорное слово в исходном и получившемся словосочетании меняются местами (прилагательное *удачное* было зависимым словом, но в получившемся словосочетании оно преобразуется в существительное *удача* уже в роли главного, подчиняющего опорного слова). Перед нами — не просто стандартная модель перехода от атрибутивного адъективного словосоче-

тания к атрибутивному генитивному типа *деревянная шкатулка* → *шкатулка из дерева*, но именно существенная перестройка исходной структурно-семантической схемы с изменением смысловых отношений и направления зависимости между компонентами словосочетания.

Удача также может быть приложена к отдельным, частным сферам социальной и / или профессиональной деятельности — градостроительная, полиграфическая и пр. удача:

*Похоже, что восстановление Храма Христа Спасителя против всяких ожиданий может стать **градостроительной удачей*** (НКРЯ — Дмитрий Швидковский. Московское строительство // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.20);

*Эти книги не только художественная, но и **полиграфическая удача*** (НКРЯ — Николай Дмитриев. Два вектора писателя и штурмана // «Транспорт России», 2002.05.20).

В данных контекстах в относительных прилагательных, атрибутирующих лексему *удача*, также нейтрализуется семантика отношения к носителю удачи и семантика отношения к области приложения или объекту удачи: *градостроительная удача* — это и удача градостроителей, и удача в градостроительстве.

В ряде контекстов атрибутивная сочетаемость лексемы *удача* отражает приметы быта, реалии обыденной жизни:

*С угодливой, суетливой радостью, словно навёрстывая упущенное, стремится стать, кажется, всеми без разбора безличными и безликими людьми и со страстью давно сдерживаемого нетерпения, со страстью, очевидно отторгнутой у прежних исчезновений, бурно увлекается мелочным устройством быта <...>, проблемами дачи, приятностями рыбалки и **грибной удачи** — словом, всем тем, в чём разуму можно отсутствовать почти целиком* (НКРЯ — Валерий Володин. Повесть о настоящем человеке // «Волга», 2000);

*Она перешла на работу в другое издательство, тихое такое и никому не нужное, это была ее большая плата за **квартирную удачу** (НКРЯ — Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)).*

В последних случаях атрибутивная модель обладает семантической емкостью, потому что одним словосочетанием охватывает целый фрейм, в норме требующий пространного описания, например, *грибная удача* = *удачный поход за грибами*, т.е. 'удача субъекта в ситуации похода за грибами'; *квартирная удача* = *удачное приобретение / получение квартиры*, т.е. 'удача субъекта в приобретении / получении выгодно расположенной и / или удобной квартиры'.

(2) Контексты генитивной сочетаемости слова *удача* по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.» часто представляют результаты стандартного синтаксического преобразования глагольного сочетания или даже придаточной конструкции в сочетание с отглагольным существительным:

*Я не очень верю в **удачу воскрешения** первых мгновенных строк, свежести и трепета самых тонких чувств, и мне жаль покойного товарища, конечно же страдавшего в часы реставрации своего сочинения (НКРЯ — В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 1-2 (1983));*

*Несмотря на то, что множество великодушных умов занимались ее поисками, **удача открытия** теории пришла более чем через тридцать лет (НКРЯ — А. И. Китайгородский. О создании новых веществ и материалов будущего (1974)).*

Более интересны в плане нашего исследования контексты, реализующие модели концептуальной метафоры концепта «удача» [Чернейко 1997; Лакофф, Джонсон 2004], в которых происходит метафорическое одушевление субъекта — носителя удачи. В контекстах генитивной сочетаемости носителем удачи может быть абстрактное или собирательное понятие — например, природа, искусство, религия, война и пр.:

Допуская, что прекрасное возможно в природе, ой определяет его как удачу природы, называя ее «искусством природы» (НКРЯ — Е. Т. Яковлев. Эстетика (1999));

Так, прекрасное он определяет как очевидную удачу искусства в обстановке спокойствия, гармонии, величия, верных пропорций и меры, счастья и любви (НКРЯ — Е. Т. Яковлев. Эстетика (1999));

Удача христианства — социализм, и не шведский, а русский (НКРЯ — Борис Парамонов. Трава родины, или Сталь и шлак // «Октябрь», 2003);

В те годы удача рифм и удача боев тесно сплетались (НКРЯ — В. Г. Шершеневич. Великолепный очевидец (1934-1936)).

Примечательно, что, как и в проанализированных выше случаях атрибутивной сочетаемости, в моделях генитивной сочетаемости в контексте может быть реализовано и субъектное, и объектное значения родительного падежа для слова *удача*, например, *удача рифм* = *удачные рифмы*, а *удача боев* = *удача в боях*.

При этом в ряде контекстов субъектное и объектное значения могут не разграничиваться, нейтрализоваться. Это происходит, когда в подчиненной генитивной позиции стоит неодушевленное конкретно-считаемое существительное — например, *город: В этом была удача, сходная с удачей городов древности* (НКРЯ — Олег Куваев. Территория (1970-1975)). — Здесь не вполне ясно, то ли имеется в виду удача самих городов как носителей удачи в какой-то сфере, то ли имеется в виду удача жителей городов древности в том, что им повезло в них жить.

В заключение отметим, что в контекстах атрибутивной и генитивной сочетаемости лексемы *удача* акцентируются и уточняются такие выявленные ранее когнитивные признаки соответствующего концепта, как субъектный признак (5) 'тот, у кого все получается, кому все удастся', оценочные признаки (14) 'высшая ценность в мире человека' и (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату'.

В целом проанализированный материал обнаруживает большую семантическую активность слова *удача* в речевой практике носителей русского языка, его продуктивность и распространенность в разных типах дискурса в разные хронологические периоды, его богатую сочетаемость и существенный оценочный потенциал. Это, на наш взгляд, является еще одним репрезентативным свидетельством значимости представления об удаче в русской языковой картине мира, значительной культурной разработанности этого концепта в русском мире.

Новые явления на словообразовательном уровне. Особенности языковой экспликации когнитивных признаков концепта «удача» в явлениях окказионального словообразования рассматриваются на примерах образования и функционирования приставочных, суффиксальных и сложных неогериватов [Земская 1992; Улуханов 2015 и др.] на базе исходной лексемы *удача* в современной русской речи.

В целом выявленные нами неогериваты на базе лексемы *удача* в эмоционально-экспрессивной и оценочно-окрашенной форме акцентируют и обыгрывают базовые когнитивные признаки соответствующего концепта, выявленные нами на предыдущих этапах анализа. Это прежде всего такие признаки, как (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'; (2) 'желательный результат, нужный исход дела' (3) 'везение'; (4) 'счастье'. Специфика выражения данных когнитивных признаков неогериватами связана с отражением специфической позиции говорящего — ироническое остранение или снижение представления о чьей-либо удаче, шутка, негативно-оценочная реакция на незаслуженную удачу или на удачу в недостойном деле с недостойными целями и пр.

В нашем материале представлены префиксальные или префиксоидальные [Лопатин 1997: 42–44] суффиксальные и сложные неогериваты, Рассмотрим подробнее каждую из групп. Первая группа префиксальных неогериватов на базе *удача* связана с использованием в моделях окказионального словообразования размерно-оценочных суффиксов, которые в игровой или

иронической форме подчеркивают чрезмерность удачи, подчас необъяснимую или незаслуженную. Это могут быть исконно-русские префиксы СВЕРХ- *Я слышал достоверные истории о подобных **сверхудачах*** (НКРЯ — Юрий Осипов. Империя страсти // «Вечерняя Москва», 2002.12.09), — но чаще всего — заимствованные префиксы типа СУПЕР-, ГИПЕР-, МЕГА-:

Суперудача! Нашёл могилу прапрадеда! Бучнев Михаил Егорович (ок. 1835 — 1.06.1910) (ИМ — URL: <https://forum.vgd.ru/post/42/31928/p712624.htm>).

Гиперудача «Зенита»: Кокорин и Лунев спасли Питер в Лиге Европы (ИМ — URL: <http://www.footballtop.ru/news/>);

Мегаудача в наномире (ИМ — URL: <https://kaliningrad.bezformata.com/>).

Размерно-оценочные показатели, указывающие, напротив, на малое, недостаточное «количество» удачи, как правило, либо иронически снижают представление об удаче как незаслуженной удаче, либо дискредитируют или дезавуируют представление об удаче субъекта, которые говорящий не разделяет. Это, например, неогериваты с префиксом НЕДО-: *У обоих супруг — ровно дышащий соратник, брат по удаче, неудаче, **недоудаче*** (НКРЯ — Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008).

Также частотны в собранном материале неогериваты с префиксоидом ПОЛУ-:

*Или **полуудача**, какой становятся большинство переводов, передающих букву оригинала, но начисто утрачивающих его дух* (НКРЯ — Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012));

*После «Весны» (1947) все остальные его киноначинания заканчивались либо **полуудачами** («Встреча на Эльбе»), либо срывами, самым катастрофическим из которых стал фильм «Скворец и лира»* (НКРЯ — Юрий Богомолов. И дольше жизни длится век. «Секреты семьи Любови Орловой» // «Известия», 2003.01.21);

*Работа над языком и первые удачи — все это было как бы в порядке вещей. Хуже всего были **полуудачи**. Ими я начал постепенно считать, как*

сказано выше, почти все свои первые рассказы (НКРЯ — К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Книга скитаний (1963)).

Вторая группа префиксальных словообразовательных окказионализмов на базе слова *удача* выражает такое значимое для русского мира ценностей представление, как неприятие ненастоящих, ложных, фальшивых ценностей. В их число может попадать и *удача*, в ситуациях, когда говорящий по тем или иным причинам в образно-экспрессивной форме указывает на ее ненастоящий характер. Примечательно, что негативно-оценочная характеристика ситуации как мнимой удачи в неударении выражается в словообразовательных моделях с иноязычными по происхождению префиксами КВАЗИ- или ПСЕВДО-, входящими в фонд интернациональных словообразовательных средств:

*Еще чаще судьба подсовывала игрокам **квазиудачу**: моя дорогая ма-тушка, например, приносила домой сомнительные трофеи вроде шести-томника Сергея Михалкова или четырехтомника Алима Кешокова, которых выкупала уже из принципа: зря, что ли, мерзла?* (ИМ — URL: <https://polit.ru/article/2005/12/13/guttenberg/>).

Псевдо-удача. Джувия Шарж. Глава 1. Я живу одна в огромном доме. И он стоит в лесу на светлой поляне, которая усеяна разными видами растений (ИМ — URL: <https://proza.ru/2017/01/08/1670>).

Суффиксальные неударения в собранном материале немногочисленны. Наибольший интерес среди них представляют окказиональные образования с диминутивами — уменьшительными суффиксами, которые реально выражают широкий спектр отрицательных эмоций или оценок — уничижение, пренебрежение, презрение и под.: *Блатная фортуна улыбнулась побитому ею, два мелких дела успешно сошли с Санькиных рук; в ту же неделю она подкинула несколько крохотных **удачек** и прочей шпане* (НКРЯ — Л. М. Леонов. Вор. Часть 3 (1927-1959)).

Однако имеются и примеры с уменьшительно-ласкательным суффиксом, выражающим позитивно-оценочное отношение к ситуации, в норме обо-

значаемой словом *удача*, что отражает такую значимую черту русского мира ценностей, как *эмпатия* [Вежбицкая 1997; Радбиль, Рацибурская 2017]: *Супер!!)) Поздравляю, удаченька пришла) Может и мне по философии экзистенциализм выпадет, хотя теорию я знаю существенно хуже вашего)))* (ИМ — URL: <https://www.diary.ru/>).

Группа неударов, образованных по модели сложения, отражают несколько иные семантические закономерности. Речь идет о неологических образованиях с усеченным первым компонентом заимствованного характера, регулярно повторяющимся в ряде слов — типа АВТО-, ФОТО-, КИНО-, ТЕЛЕ- и пр.. В этих случаях первый компонент используется для смыслового сжатия и в сжатой и емкой образной форме указывает на сферу, в которой, по мнению говорящего, и проявляется удача:

Фотоудача на «Фотофоруме 2011» — Комсомольская правда (ИМ — URL: <https://www.nnov.kp.ru/daily/25669.4/829614/>);

Киноудачи XXI века. Первое десятилетие миллениума подошло к концу — можно смело подводить итоги и выбирать лучшие фильмы декады (ИМ — URL: https://russia.tv/article/show/article_id/5388).

Эмоционально-экспрессивный потенциал этой емкой словообразовательной модели часто используется в нейминге для создания собственных имен — названий фирм, магазинов, печатных изданий и пр. в целях реализации аттрактивной функции (привлечение внимания): *После посещения магазина автозапчастей «Автоудача» напишите отзыв — так вы поможете другим автовладельцам выбрать качественное место* (ИМ — URL: <http://other.avtotochki.ru/poi/view/>).

Согласно принятой концепции исследования, данным, полученным в результате структурно-семантического анализа неударов, необходимо дать лингвокультурологическую интерпретацию в духе выражения ими ключевых идей русской языковой картины мира [Зализняк и др. 2005]. В целом проанализированный материал свидетельствует о том, что концепт «удача» в русской языковой картине мира обладает значительным ценностным потен-

циалом, причем в национальной концептосфере активно присутствуют как позитивно-оценочные, так и негативно-оценочные реакции говорящих по-русски на феномен удачи.

Примечательно, что в ряде ситуаций наблюдается такая типичная для русского мира ценностей черта, как эмпатия — личностная вовлеченность говорящего в номинацию неодушевленных вещей и событий, переживания личной сопричастности им (*удаченька*). Однако, как и в древние времена, в речевой практике современных носителей русского языка по-прежнему негативно оценивается удача как итог незначительного или недостойного дела, а также мнимая, фальшивая, ложная удача. В режиме самоиронии обыгрывается в русском мире чрезмерность или, напротив, «малость», «ничтожность» удачи. Но в любом случае удача переживается как один из важнейших феноменов человеческого существования.

3.2. Концепт «удача» по данным свободного ненаправленного цепочечного эксперимента

3.2.1. Описание технологии проведения психолингвистического ассоциативного цепочечного эксперимента

В соответствии с концепцией исследования, итоговый этап предпринятого комплексного описания концепта «удача» заключается в уточнении и верификации полученных ранее результатов посредством проведения психолингвистического ассоциативного эксперимента.

Цель эксперимента — определить, какие смыслы, формирующие в современном русском языковом сознании представления об удаче и успехе, являются в нем наиболее активными, а также выявить возможные схождения и

расхождения в рецепции удачи и успеха в концептосфере носителей русского языка новейшего периода.

Теоретические и методологические основы производства психолингвистического ненаправленного ассоциативного цепочечного эксперимента обсуждались выше, в теоретической главе I настоящего исследования. Конкретная методика проведения эксперимента основана на процедуре экспериментальных исследований, разработанной в Нижегородской концептологической школе [Методические указания 2002; Ручина, Горшкова 2003; Ручина, Горшкова 2011; Русский язык 2014] на научной базе, предложенной в работах З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2002 и 2007].

В эксперименте используется метод свободной ассоциации, согласно которому в ходе исследования выявляются типовые ассоциативные связи: полученные от респондентов индивидуальные реакции на слова-стимулы суммируются и обобщаются по сходным смысловым параметрам. «Каждый признак может быть ранжирован по яркости в структуре концепта, можно выделить ядерные и периферийные когнитивные признаки, а также сравнить результаты ассоциативных экспериментов на один и тот же стимул в разных группах испытуемых, относящихся к разным социальным, гендерным, возрастным группам» [Попова, Стернин 2007: 140-142]. На этой основе верифицируются выявленные ранее когнитивные признаки концепта.

В нашем эксперименте определяются ассоциативные поля концептов «удача» и «успех» в плане их пересечения и частичного наложения. Непосредственно процедура экспериментального исследования заключается в следующих последовательных операциях. Сначала фиксируются наиболее актуальные в языковом сознании испытуемых ассоциаты, которые выступают как цепочка реакций на слова-стимулы *удача* и *успех*. Затем устанавливаются иерархические («вертикальные») и парадигматические («горизонтальные») отношения между ассоциатами. В результате определяются концептуальные слои (ядро, базовый слой, ближняя и дальняя периферия), в своей совокупности формирующие данное поле.

Ассоциативное поле формируется следующим образом. На стадии обработки результатов эксперимента проводится анализ частотности полученных ассоциатов. Наиболее частотные ассоциаты, обладающие максимальной степенью смысловой близости, суммируются и группируются в один кластер. Они составляют ядро поля и образуют интегральные когнитивные признаки. Эти признаки, как правило, обозначаются самим словом — непосредственным ассоциатом. По степени убывания частоты аналогичным образом группируются когнитивные признаки, формирующие базовый слой и интерпретационное поле (включающие ближнюю и дальнюю периферию). Выборка статистических данных по вербальным реакциям на слова-стимулы как промежуточный результат исследования представляется графически, в виде схем и диаграмм, и / или в табличной форме.

Все ассоциаты рассматриваются в качестве психологически реальных репрезентантов когнитивных признаков: таким образом мы можем установить корреляцию между когнитивными признаками, полученными в ходе эксперимента, и когнитивными признаками, выявленными на предыдущих стадиях анализа, иными методами. В результате последующей качественной интерпретации количественных данных выявляются когнитивные признаки, наиболее релевантные именно для языкового сознания, т.е. отражающие психологическую реальность бытования концепта.

В ходе эксперимента было опрошено 104 респондента. В состав испытуемых входили мужчины и женщины разных возрастных групп (18 — 70 лет), разной социальной и профессиональной принадлежности (студенты, инженеры, бизнесмены, преподаватели вуза и школы, врачи и т.д.). Родной язык респондентов — русский. Испытуемым были предложены анкеты. Надо было дать цепочку ассоциатов — словесных реакций отдельно на слово *удача* и отдельно на слово *успех*. Эксперимент основан на обсчете множественных свободных ассоциаций — до 5. Необходимо было давать именно пять первых, пришедших в голову слов любой части речи или выражений, не рефлектируя и не задумываясь. По характеру вербальной представленности ас-

социаты можно охарактеризовать как **парадигматические**: синонимы, антонимы, гипонимы, гиперонимы и пр. **синтагматические**: признаковые лексемы — прилагательные, наречия, существительные в роли определений и пр., **перифрастические**: словосочетания, в том числе дефиниции, **прагматические**: прецедентные феномены, собственные имена и под.

На стадии обработки результатов эксперимента учтены все вербальные реакции, в том числе единичные. Отбрасывались явно ошибочные ассоциаты и неразборчивые написания. Также учтено 4 зафиксированных отказа. Неравномерное количественное распределение ассоциатов в ответах вызвано тем, что не все испытуемые реализовали полный объем в 5 ассоциатов — в анкетах ряда респондентов было указано меньше 5 ассоциатов (4, 3, 2).

3.2.2. Количественная обработка и качественная интерпретация результатов ассоциативного цепочечного эксперимента на слово-стимулы *удача* и *успех*

На этапе статистической обработки результатов эксперимента были произведены расчеты абсолютной частоты встречаемости вербальных реакций, соответственно, на слово-стимул *удача* и слово-стимул *успех*.

На основе полученных данных моделируется структура ассоциативного поля: **ядро** поля, включающее более 20% ассоциатов; **базовый слой**: 10%–20% ассоциатов; **ближняя периферия**: менее 10% ассоциатов; **дальняя периферия** (индивидуальные ассоциаты).

Полученные результаты для удобства восприятия были представлены в **Табл. 3.1** и **Табл. 3.2**. Затем на основании полученных данных проводится качественная интерпретация результатов эксперимента отдельно по каждому слову-стимулу, и далее на синтезирующей стадии осуществляется сопоставление ассоциативных полей *удача* и *успех*.

Таблица 3.1.
*Результаты статистической обработки данных
 по частотности ассоциатов на слово-стимул «удача»*

кон- цепт	Ядро концепта (> 20%)	Базовый слой (>10%)	Ближняя периферия (>1%)	Дальняя периферия (индивидуальные ассоциаты)
УДАЧА	Счастье – 38 Успех – 27	Везение – 18 Случай – 17 Случайность – 13 Радость – 12 Выигрыш 11 Судьба – 11 Шанс – 11 Звезда – 10 Счастливым случаем - 10	Возможность – 8 Деньги – 8 Обстоятельства – 7 Надежда – 7 Неожиданность – 7 Пожелание – 7 Случиться – 7 Богатство – 5 Солдат - 5 Удаваться – 5 Фортуна – 5 Везет – 4 Везунчик – 4 Лотерея – 4 Повезло – 4 Любовь – 3 Победа – 3 Приз – 3 Сбыться – 3 Человек – 3 Джек-пот – 2 Голливуд – 2 Лото – 2 Супер – 2 Экзамен – 2	все, что хочешь – 1, жизнь – 1, родные – 1, хорошо – 1, большая -1, верный друг – 1, улыбка Бога – 1, труд – 1, достижение – 1, заслужил – 1, заслуги – 1, благополучие – 1, что-то нужное – 1, помогает – 1, событие – 1, исход – 1, получить автомат – 1, песня – 1, субъект -1, счастливчик – 1, невольная – 1, польза – 1, пожелание – 1, мечта -1, желать – 1, все получилось – 1, ситуация -1, сделка - 1, контракт -1, американский фильм - 1, профессия-1, обманет -1, ветер -1, озарение -1, талант -1, дар -1, легкость -1, удачливый-1, карты -1, азартная игра -1, невероятная-1, дети -1, семья – 1, незаслуженная -1, вероятность – 1, красота – 1, зарплата - 1, авось -1, наобум – 1, выбор - 1, гадать – 1, будущее -1, дух – 1, служба -1, птица – 1, улыбка – 1

Ядро ассоциативного поля представлено ассоциатами *счастье* и *успех*, которые отражают разные стороны представлений об удаче в русской языковой картине мира, выявленных на предыдущих этапах анализа: (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'; (4) 'счастье'. Таким образом, в ядре отражен как объективный аспект удачи — счастье как результат благоприятного стечения обстоятельств, так и ее субъективный аспект — достижение нужного исхода дела. Соотнесение структуры ассоциативного поля удачи со структурой концептуального поля, сформированной на основе изучения лексикографических источников, фразеологизмов и паремий, а также языковой объективации концепта, дает частичное совпадение: 'счастье' попадает в ядро и для ассоциативного поля концепта, и для концептуального поля, а ядерный ассоциат 'успех' как желательный результат,

нужный исход дела в концептуальном поле входит только в базовый слой. Также обращает на себя внимание уже отмеченный ранее факт смыслового сближения удачи и успеха в языковом сознании носителей языка.

В базовом слое ассоциативного поля также оказываются ассоциаты, которые соотнесены с разными когнитивными признаками, выявленными ранее. Это *везение* — соотнесен с одноименным КП (3) 'везение', с которым также соотнесены ассоциаты *случай*, *случайность* и *счастливый* случай. Значимым в плане соотнесения с ключевыми идеями русской языковой картины мира является ассоциат *судьба*, который напрямую связан с первым когнитивным признаком — (1) 'благоприятное стечение обстоятельств'. Связь представления об удаче с судьбой вообще представляется крайне значимым для русской культуры. Ассоциаты *выигрыш* и *шанс* соотнесены с КП (2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)'. Ассоциат *радость* имплицитивно связан с КП (4) 'счастье'. С этим же КП связан ассоциат *звезда*, который обусловлен устойчивым выражением для обозначения удачи: *родиться под счастливой звездой*.

В ближней периферии выявлен ряд ассоциатов, верифицирующих следующие КП концепта «удача», обнаруженные на предыдущих стадиях исследования:

(1) 'благоприятное стечение обстоятельств' — ассоциаты *обстоятельства*, *сбыться*, *случиться*;

(2) 'желательный результат, нужный исход дела (= успех₁)' — ассоциаты *удаваться*, *приз*;

(3) 'везение' — ассоциаты *неожиданность*, *возможность*, *везет*, *повезло*, *лотерея*, *лото*, *джек-пот*;

(4) 'счастье' — ассоциаты *надежда*, *любовь*, *фортуна*;

(5) 'тот, у кого все получается, кому все удается' — ассоциат *везунчик*, *человек*;

(7) 'большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂)' — ассоциаты *победа*, *богатство*, *деньги*, *Голливуд*, *экзамен*;

(9) 'что-то хорошее (*общеоценочн.*)' — ассоциат *супер*;

(13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)' — ассоциат *пожелание*;

(14) 'высшая ценность в мире человека (*оценочн.*)'.

Закономерно попадают в ближнюю периферию ассоциаты, отражающие конкретные области и сферы, с которыми у современного человека ассоциируется удача — *богатство, деньги, экзамен, лото, лотерея*, а также реалии современной жизни, которые выступают как символы удачи — *Голливуд, джек-пот*.

Среди окказиональных ассоциатов отметим синтагматический ассоциат *солдат*, который отражает расхожее фразеологическое выражение *солдат удачи* в значении 'наемник'.

В дальней периферии также зафиксированы ассоциаты, которые отражают разные стороны представления об удаче. Это единичные ассоциаты, отражающие тематические группы словесных реакций, примерно аналогичные тем, которые были выделены при анализе базового слоя и ближней периферии ассоциативного поля. Отметим большее разнообразие самих типов ассоциатов: много синтагматических ассоциатов — *незаслуженная, большая, заслужил*, пропозициональных ассоциатов (в форме предложения) — *все, что хочешь; все получилось*, прагматических ассоциатов (на прецедентные тексты) — *улыбка Бога, улыбка, птица* (← *птица удачи*), *ветер* (← *ветер удачи*), *обманет* (← *удача обманет*). По ассоциатам можно судить и о сферах, в которых по преимуществу носители языка ожидают удачу — *семья, дети, профессия, зарплата, сделка*. Удача связана с гаданием, с азартными играми (*карты, лотерея, приз, лото, джек-пот*). Также отражаются реалии современной жизни — *получить автомат* (на экзамене), *американский фильм*.

В целом отметим, что базовый слой, ближняя и дальняя периферия отражают определенную утилитаризацию представления об удаче, его связь с идеей личного преуспевания, материального успеха, обогащения, что в его

традиционном восприятии в русской культуре было не так ярко выражено: *деньги, богатство, куш* и пр.

Таблица 3.2.
*Результаты статистической обработки данных
по частотности ассоциатов на слово-стимул «успех»*

кон- цепт	Ядро концепта (> 20%)	Базовый слой (>10%)	Ближняя периферия (>1%)	Дальняя периферия (индивиду- альные ассоциаты)
УСПЕХ	Удача –31 Добиться – 23	Возможность – 19 Везение – 17 Упорство – 16 Счастье – 16 Результат – 14 Деньги – 14 Способности – 12 Усилия – 12 Достижение – 11 Работа – 11 Заслуга – 10 Благополучие – 10 Победа — 10	Радость – 8 Богатство – 8 Карьера – 8 Случай – 7 Надежда – 6 Учеба — 6 Победа – 5 Признание – 4 Самореализация – 4 Случайность – 4 Фортуна – 4 Чувство – 4 Приз – 3 Слава – 3 Совершенство – 3 Стремиться – 3 Уважение - 3 Упорная работа – 3 Усердие – 3 Шанс – 3 Вознаграждение – 2 Дело – 2 Доволен – 2 Почет – 2 Труд – 2 Цель – 2	приносит плоды – 1, гордость – 1, заслуженный – 1, поступок – 1, родные – 1, хорошо – 1, школа – 1, добиться высот – 1, положительный результат – 1, помощь – 1, старания – 1, высокий пост – 1, удовлетворение – 1, отличный – 1, любимое дело – 1, явление – 1, звезда – 1, последствия – 1, гордость -1, ура – 1, тяжелый труд – 1, плоды – 1, кровь и пот -1, окупится – 1, старание – 1, величие -1, слава -1, наилучший исход -1, фильм -1, история – 1, семья – 1, завершение -1, планы -1, финансовая независимость -1, любовь -1, недостаток -1, большой заработок -1, признательность -1, понты -1, гламур -1, пафос -1, свобода-1, гордость -1, куш - 1, признательность – 1, человек – 1, преодоление препятствий -1, прибыль -1, хорошо устроиться – 1, внутренняя гармония -1, жизнь – 1, хайп – 1, стечение обстоятельств – 1, счастливое будущее -1, защита – 1, обеспеченность -1, удачливость – 1, счастливчик – 1

Ядро ассоциативного поля успеха представлено парадигматическим синонимическим ассоциатом *удача* и синтагматическим ассоциатом *добиться* (← *добиться успеха*). Как и в случае с ассоциативным полем удачи, для ядра ассоциативного поля успеха характерно присутствие двух разных сторон представления об успехе в языковом сознании современных носителей языка. С одной стороны, налицо сближение с концептом «удача», но, с другой стороны, синтагматический ассоциат *добиться* демонстрирует и опреде-

ленное расхождение с концептом «удача»: удачи в русской языковой картине мира нельзя добиться (прикладывая определенные усилия в этом направлении), ее можно только получить извне, даром.

В базовом слое ассоциативного поля оказываются ассоциаты, которые также отражают два, во многом различающихся смысловых пласта в представлении об успехе. С одной стороны, это ассоциаты, отражающие идею случая, везения и связанных с ними благоприятных результатов и положительных эмоций: *возможность, везение, счастье, благополучие*. Нетрудно видеть, что этот концептуальный блок соотносит представления об успехе с представлениями об удаче (все эти ассоциаты так или иначе присутствуют в наборе когнитивных признаков концепта «удача»). С другой стороны, в базовом слое отражаются и ассоциаты, которые связаны: (1) с представлением об усилиях, которые прилагает человек лично для достижения успеха, об определенных способностях к нужным действиям (*усилия, упорство, способности*); (2) с представлением о результатах, которые человек получил не даром, а благодаря именно своим действиям (*результат, деньги, достижение, заслуга, победа*). Также отметим указание на преимущественную сферу, где необходимо достичь успеха — ассоциат *работа*. Это важно, потому что также позволяет развести понятия успеха и удачи. Так, в русской языковой картине мира удача с работой, с трудом связана мало — не может быть *удачи в труде / работе* (если речь не идет о каком-либо выдающемся достижении, которого нельзя достичь без определенной удачи — *творческая удача*), но вполне обычно желать *успехов в работе, труде*, которые выступают как закономерный результат хорошей работы.

В ближней периферии продолжается выявленное в базовом слое противостояние двух концептуальных блоков в ассоциативном поле успеха. Первый блок, синонимичный представлению об удаче, связанный с идеей везения, благоприятного стечения обстоятельств и вызываемых этим чувств и эмоций, представлен следующими ассоциатами: *случай, случайность, фортуна, шанс, приз* — и *чувство, надежда, радость, доволен*. Второй блок, ко-

торый соотносится с идеей способностей, приложения усилий, определенных действий, направленных на достижение желаемых итогов, а также характеристики самих заслуженных результатов и их сферы, представлен следующими ассоциатами: *стремиться, упорная работа, дело, труд, цель усердие* – и *совершенство, победа, признание, уважение, почет, слава, вознаграждение, самореализация, карьера, учеба, труд, богатство*. Нетрудно видеть, что положительные ценности, связанные с оценкой успеха в языковом сознании носителей языка, рассматриваются именно как заслуженные человеком в результате его упорного и усердного труда.

В дальней периферии также зафиксированы ассоциаты, которые отражают две стороны представления об успехе. Представление об успехе как о везении, стечении благоприятных обстоятельств — ассоциаты: *стечение обстоятельств, счастливое будущее, жизнь, удачливость, счастливчик*. Представление об успехе как о заслуженном человеком благоприятном исходе дела — ассоциаты: *приносит плоды, гордость, заслуженный, поступок, школа, добиться высот, положительный результат, старания, высокий пост, удовлетворение, отличный, любимое дело, тяжелый труд, плоды, кровь и пот, окупится, величие, наилучший исход, планы, финансовая независимость, достаток, большой заработок, признательность, куш, преодоление препятствий, прибыль, хорошо устроиться, обеспеченность, защита* и пр. Нетрудно видеть, что второй смысловой компонент в ассоциативном поле концепта на его дальней периферии явно преобладает над первым и отличается большей семантической разработанностью — ассоциаты отражают и необходимость определенных способностей, и необходимые качества, и сферы приложения деятельности, и сопровождающие успех чувства, и разные типы желаемых результатов и пр.

Также можно отметить и влияние новой речевой моды, а именно — наличие жаргонных ассоциатов *хайп, понты, гламур* и *пафос* (в новом, современном употреблении слова). На наш взгляд, эта примета нового времени отражает именно современные представления об успехе, для которого как раз

не нужно тяжело и упорно трудиться, а нужно, чтобы о тебе много говорили, писали в социальных сетях, при этом неважно что, т.е. успеха можно добиться и благодаря дешевой популярности.

В целом отметим, что базовый слой, ближняя и дальняя периферия также отражают определенную утилитаризацию представления об успехе. Но в этом случае, в отличие от концепта «удача», представления об успехе как в том числе и о материальном преуспевании в русской языковой картине мира все же имелись и ранее.

В результате операции наложения ассоциативных полей удачи и успеха мы можем сделать вывод о существенном концептуальном сближении этих понятий в языковом сознании носителей современного русского языка. В ядерном компоненте поля удачи присутствует ассоциат *успех*, а в ядерном компоненте поля успеха имеется компонент *удача*. Также и в базовых слоях сопоставляемых ассоциативных полей мы видим ряд ассоциатов в поле успеха, отражающих когнитивные признаки концепта «удача» (*возможность, везение, счастье, благополучие*).

Однако можно диагностировать и существенные концептуальные расхождения между ассоциативными полями удачи и успеха, которые также проявляются уже в ядерных компонентах. Ассоциат *счастье*, будучи ядерным для концепта «удача», перемещается ниже, в зону базового слоя, для концепта «успех». В свою очередь, в поле успеха возникает ассоциат *добиться*, который невозможен для концепта «удача» (удачи нельзя добиться) и который отражает субъективно-деятельностную сторону успеха. В базовом слое расхождение усиливается за счет указания на преимущественную сферу приложимости успеха — *работа, труд*, что в целом менее характерно для концепта «удача». Примечателен факт, что в ближней и дальней периферии ассоциативного поля успеха уменьшается число ассоциатов, отражающих концептуальный блок, связанный с везением, удачей, и увеличивается число ассоциатов, связанных с идеей приложения усилий и заслуженных результатов своей деятельности. Кроме этого, отметим, что под влиянием реалий со-

временного мира усиливаются представления о положительной значимости личного успеха, материального благосостояния, славы и пр., т.е. меняется не только место успеха в системе ценностей, но и его содержание, характер (успехом может считаться и дешевая популярность).

В целом эксперимент показал, что набор когнитивных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа, и набор ассоциатов, полученных в ходе проведения эксперимента, примерно аналогичны и в общем соотносимы по смыслу. Это может свидетельствовать о том, что в концептосфере, системе языка, речевой практике и языковом сознании концепт «удача» в основной своей части представлен одинаково.

Таким образом, ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент позволил уточнить и верифицировать совокупное смысловое наполнение концепта «удача», представленное в языковом и текстовом материале. Выявлены и некоторые новые явления, связанные с реалиями современной жизни. Так, можно говорить об определенной утилитаризации понимания удачи, о связи удачи с идеей материального преуспевания, обогащения, об изменениях в характере успеха (успех теперь может быть связан и с дешевой популярностью), в ценностной сфере восприятия личного успеха (успех становится важным мерилом общественной и нравственной значимости личности, ее состоятельности) и пр.

При этом в глубинных основах представление о важности удачи в любых делах и начинаниях, о невозможности влиять на благоприятный исход событий, о доминирующей роли счастливого случая в жизни человека и пр. остается неизменным на протяжении столетий и по сей день выступает как важнейшая черта русской языковой картины мира.

Основные выводы по содержанию III главы

В главе проанализированы особенности дискурсной реализации лексем — репрезентантов концепта «удача» в современной русской речи. Контексты употребления этих слов по данным Национального корпуса русского языка позволили верифицировать все выявленные на предыдущих стадиях комплексного описания концепта 24 когнитивных признака.

Исследование новых явлений в употреблении слов — репрезентантов концепта «удача» в лексико-семантическом и словообразовательном аспектах позволило обнаружить ряд значимых смысловых и коннотативно-оценочных преобразований.

Анализ лексико-семантических процессов продемонстрировал обогащение семантического объема концепта за счет расширения сочетаемости. Были рассмотрены контексты атрибутивной и генитивной сочетаемости слов, воплощающих концепт «удача» в русском языке.

Контексты атрибутивной сочетаемости слова *удача* по модели «прил. + сущ.» выявили значительное расширение тематических областей, применительно к которым можно рассуждать в терминах удачи. Так, удача может быть приписана значимым социальным, политическим, юридическим, военным, финансовым, коммерческим, экономическим и др. областям нашей жизни, к истории, географии, военному делу, градостроительству, полиграфии и пр. Удача может быть грибной, квартирной и пр.

Контексты генитивной сочетаемости слова *удача* по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.» выявили основные направления концептуальной метафоризации удачи по линии одушевления неодушевленного носителя удачи: носителем удачи может быть, например, природа, искусство, религия, война и пр.

Анализ новых явлений на словообразовательном уровне выявило своеобразие негативно-оценочного представления удачи, когда в иронически-

сниженной форме подчеркивается чрезмерность удачи, подчас необъяснимая или незаслуженная (*сверхудача, суперудача, гиперудача, мегаудача*), дискредитируется представление об удаче субъекта, которые говорящий не разделяет (*недоудача, полуудача*), выражается оценка чьего-либо успеха как мнимого, ложного, ненастоящего (*псевдоудача, квазиудача*). Неодериваты с исконными уменьшительно-ласкательными суффиксами могут отражать и положительное отношение говорящего к удаче (*удаченька*).

На завершающей стадии комплексного описания концепта «удача» был проведен психолингвистический ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент на слова-стимулы *удача* и *успех*. Были смоделированы ассоциативные поля удачи и успеха, а также осуществлена операция наложения двух указанных ассоциативных полей.

Эксперимент показал наличие концептуального сближения представлений об удаче и успехе в языковом сознании современных носителей русского языка, но при этом были выявлены и концептуальные расхождения, которые связаны с выделением в представлении об успехе субъективно-деятельностного, личностного аспекта в плане его достижения. Отметим, что эксперимент в целом подтвердил выводы о соотношении удачи и успеха, сделанные ранее, во второй главе (подраздел 2.1.3 «Концепт «удача» в этимологическом и историческом освещении»).

Результаты эксперимента позволили верифицировать большинство когнитивных признаков концепта «удача», установленных на предыдущих стадиях анализа. Также ряд ассоциатов ожидаемо отразил и влияние реалий современного мира. С этим были связаны и определенные новые явления в представлении об удаче в современном русском языковом сознании, а именно — определенная утилитаризация понимания удачи, связь удачи с идеей материального преуспевания, обогащения, что в традиционном восприятии удачи в русской культуре не было столь акцентированным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе осуществлено комплексное лингвокультурологическое описание концепта «удача» и его языковой объективации в речевой практике современных носителей русского языка. Получены следующие результаты.

Дано рабочее определение концепта, который понимается как многоуровневый лингво-культурно-ментальный феномен, воплощающий значимый фрагмент языковой картины мира этноса и объективированный в совокупности разноприродных (эксплицитных и имплицитных) языковых средств выражения. Обоснована процедура комплексного анализа концепта на лингвокогнитивной основе применительно к концепту «удача».

В соответствии с принятой в работе концепцией исследования, на первом этапе описания концепта были рассмотрены особенности бытования понятийной категории «удача» в экстралингвистическом аспекте (по данным философских и научных трудов, литературы, публицистики и фольклора). Анализ экстралингвистического содержания представления об удаче в русской культуре позволил выявить два основных смысловых пласта: (1) удача как везение, как проявление судьбы, рока, фатума в контексте непредсказуемой и непознаваемой до конца действительности, жизни, которая не контролируется человеком (**фаталистический аспект удачи**); (2) удача как счастье и блаженство в контексте веры в лучшее, надежды на лучшее, но при отсутствии усилий, которые человек должен прилагать для достижения желаемого состояния (**фелицитарный аспект удачи**).

Далее было исследовано семантическое наполнение концепта «удача» по данным лексикографических источников (рассматривались базовые репрезентанты концепта — лексемы *удача* и *удаться / удаваться*). Анализ позволил сформулировать 10 когнитивных признаков: (1) благоприятное стечение обстоятельств; (2) желательный результат, нужный исход дела (= успех₁); (3) везение; (4) счастье; (5) тот, у кого все получается, кому все удается (*ус-*

тар.); (6) творческая находка; (7) большое достижение в какой-л. деятельности (= успех₂); (8) реализация благоприятной возможности (модальн.); (9) что-то хорошее (общеоценочн.); (10) передача, наследование благоприятных, положительных свойств, признаков. В соответствии с принятой концепцией исследования этот набор когнитивных признаков составил основу концептуального содержания для интересующего нас концепта.

Далее был проведен анализ концепта «удача» в этимологическом и историко-лингвистическом освещении. Получила подтверждение концептуальная связь на основе этимологической общности между лексемами *удача* и *удаль*. За счет этого было сформулировано еще два когнитивных признака анализируемого концепта: (11) то, что дается человеку, извне, со стороны сверхъестественных сил, даром; (12) набор положительных свойств личности, способствующих успешной самореализации человека.

Завершающая стадия первого этапа комплексного описания концепта состояла, согласно принятой концепции исследования, в изучении особенностей фразеологической и паремиологической экспликации концепта «удача». Были рассмотрены фразеологические единицы и поговорки двух типов: (1) фразеологизмы и поговорки, включающие в свой состав непосредственно слова — репрезентанты концепта «удача»; (2) фразеологизмы и поговорки с другим лексическим наполнением, имеющие совокупное фразеологическое значение и / или образную мотивацию, которые связаны с разными аспектами концептуального содержания удачи (семантика 'счастливый / несчастливый случай', 'везение / невезение' и под.).

На основании анализа фразеологизмов был подтвержден ряд ранее выявленных когнитивных признаков и сформулирован новый (на базе ритуальной этикетной формулы *Желаю удачи!*) — (13) 'пожелание успешного завершения чего-л. (в ситуации речевого акта прощания)'. Исследование поговорок позволило уточнить и конкретизировать ряд значимых когнитивных признаков, связанных с выражением народного отношения к удаче, к субъекту удачи, к набору свойств личности, необходимых для достижения удачи и

пр. Анализ пословиц и поговорок выявил и новый когнитивный признак (14) 'высшая ценность в мире человека (оценочн.)'.

Второй этап предпринятого исследования состоял в выявлении особенностей языковой экспликации концепта «удача», которая, согласно принятой концепции исследования, заключается в рассмотрении словообразовательных, парадигматических и синтагматических связей и отношений слов — репрезентантов концепта.

Анализ деривационной репрезентации концепта, т.е. семантики производных слов в составе словообразовательного гнезда с вершиной *удаться* / *удаваться*, показал, что данное гнездо отличается разветвленной структурой с богатыми и разнообразными словообразовательными связями и включает в себя 20 производных слов разной степени производности по отношению к исходному *удаться*. Уже этот факт свидетельствует о значительной степени культурной разработанности данного понятия в языке.

Проведенный анализ позволил добавить в совокупный смысловой объем концепта «удача» еще 4 когнитивных признака, 3 из которых выражают оценочность разного типа («чистую» оценочность, модальную оценочность, нормативную оценочность): (15) 'соответствие необходимым требованиям, условиям (*норм.-оценочн.*)'; (16) 'что-то верное, правильное (*норм.-оценочн.*)'; (17) 'оценка каких-л. действий, поступков, мероприятий как сопровождающихся удачами, приводящих к желаемому результату (*модально-оценочн.*)'; (18) 'надежда на благоприятный случай, без приложения усилий, предварительного обдумывания или планирования (=авось)'

Анализ парадигматической репрезентации концепта включал описание синонимических, антонимических и иных типов семантических отношений между лексемами, объективирующими данный концепт в лексико-семантической системе языка. На этой стадии анализа было выявлено и рассмотрено значимое для целей нашего исследования концептуальное сближение и расхождение между понятиями «удача» и «успех» (по признаку отсутствия / наличия личных усилий для достижения благоприятного результата).

Также в результате анализа парадигматических связей и отношений между словами — репрезентантами концепта «удача» было установлено два новых когнитивных признака, не зафиксированных на предыдущих стадиях исследования: (19) 'талант, Божий дар'; (20) 'благополучие'.

Анализ синтагматической репрезентации концепта включал описание стандартной узуальной сочетаемости лексем *удача*, *удаться* / *удаваться* и *удачный* как основных репрезентантов концепта, а также исследование диагностических контекстов употребления слова *удача*, в которых актуализуются семантические преобразования лексем — репрезентантов данного концепта по типовым моделям концептуальной метафоризации по линии овеществления абстракции или одушевления.

Проанализированы концептуально-метафорические модели овеществления (реификации), когда удача метафорически представляется как неодушевленный конкретно-чувственный объект, как точка, локализованная в пространстве, как вещество (субстанция), как контейнер (вместилище), как физическая среда, и модели одушевления, когда удача метафорически представляется либо вообще как живая, активно действующая сущность, либо как сверхъестественное или человеческое существо. На этой основе было выделено еще 4 когнитивных признака: (21) 'мифологический чувственно-воспринимаемый объект с чудесными свойствами'; (22) 'мифологическое вещество с чудесными свойствами'; (23) 'мифологическое пространство (среда) с чудесными свойствами'; (24) 'сверхъестественное существо, вмешивающееся в жизнь человека'.

Таким образом, совокупный смысловой объем концепта составил 24 когнитивных признаков. Полученные данные позволили сформировать и представить в виде схем семантическую структуру концепта «удача» и модель его концептуального поля.

На третьем, заключительном этапе, согласно принятой концепции комплексного описания концепта, были исследованы рефлексы речевой реализа-

ции слов — репрезентантов концепта «удача» и его отражение в современном русском языковом сознании.

Анализ контекстов употребления слов — репрезентантов концепта «удача», извлеченных из Национального корпуса русского языка и русскоязычного сегмента сети интернет, подтвердил реальность обнаруженных на предыдущих этапах анализа 24 когнитивных признаков концепта в речевой практике носителей русского языка.

Далее, согласно принятой концепции исследования, были рассмотрены новые явления в образовании и функционировании лексем, воплощающих концепт «удача», в современной русской речи на лексико-семантическом и словообразовательном уровне.

Анализ новых явлений на лексико-семантическом уровне засвидетельствовал, что концепт «удача» сегодня только увеличивает свою представленность в современной русской речи, демонстрируя расширение своей сочетаемости и обогащение смыслового объема, а также развитие коннотативно-оценочного потенциала. Для анализа были выбраны два наиболее репрезентативных типов контекстов сочетаемости для лексемы *удача*: (1) атрибутивная сочетаемость; (2) генитивная сочетаемость.

Контексты атрибутивной сочетаемости слова *удача* по модели «прил. + сущ.» зафиксировали новые сферы приложимости этого концепта, которые задаются за счет семантики относительных прилагательных. Так, удача может быть приписана значимым социальным, политическим, юридическим, военным, финансовым, коммерческим, экономическим и др. областям нашей жизни. Широко представлена в нашем материале историческая или географическая сфера приложения удачи. Удача также может быть приложена к отдельным, частным сферам социальной и / или профессиональной деятельности — градостроительная, полиграфическая и пр. удача. Интересны контексты, в которых атрибутивная сочетаемость лексемы *удача* отражает приметы быта, реалии обыденной жизни — *грибная удача, квартирная удача*.

Контексты генитивной сочетаемости слова *удача* по модели «сущ. + сущ. в Род. пад.» реализуют модели генитивной метафоры, в которых происходит метафорическое одушевление субъекта — носителя удачи. В контекстах генитивной сочетаемости носителем удачи может быть, например, природа, искусство, религия, война и пр.:

В целом проанализированный материал обнаруживает большую семантическую активность слова *удача* в речевой практике носителей русского языка, его продуктивность и распространенность в разных типах дискурса в разные хронологические периоды, его богатую сочетаемость и существенный оценочный потенциал.

Особенности языковой экспликации когнитивных признаков концепта «удача» в явлениях окказионального словообразования в эмоционально-экспрессивной и оценочно-окрашенной форме акцентируют и обыгрывают базовые когнитивные признаки соответствующего концепта, выявленные нами на предыдущих этапах анализа. Специфика выражения данных когнитивных признаков неодериватами связана с отражением специфической позиции говорящего — ироническое остранение или снижение представления о чьей-либо удаче, шутка, негативно-оценочная реакция на незаслуженную удачу или на удачу в недостойном деле с недостойными целями и пр. Выявлены неодериваты, в которых осуществляется негативно-оценочная характеристика ситуации как мнимой удачи (в словообразовательных моделях с иноязычными префиксами КВАЗИ- или ПСЕВДО-), а также примеры с уменьшительно-ласкательным суффиксом, выражающим позитивно-оценочное отношение к ситуации, в норме обозначаемой словом *удача* (*удаченька*).

В целом анализ новых явлений на уровне лексики и словообразования показал, что в речевой практике современных носителей русского языка по-прежнему негативно оценивается удача как итог незначительного или недостойного дела, а также мнимая, фальшивая, ложная удача. В режиме самоиронии обыгрывается в русском мире чрезмерность или, напротив, «малость»,

«ничтожность» удачи. Но в любом случае удача переживается как один из важнейших феноменов человеческого существования.

В соответствии с принятой концепцией исследования, на завершающей стадии комплексного описания концепта «удача» был проведен психолингвистический ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент на слова-стимулы *удача* и *успех*. Были смоделированы ассоциативные поля удачи и успеха, а также осуществлена операция наложения двух указанных ассоциативных полей.

Был сделан вывод о существенном концептуальном сближении этих понятий в языковом сознании носителей современного русского языка. В ядерном компоненте поля удачи присутствует ассоциат *успех*, а в ядерном компоненте поля успеха имеется компонент *удача*. Также и в базовых слоях сопоставляемых ассоциативных полей мы видим ряд ассоциатов в поле успеха, отражающих когнитивные признаки концепта «удача».

Однако эксперимент показал и существенные концептуальные расхождения между ассоциативными полями удачи и успеха, которые также проявляются уже в ядерных компонентах. Ассоциат *счастье*, будучи ядерным для концепта «удача», перемещается ниже, в зону базового слоя, для концепта «успех». В свою очередь, в поле успеха возникает ассоциат *добиться*, который невозможен для концепта «удача» (удачи нельзя добиться) и который отражает субъективно-деятельностную сторону успеха. Расхождение усиливается за счет указания на такую сферу приложимости успеха, как *работа, труд*, что в целом менее характерно для концепта *удача*.

Таким образом, ненаправленный ассоциативный цепочечный эксперимент позволил уточнить и верифицировать совокупное смысловое наполнение концепта «удача», представленное в языковом и текстовом материале. В целом эксперимент показал, что набор когнитивных признаков, выявленных на предыдущем этапе анализа, и набор ассоциатов, полученных в ходе проведения эксперимента, примерно аналогичны и в общем соотносимы по смыслу. Это может свидетельствовать о том, что в концептосфере, системе

языка, речевой практике и языковом сознании концепт «удача» в основной своей части представлен одинаково.

Выявлены и некоторые новые явления, связанные с реалиями современной жизни. Так, можно говорить об определенной утилитаризации понимания удачи, о связи удачи с идеей материального преуспевания, обогащения, об изменениях в характере успеха (успех теперь может быть связан и с дешевой популярностью), в ценностной сфере восприятия личного успеха (успех становится важным мерилom общественной и нравственной значимости личности, ее состоятельности) и пр.

Мы пришли к выводу, что, несмотря на определенные концептуальные и культурные инновации в рецепции удачи и успеха в современном русском языковом сознании, в своих глубинных основах представление о важности удачи в любых делах и начинаниях, о невозможности влиять на благоприятный исход событий, о доминирующей роли счастливого случая в жизни человека и пр. остается неизменным на протяжении столетий и по сей день выступает как важнейшая черта русской языковой картины мира.

Разумеется, проведенное исследование не может исчерпать все смысловое и ценностное разнообразие представлений об удаче в мировой и отечественной культуре. Это позволяет наметить перспективы для дальнейшего исследования, которые состоят в дополнении и расширении предмета анализа посредством включения сопоставительного лингвокультурологического описания концепта «удача» в других лингвокультурах в сравнении с русской, а также анализа его дискурсивного варьирования применительно к дискурсам разного типа (дискурсы политический, медийный, рекламный, юридический, официально-деловой, научный и пр.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

1. ИМ — Языковые данные, полученные в результате интернет-мониторинга автора в русскоязычном сегменте сети интернет
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: [http:// www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru)
3. ПРН — *Даль, В.И.* Пословицы русского народа [Текст] / В.И. Даль. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс. Изд-во ННН, 2000. — 616 с.

Научная и научно-методическая литература

4. Абрамова 2011 — *Абрамова, А. А.* Формирование культуры родительства в современном российском обществе: Дисс. ... канд. культурологии: 24.00.01 / А.А. Абрамова; Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. — М. 2011. — 176 с.
5. Алексеев, Панин 2003 — *Алексеев, П.В., Панин, А.В.* Философия: Учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. [Текст] / П.В. Алексеев, А.В. Панин. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2003. — 608 с.
6. Алефиренко 1993 — *Алефиренко, Н.Ф.* Фразеология в системе современного русского языка [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 1993. — 149 с.
7. Алефиренко 2003 — *Алефиренко, Н.Ф.* Проблема вербализации концепта: Теоретическое исследование [Текст] / Н.Ф. Алефиренко. — Волгоград: Перемена, 2003. — 96 с.
8. Алефиренко, Семенов 2009 — *Алефиренко, Н.Ф., Семенов, Н.Н.* Фразеология и паремиология [Текст] / Н.Ф. Алефиренко,

- Н.Н. Семененко. — М.: Флинта. Наука, 2009. — 344 с.
9. Алпатов 1993 — *Алпатов, В.М.* О системоцентричном и антропоцентричном подходах к языку [Текст] / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. — 1993. — № 3. — С. 15—26.
 10. Антология концептов 2007 — Антология концептов [Текст] / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — М.: Гнозис, 2007. — 512 с.
 11. Апресян 1986 — *Апресян, Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира [Текст] / Ю.Д. Апресян // Семиотика и информатика: Сб. науч. статей. — М., 1986. — Вып. 28. — С. 5—33.
 12. Апресян 1995а — *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.1. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472с.
 13. Апресян 1995б — *Апресян, Ю.Д.* Избранные труды. — Т.2. Интегральное описание языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766с.
 14. Апресян 1995в — *Апресян, Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю.Д. Апресян. // Вопросы языкознания. — 1995. — №1. — С. 37—67.
 15. Арутюнова 1988 — *Арутюнова, Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, событие, факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
 16. Арутюнова 1989 — *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: Сб. научн. трудов / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1989. — С. 3—6.
 17. Арутюнова 1990 — *Арутюнова, Н.Д.* От редактора: Вступительная статья [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Культурные концепты: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова; ИЯ АН СССР. — М.: Наука, 1991. — С. 3—5.
 18. Арутюнова 1999 — *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 896 с.

19. Архипов 2001 — *Архипов, И.К.* Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия [Текст] / И.К. Архипов // Филология и культура: Материалы III международной научной конференции. — Часть I. — Тамбов: ТГУ, 2001. — С. 13-15.
20. Архипова 2011 — *Архипова, С.В.* Ассоциативный эксперимент в психолингвистике [Текст] / С.А. Архипова // Вестник БГУ. — 2011. — №11. — С. 6–9.
21. Аскольдов 1997 — *Аскольдов, С.А.* Концепт и слово [Текст] / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. / Под ред. В.Н. Нерознака. — М.: Academia, 1997. — С. 267-280.
22. Бабушкин 1996 — *Бабушкин, А.П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] / А.П. Бабушкин. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — 104 с.
23. Бабушкин 1998 — *Бабушкин, А.П.* Концептуальные типы значений [Текст] / А.П. Бабушкин // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка: Сб. научн. трудов. — Воронеж: ВорГУ, 1996. — С. 14-18.
24. Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов, А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Изв. РАН. — СЛЯ. — 1997. — №1. — С. 11-21.
25. Баранов, Добровольский 1997 — *Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О.* Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — М.: Языки славянской культуры, 2008. — 657 с.
26. Бахтин 1990 — *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса: Монография [Текст] / М.М. Бахтин. — 2 изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с.
27. Бакуменко 2019 — *Бакуменко, Г.В.* Эволюционный семиотический ряд концепта «успех» [Текст] / Г.В. Бакуменко // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участ-

- ников международной научной конференции / отв. ред. Г. Ю. Богданович. — Симферополь: КФУ имени В. И. Вернадского, 2019. — С. 86-87.
28. Бенвенист 1974 — *Бенвенист, Э.* Общая лингвистика: Пер. с франц. [Текст] / Э. Бенвенист. — М.: Прогресс, 1974. — 448 с.
29. Болдырев 1998 — *Болдырев, Н.Н.* Категоризация событий и специфика национального сознания [Текст] / Н.Н. Болдырев // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 29-30.
30. Болдырев 2001 — *Болдырев, Н.Н.* Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии: Учебное пособие [Текст] / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: ТГУ, 2001. — 124с.
31. Болдырев 2004 — *Болдырев, Н.Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — №1. — С. 18-39.
32. Борискина, Кретов 2003 — *Борискина, О.О.* Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса [Текст] / О.О. Борискина, А.А. Кретов. — Воронеж, 2003.
33. Будагов 1974 — *Будагов, Р.А.* Человек и его язык [Текст] / Р.А. Будагов. — М.: Наука, 1976. — 133 с.
34. Булыгина, Шмелев 1997 — *Булыгина, Т.В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) [Текст] / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 574 с.
35. Вайсгербер 2004 — *Вайсгербер, Й.-Л.* Родной язык и формирование духа народа. — Изд. 2-е, испр. и доп. [Текст] / Л. Вайсгербер. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 232 с.
36. Валгина 2002 — *Валгина, Н.С.* Современный русский язык: Учебник для вузов / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. [Текст] / Под ред. Н.С. Валгиной. — Изд. 6-е, перераб. и доп. — М.: Логос, 2002. — 528 с.
37. Введение в когнитивную лингвистику [Текст] / Под ред. М. В. Пименовой. — Вып. 4 — Кемерово: ИПК «Графика», 2004. — 210 с.

38. Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание [Текст] / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз / А. Вежбицкая. — М.: Русские словари, 1997. — 412 с.
39. Вежбицкая 2001 — *Вежбицкая, А.* Понимание культур через посредство ключевых слов [Текст] / А. Вежбицкая: Пер. с англ. А.Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.
40. Верещагин, Костомаров 2000 — *Верещагин, Е.М.* Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция лого-эпистемы [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. — М.: Икар, 2000. — 312с.
41. Виноградов 1963 — *Виноградов, В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 255 с.
42. Виноградов 1972 — *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1972. — 616 с.
43. Виноградов 1977 — *Виноградов, В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 140-161.
44. Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн, Л.* Философские работы. Ч.1 [Текст] / Л. Витгенштейн. — М.: Гнозис, 1994. — 532 с.\
45. Воркачев 2001 — *Воркачев, С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в сознании [Текст] / С.Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64-72.
46. Воркачев 2002 — *Воркачев, С.Г.* Любовь как лингвокультурный концепт [Текст] / С.Г. Воркачев. — М.: Гнозис, 2007. — 284 с.

47. Воркачев 2005 — *Воркачев, С.Г.* Постулаты лингвоконцептологии [Текст] / С.Г. Воркачев // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика и И. А. Стернина. — Т.1. — Волгоград: Парадигма, 2005. — С. 10-15.
48. Воркачев 2007 — *Воркачев, С.Г.* Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа [Текст] / С.Г. Воркачев. — Краснодар: Техн. ун-т Кубан. гос. технол. ун-та., 2002. — 142 с.
49. Воробьев 1997 — *Воробьев, В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография [Текст] / В.В. Воробьев. — М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 1997. — 331 с.
50. Гаспаров 1996 — *Гаспаров, Б.М.* Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования [Текст] / Б.М. Гаспаров. — М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. — 352 с.
51. Гачев 1989 — *Гачев, Г.Д.* Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. — М.: Искусство, 1989. — 368 с.
52. Глотова 2008 — *Глотова, Г. А.* О соотношении понятий «успех», «удача», «везение» [Текст] / Г.А. Глотова // Психологический вестник Уральского государственного университета. — 2008. — Вып. 6. — С. 343–351.
53. Голубев 2004 — *Голубев, С.В.* Проблема «успеха» и «удачи» в социальной философии [Текст] / С.В. Голубев // Философия и общество. — 2004. — № 1. — С. 86–100.
54. Гольдин 2001 — *Гольдин, В.Е.* Ассоциативный эксперимент как речевая игра [Текст] / В.Е. Гольдин // Жизнь языка: Сб. ст. — М.: ИЯ РАН, 2001. — С. 226 — 233.
55. Гордиенко 2008 — *Гордиенко, Т.Н.* Идиоматическая представленность концепта «успех» в английском и русском языках: Автореферат дисс. ... канд.филол.наук: 10.02.20 [Текст] / Т.Н. Гордиенко; ТГУ им. Г.Р. Державина. — Тамбов, 2008. — 23 с.

56. Горинова 2009 — *Горинова, Н.С.* Структура ассоциативного имени *Удача* по данным русского ассоциативного словаря [Текст] / Н.С. Горинова // Молодой ученый. — 2009. — № 6. — С. 90–93.
57. Горошко 2001 — *Горошко, Е.И.* Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. — М., 2001. — URL: <http://www.textology.ru/goroshko/VerbalAss/predisl.html>.
58. Горшкова, Ручина 2002 — *Горшкова, Т.М., Ручина, Л.И.* Методические указания по составлению словаря русского фольклора. Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Т.М.Горшкова, Л.И.Ручина, — Н.Новгород: ННГУ, 2002. — 15 с.
59. Горшкова, Ручина 2011 — *Горшкова, Т.В., Ручина, Л.И.* Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки [Текст]/ Т.М. Горшкова, Л.И. Ручина// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6-2. — С. 130-135.
60. Гумбольдт 1984 — *Гумбольдт, В. фон.* Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; Пер. с нем. под ред. и с пред. Г.В. Рамишвили. — М: Наука, 1984. — 398 с.
61. Гусева 2008 — *Гусева, Е.А.* Лингвокогнитивное моделирование как понятие и явление [Текст] / Е.А. Гусева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 2. — С. 126-131.
62. Далян 2013 — *Далян, Н.Е.* Конструирование русской языковой картины мира на концептуально-языковом уровне (в рамках кросс-культурной коммуникации) [Текст] / Н.Е. Далян // Русский язык за рубежом. — 2013. — № 5 (240). — С. 40–46.
63. Дейк 1989 — *Дейк, Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация: Сб. работ [Текст] / Т.А. ван Дейк. — М.: БГК Им. И. А. Бодуэна Де Куртенэ, 1989. — 310 с.

64. Демьянков 1994 — *Демьянков, В.З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода [Текст] / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 17-33.
65. Демьянков 1995 — *Демьянков, В.З.* Доминирующие лингвистические теории в конце XX века [Текст] / В.З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века: кол. мон. — М.: Институт языкознания РАН, 1995. — С.239-320.
66. Дмитриева 1996 — *Дмитриева, О. А.* Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов [Текст] / О.А. Дмитриева // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград–Архангельск: Перемена, 1996. — С. 67–74.
67. Жинкин 1982 — *Жинкин, Н.И.* Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Наука, 1982. — 156 с.
68. Жинкин 1998 — *Жинкин, Н.И.* Избранные труды. Язык. Речь. Творчество [Текст] / Н.И. Жинкин. — М.: Лабиринт, 1998. — 364 с.
69. Залевская 1996 — *Залевская, А.А.* Психолингвистика: пути, итоги, перспективы [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы языкознания. — 1998. — № 6. — С. 81—94.
70. Залевская 2001 — *Залевская, А.А.* Психолингвистический подход к проблеме концепта [Текст] / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — С. 36-44.
71. Залевская 2003 — *Залевская, А.А.* Языковое сознание: вопросы теории [Текст] / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. — 2003. — № 1. — С. 30-35.
72. Зализняк 2003 — *Зализняк, А.А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира [Текст] / А.А. Зализняк // Русский язык в научном освещении. — 2003. — № 1 (5). — С. 85–105.
73. Зализняк 2006 — *Зализняк, Анна А.* Многозначность в языке и способы ее представления [Текст] / А.А. Зализняк. — М.: Языки славянских культур, 2006. — 672 с.

74. Зализняк и др. 2005 — *Зализняк, А.А.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. [Текст] / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с.
75. Звегинцев 1996 — *Звегинцев, В.А.* Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. — М.: МГУ, 1996. — 335 с.
76. Земская 1992 — *Земская, Е.А.* Словообразование как деятельность [Текст] / Е.А. Земская. — М.: Высшая школа, 1992. — 220 с.
77. Зусман, Кирнозе 2003 — *Зусман, В.Г., Кирнозе, З.И.* Национальный культурный мир как концептосфера [Текст] / В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе // Язык. Культурные концепты: Межвуз. сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2003. — С. 85–90.
78. Иванов 1962 — *Иванов, В.В.* Язык в сопоставлении с другими средствами передачи и хранения информации» [Текст] / В.В. Иванов // Прикладная лингвистика и машинный перевод: Сборник статей. — Киев: КГУ, 1962. — С. 104-116.
79. Иванов 1978 — *Иванов, Вяч. Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем [Текст] / В.В. Иванов. — М.: Сов. радио, 1978. — 184 с.
80. Иванова 2006 — *Иванова, Е. В.* Мир в английских и русских пословицах: учеб. пособие [Текст] / Е. В. Иванова. — М.: Филологический факультет СПбГУ: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 278 с.
81. Иванова 2016 — *Иванова, Е. А.* Анализ пословичной метафоры на примере русских и английских паремий с концептом «удача» [Текст] / Е.А. Иванова // Язык и культура: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск: ООО «Энциклопедия», 2016. — С. 15–23.
82. Карасик 1996 — *Карасик, В.И.* Культурные доминанты в языке [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. научн. трудов. — Волгоград-Архангельск: ВГУ, 1996. — С. 3–16.
83. Карасик 2001 — *Карасик, В.И.* О категориях лингвокультурологии [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы коммуникатив-

- ной деятельности: Сб. науч. трудов / ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2001. — С. 3-16.
84. Карасик 2002 — *Карасик, В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография [Текст] / В.И. Карасик; ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
85. Карасик, Прохвачева и др. 2007 — *Карасик, В.И.* Иная ментальность [Текст] / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. — М.: Гнозис, 2007. — 352 с.
86. Карасик, Слышкин 2005 — *Карасик, В.И.* Базовые характеристики лингвокультурных концептов [Текст] / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 13-15.
87. Караулов 1976 — *Караулов, Ю.Н.* Общая и русская идеография [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1976. — 356 с.
88. Караулов 1987 — *Караулов, Ю.Н.* Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. — М.: Наука, 1987. — 264 с.
89. Караулов 2000 — *Караулов, Ю.Н.* Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания [Текст] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. статей под редакцией Н. В. Уфимцевой. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 107-109.
90. Картина мира 2002 — Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 года) [Текст] / Под общей редакцией профессора З.И. Резановой. — Томск: Издание ТГУ, 2002. — 324 с.
91. Касевич 1988 — *Касевич, В.Б.* Семантика. Синтаксис. Морфология [Текст] / В.Б. Касевич. — М.: Наука, 1988. — 237 с.

92. Касевич 1996 — *Касевич, В.Б.* Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В.Б. Касевич. — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 288 с.
93. Каслова, Чернова 2010 — *Каслова, А.А., Чернова, Н.А.* Концепт УСПЕХ / SUCCESS в русской и английской картине мира [Текст] / А.А. Каслова, Н.А. Чернова // Политическая лингвистика. — 2010. — Вып. 2(32). — С. 176–180.
94. Клименко 1970 — *Клименко, А.П.* Вопросы психолингвистического изучения семантики [Текст] / А.П. Клименко. — Минск: Высшейш. школа, 1970. — 206 с.
95. Клименко 1978 — *Клименко, А.П.* К экспериментальному изучению родо-видовых отношений (на материале английского языка) [Текст] / А.П. Клименко // Романское и германское языкознание. — Минск, 1978. — Вып. 8. — С. 145–152.
96. Ковшова 2013 — *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 456 с.
97. Колесов 1993 — *Колесов, В.В.* Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В.В. Колесов // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек». Межвузовский сборник. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1993. — С. 107—112.
98. Колесов 1995 — *Колесов, В.В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции [Текст] / В.В. Колесов // Язык и этнический менталитет. Сб. науч. тр. — Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. — С. 13-18.
99. Колесов 1999 — *Колесов, В.В.* Жизнь происходит от слова... [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Златоуст, 1999. — 320 с.
100. Колесов 2002 — *Колесов, В.В.* Философия русского слова [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Юна, 2002. — 448 с.
101. Колесов 2004 — *Колесов, В.В.* Язык и ментальность [Текст] / В.В. Коле-

- сов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2004. — 237 с.
102. Колесов 2006 — *Колесов, В.В.* Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — 624 с.
103. Корнилов 2003 — *Корнилов, О.А.* Языковые картины мира как производные национального менталитета. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / О.А. Корнилов. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
104. Копыленко, Попова 1978 — *Копыленко, М.М., Попова, З.Д.* Очерки по общей фразеологии [Текст] / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. — 143 с.
105. Красных 2000 — *Красных, В.В.* Строение языкового сознания: фрейм-структуры [Текст] / В.В. Красных // Когнитивная семантика. — Ч. 1. — Тамбов: ТГУ, 2000. — С. 53-55.
106. Красных 2002 — *Красных, В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
107. Крючкова 2005 — *Крючкова, Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов [Текст] / Н.В. Крючкова. — Саратов: СГУ, 2005. — 165 с.
108. Кубрякова 1992 — *Кубрякова, Е.С.* Проблемы представления знаний в современной науке и роль лингвистики в решении этих проблем [Текст] / Е.С. Кубрякова // Язык и структуры представления знаний: Сб.ст. — М.: Наука, 1992. — С.4-38.
109. Кубрякова 1994 — *Кубрякова, Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика — психология — когнитивная наука [Текст] / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1994. — № 4. — С. 26-34.
110. Кубрякова 1999 — *Кубрякова, Е.С.* Языковое сознание и языковая картина мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Филология и культура: Материалы межвузовской конференции: Ч. III. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. — С. 6-13.
111. Кубрякова 2004 — *Кубрякова, Е.С.* Язык и знание: На пути получения

- знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова / Рос. академия наук / Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
112. Кузлякин 2005 — *Кузлякин, С.В.* Проблема создания концептуальной модели в лингвистических исследованиях [Текст] / С.В. Кузлякин // Русистика и современность. — Т.1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. — СПб: РГПУ им.А.И.Герцена, 2005. — С. 136-141.
113. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Некоторые теоретические проблемы семантики последних десятилетий [Текст] / А.М. Кузнецов // Лингвистические исследования в конце XX века: Сборник обзоров / РАН. ИНИОН. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 173-185.
114. Кузнецов 2000 — *Кузнецов, А.М.* Проблемы компонентного анализа в лексике: Науч.-аналит. Обзор [Текст] / А.М. Кузнецов. — М.: ИНИОН АН СССР, 1980. — 58 с.
115. Кустова 2000 — *Кустова, Г.И.* Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. — 2000. — № 4. — С.85—109.
116. Кустова 2004 — *Кустова, Г.И.* Типы производных значений и механизмы языкового расширения [Текст] / Г.И. Кустова. — М.: Языки славянской культуры, 2004 — 472 с.
117. Лакофф 2004 — *Лакофф, Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф; Пер. с англ. И.Б. Шатуновского. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 792 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
118. Лакофф, Джонсон 2004 — *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. — М.: Едиториал, 2004. — 256 с.
119. Леонтьев А.А. 1997 — *Леонтьев, А.А.* Основы психолингвистики: Учебное пособие [Текст] / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с.

120. Леонтьев А.Н. 1975 — *Леонтьев, А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. — М.: Политиздат, 1975. — 110 с.
121. Лихачев 1987 — *Лихачев, Д.С.* Избранные работы в 3-х т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. — Л.: Художественная литература, 1987. — 493 с.
122. Лихачев 1997 — *Лихачёв, Д.С.* Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. — М.: Academia, 1997. — С. 280—287.
123. Лопатин 1997 — Лопатин, В.В. Аффиксоид [Текст] / В.В. Лопатин // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — М.: Дрофа, 1997. — С. 42–44.
124. Лосев 1982 — *Лосев, А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию [Текст] / А.Ф. Лосев. — М.: Изд-во МГУ, 1982. — 480 с.
125. Лотман 1994 — *Лотман, Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 413 с.
126. Лотман, Успенский 1971 — *Лотман, Ю.М.* О семиотическом механизме культуры [Текст] / Ю.М. Лотман, Б.М. Успенский // Труды по знаковым системам: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып V. 284. — Тарту: ТГУ, 1971. — С. 144–167.
127. Лурия 1979 — *Лурия, А.Р.* Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 320 с.
128. Лызлов 2017 — *Лызлов, А.И.* Концепт «удача» во фразеологических единицах английского языка [Текст] / А.И. Лызлов // Вестник Челябинского гос. университета. — 2017. — № 3 (399). — Филологические науки. Вып. 105. — С. 45–50.
129. Люсин 2000 — *Люсин, В.Н.* Особость архетипов женского/девичьего успеха в русской сказке [Текст] / В.Н. Люсин // Общественные науки и современность. — 2000. — № 4. — С. 88–102.

130. Ляпин 1997 — *Ляпин, С.Х.* Концептология: К становлению подхода [Текст] / С.Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 2. — Архангельск, 1997. — С. 11-35.
131. Маковский 1995 — *Маковский, М.М.* У истоков человеческого языка [Текст] / М.М. Маковский. — М, Высшая школа, 1995. — 157 с.
132. Маслова 2001 — *Маслова, В.А.* Лингвокультурология. Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М.: Academia, 2001. — 202 с.
133. Маслова 2006 — *Маслова, В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие [Текст] / В.А. Маслова. — М: Флинта, Наука, 2006. — 294 с.
134. Методические указания 2002 — Методические указания по составлению словаря концептов русского фольклора: Методическое пособие для студентов-филологов [Текст] / Составители: доцент Т.М. Горшкова, доцент Л.И. Ручина. — Н. Новгород: ННГУ, 2002. — 24 с.
135. Методологические проблемы 2001 — Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Научное издание [Текст] / Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. — 182 с.
136. Мечковская 2004 — *Мечковская, Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций [Текст] / Н.Б. Мечковская. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 432 с.
137. Мокиенко 1990 — *Мокиенко, В.М.* Загадки русской фразеологии [Текст] / В.М. Мокиенко. — М.: Высшая школа, 1990. — 264 с.
138. Мулляр 2008 — *Мулляр, Л.А.* Триада «успех-удача-упадок»: опыт социально-онтологической формализации [Текст] / Л.А. Мулляр // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 28 (129). — С. 55–58.
139. Мурзин 2010 — *Мурзин, Ю.П.* Макрополе метафорических моделей живое, профилирующих концепт guerra [Текст] / Ю.П. Мурзин // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного

- университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. — 2010. — № 14. — С. 58–69.
140. Найда 1962 — *Найда, Е.А.* Анализ значения и составление словарей [Текст] / Е.А. Найда // Новое в лингвистике: Вып. II. Проблема значения. Дихотомическая фонология. Трансформационная грамматика / Пер.с англ.— М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. — С. 45-71.
141. Нерознак 1998 — *Нерознак, В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма [Текст] / В.П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков – Омск: ОГУ, 1998. – С.80-85.
142. Никитин 2004 — *Никитин, М. В.* Развернутые тезисы о концептах [Текст] / М.В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С.53-64.
143. Никитина 1991 — *Никитина, С.Е.* О концептуальном анализе в народной культуре [Текст] / С.Е. Никитина // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. — М.: Наука, 1991. — С. 117-123.
144. Никитина 1993 — *Никитина, С.Е.* Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С.Е. Никитина. — М.: Наука, 1993. — 189 с.
145. Новикова, Черемисина 2000 — *Новикова, Н.С.* Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира [Текст] / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. — 2000. — № 1. — С.40-49.
146. Осипова 2008 — *Осипова, М.А.* Успех, удача и жизненный мир русской культуры [Текст] / М.А. Осипова // Славяноведение. — 2008. — № 6. — С. 52-59.
147. Павиленис 1983 — *Павиленис, Р.И.* Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка [Текст] / Р.И. Павиленис. — М.: Мысль, 1983. — 286 с.
148. Падучева 1996 — *Падучева, Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] /

- Е.В. Падучева. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
149. Пименова 2011 — *Пименова, М.В.* Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 176 с.
150. Пищальникова, Лукашевич 2001 — *Пищальникова, В.А.* Когнитивизм как новая методология семантических исследований [Текст] / В.А. Пищальникова, Е.В. Лукашевич // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии: Сб. научн. трудов. — Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. — С.40–45.
151. Плунгян 2005 — *Плунгян, В.А.* Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? [Текст] / В.А. Плунгян // Отечественные записки. — 2005. — №2(23). — С. 296–308.
152. Попова 2011 — *Попова, Е.А.* Удаль в аспекте русской ментальности [Текст] / Е.А. Попова // Язык как система и деятельность: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора А.Н. Тихонова, Елец, 17-18.11.2011. — Ч. I. — Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. — С. 325–335.
153. Попова, Стернин 2002 — *Попова, З.Д.* Язык и национальная картина мира [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 60 с.
154. Попова, Стернин 2003 — *Попова, З.Д.* Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2003. — 191 с.
155. Попова, Стернин 2005 — *Попова, З.Д.* Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. — Т. 1. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 7-10.
156. Попова, Стернин 2006-2007 — *Попова, З.Д.* Семантико-когнитивный анализ языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2006, 2007. — 250 с

157. Попова, Стернин 2007 — *Попова, З.Д.* Когнитивная лингвистика [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — М.: АСТ: Восток—Запад, 2007. — 314 с.
158. Попова, Стернин, Чарыкова 1998 — *Попова, З.Д.* О разработке концепции языкового образа мира (материалы для обсуждения) [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин, О.Н. Чарыкова // Язык и национальное сознание: Сб. статей. — Вып. 1. — Воронеж: Истоки, 1998. — С. 21-23.
159. Постовалова 1999 — *Постовалова, В.И.* Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) [Текст] / В.И. Постовалова // Фразеология в контексте культуры: Сб. статей. — М.: Наука, 1999. — С. 25-34.
160. Постовалова 2016 — *Постовалова, В.И.* Лингвистическая реальность и пути ее постижения (восхождение к интегральным парадигмам) [Текст] / В.И. Постовалова // Метафизика. Научный журнал. — 2016. — № 4. — С. 59–77.
161. Почепцов 1990 — *Почепцов, О.Г.* Языковая ментальность: способ представления мира [Текст] / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — №6. — С.110-122.
162. Прохоров 2008 — *Прохоров, Ю.Е.* В поисках концепта [Текст] / Ю.Е. Прохоров. — М.: Флинта, 2008. — 176 с.
163. Радбиль 1999 — *Радбиль, Т.Б.* О термине и понятии «идеологема» [Текст] / Т.Б. Радбиль // Человек и его язык: антропологический аспект исследования: Сб. научн. трудов. — Нижний Новгород: НГПУ, 1996. — С. 11–28.
164. Радбиль 2006а — *Радбиль, Т.Б.* Языковая аномалия как норма художественного дискурса [Текст] / Т.Б. Радбиль // Филологические науки. — 2006. — № 6. — С. 50–58.
165. Радбиль 2006б — *Радбиль, Т.Б.* Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии [Текст] / Т.Б. Радбиль // Русский язык в научном освещении. — 2006. — №1 (11). — С. 77–100.

166. Радбиль 2016 — *Радбиль, Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. — изд. 4-е, стереотипн. [Текст] / Т.Б. Радбиль.— М.: Флинта: Наука, 2016. — 328 с.
167. Радбиль 2017 — *Радбиль, Т.Б.* Язык и мир: парадоксы взаимоотражения [Текст] / Т.Б. Радбиль. — М.: Издательский дом ЯСК, 2017. — 592 с. — (Язык. Семиотика. Культура.)
168. Радбиль 2018 — *Радбиль, Т.Б.* Когнитивистика: Учебное пособие [Текст] / Т.Б. Радбиль. — Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2018. — 375 с.
169. Радбиль, Рацибурская 2017 — *Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В.* Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект [Текст] / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33-39.
170. Рахилина 1989 — *Рахилина, Е.В.* О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой [Текст] / Е.В. Рахилина // Язык и когнитивная деятельность / Отв. ред. Фрумкина Р.М. — М.: Наука, 1989. — С. 46—51.
171. Рахилина 1998 — *Рахилина, Е.В.* Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты [Текст] / Е.В. Рахилина // Семантика и информатика: Сборник научных статей. Вып. 36. — М.: Русские словари, 1998. — С. 274-323.
172. Рахилина 2009 — *Рахилина, Е.В.* Корпус как творческий проект [Текст] / Е.В. Рахилина // Национальный корпус русского языка: 2006–2009. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В. А. Плунгян. — СПб.: Нестор-История, 2009. — С. 7-24.
173. Роль человеческого фактора 1988 — Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: Кол. мон. [Текст] / Отв.ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.

174. Рудакова 2004 — *Рудакова, А.В.* Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] / А.В. Рудакова; Под. ред. И.А. Стернина. — Изд. 2-е, испр. / А.В. Рудакова. — Воронеж: Истоки, 2004. — 80 с.
175. Руденко 1992 — *Руденко, Д.И.* Когнитивная наука, лингвофилософские парадигмы и границы культуры [Текст] / Д.И. Руденко // Вопросы языкознания. — 1992. — № 6. — С. 19—35.
176. Рузин 1996 — *Рузин, И.Г.* Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов [Текст] / И.Г. Рузин // Вопросы языкознания. — 1996. — № 5. — С. 39-50.
177. Русский язык 2014 — Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Кол.мон. [Текст] / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. — 325 с.
178. Русское слово 2003 — Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений [Текст]. — СПб.: Политехника, 2003. — 242 с.
179. Ручина 2012 — *Ручина, Л.И.* Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления когнитивных признаков концепта [Текст] / Л.И. Ручина // Вестник ННГУ. — 2012. — №5–3. — С. 102–106.
180. Савенкова 2002 — *Савенкова, Л.Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / Л.Б. Савенкова. — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 240 с.
181. Светоносова 2007 — *Светоносова, Т.А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия [Текст] / Т.А. Светоносова // Филологические науки в МГИМО: Сб. научн. трудов / МГИМО (У) МИД России; отв. ред. Г. И. Гладков. — М.: МГИМО-Университет, 2007. — № 27 (42). — 203 с. — С.39–46.
182. Секацкая 2017 — *Секацкая, М.А.* Аргумент последствий и проблема удачи в дебатах о свободе воли [Электронный ресурс] / М.А. Секацкая //

Вопросы философии. — 2017. — № 3. — Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1591&Itemid=52 (дата обращения: 16.07.2020)

183. Сепир 1993 — *Сепир, Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии [Текст] / Э. Сепир; Пер. с англ.; Под ред. А.Е. Кибрика — М.: Наука, 1993. — 656 с.
184. Слышкин 2000а — *Слышкин, Г.Г.* Дискурс и концепт (о лингвокультурном подходе к изучению дискурса) [Текст] / Г.Г. Слышкин // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. — Волгоград: ВГУ, 2000. — С. 38-45.
185. Слышкин 2000б — *Слышкин, Г.Г.* От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе [Текст] / Г.Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 125 с.
186. Слышкин 2004 — *Слышкин, Г.Г.* Лингвокультурные концепты и мета-концепты (Монография) [Текст] / Г.Г. Слышкин. — Волгоград: Перемена, 2004. — 340 с.
187. Соссюр 1998 — *Соссюр, Ф. де.* Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию: Пер. с фр.; Под ред. А.А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1998. — С. 31-285.
188. Степанов 1975 — *Степанов, Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1975. — 311 с.
189. Степанов 1985 — *Степанов, Ю.С.* В трёхмерном пространстве языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Наука, 1985. — 335 с.
190. Степанов 1998 — *Степанов, Ю.С.* Язык и метод в современной философии языка [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 674 с.
191. Стернин 2005 — *Стернин, И.А.* Типы и концепты [Текст] / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов, посвященных юбилею Н.Н. Болдырева / под ред. Е.С. Кубряковой. — Тамбов: ТГУ, 2005. — С. 257–282.

192. Стешина 2018 — *Стешина, Е.Г.* Этимологическая память концепта «деньги» [Текст] / Е.Г. Стешина // Филологический аспект. — 2018. — № 4 (36). — С. 68–72.
193. Сусов 1998 — *Сусов, И.П.* Интеграционный этап в развитии лингвистической теории и сущность вклада когнитивной лингвистики [Текст] / И.П. Сусов. — // Когнитивная лингвистика. Современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. тр.— Тамбов: ТГУ, 1998. — Ч.1. — С.16-21.
194. Татаркевич 1981 — *Татаркевич, В.* О счастье и совершенстве человека [Текст] / В. Татаркевич; пер. с пол.; пред. и общ. ред. Л.М. Архангельского. — М.: Прогресс, 1981. — 368 с.
195. Телия 1996 — *Телия, В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
196. Телия 1999 — *Телия, В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В.Н. Телия. // Фразеология в контексте культуры: Сб. научн. трудов. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 13–24.
197. Токарев 2000 — *Токарев, Г.В.* Проблемы лингвокультурологического описания концепта (на примере концепта «трудовая деятельность» [Текст] / Г.В. Токарев. — Тула: ТГПУ, 2000. — 92 с.
198. Токарев 2003 — *Токарев, Г.В.* Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке) [Текст] / Г.В. Токарев. — Волгоград: «Перемена», 2003. — 314 с.
199. Толстой 1995 — *Толстой, Н.И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н.И. Толстой. — М.: Индрик, 1995. — 509 с.
200. Уланова 2000 — *Уланова, С.Б.* Фрейм как структура репрезентации знаний [Текст] / С.Б. Уланова // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. — Рязань, 2000. — С. 133-144.

201. Улуханов 2015 — *Улуханов, И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация [Текст] / И.С. Улуханов. — М.: Изд-во ЛКИ, 2015. — 232 с.
202. Уорф 1960а — *Уорф, Б.Л.* Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 169-182.
203. Уорф 1960б — *Уорф, Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б.Л. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. I / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Звегинцева. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960 — С. 135-168.
204. Успенский 1996 — *Успенский, Б.А.* Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. — 2-е изд., испр. и доп. [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 608 с.
205. Успенский 2007 — *Успенский, Б.А.* Ego Loquens: Язык и коммуникативное пространство [Текст] / Б.А. Успенский. — М.: РГГУ, 2007. — 320с.
206. Уфимцева 2000 — *Уфимцева, Н.В.* Языковое сознание и образ мира славян [Текст] / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — С. 207-219.
207. Филлмор 1988 — *Филлмор, Ч.* Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Пер. с англ. — М.: Прогресс, 1988. — С. 52-92.
208. Фрумкина 1991 — *Фрумкина, Р.М.* Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] / Р.М. Фрумкина // Научно-техническая информация. — 1991. — Серия 2. — № 3. — С. 3-29.
209. Фрумкина 1992 — *Фрумкина, Р.М.* Концепт, категория, прототип [Текст] / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сборник обзоров. — №4. — М.: ИНИОН РАН, 1992. — С. 2-7.
210. Фрумкина 2001 — *Фрумкина, Р.М.* Психолингвистика: учеб. пособие

- для студентов высш. учеб. заведений [Текст] / Р. М. Фрумкина. — М.: Академия, 2001 — 320 с.
211. Харитонова 2015 — *Харитонова, О.В.* Концепт «успех» в русской и американской лингвокультурах [Текст] / О.В. Харитонова // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Серия СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. — 2015. — № IV (9). — С. 166–168.
212. Цивьян 2006 — *Цивьян, Т.В.* Модель мира и ее лингвистические основы. — Изд. 3-е, испр. [Текст] / Т.В. Цивьян. — М.: КомКнига, 2006. — 280с.
213. Человеческий фактор 1992 — Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: Кол. мон. [Текст] — М.: Наука, 1992. — 281 с.
214. Чернейко 1995 — *Чернейко, Л.О.* Гештальтная структура абстрактного имени [Текст] / Л.О. Чернейко // НДВШ. Филологические науки. — 1995. — №4. — С. 73-83.
215. Чернейко 1997 — *Чернейко, О.Л.* Логико-философский анализ абстрактного имени [Текст] / О.Л. Чернейко. — М.: Изд-во МГУ, 1997. — 320 с.
216. Чернейко, Долинский 1996 — *Чернейко, Л.О.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л.О. Чернейко, В.А. Долинский В.А. // Вестник МГУ. Сер. 9, филология. — 1996. — № 6. — С.39—53.
217. Шмелев 2001 — *Шмелев, А.Д.* Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?: Вступительная статья [Текст] / А.Д. Шмелев // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — С. 7-11.
218. Шмелев 2002 — *Шмелев, А.Д.* Русская языковая модель мира [Текст] / А.Д. Шмелев. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 224 с.
219. Шмелев 2010 — *Шмелёв, А.Д.* Языковые факты и корпусные данные [Текст] / А.Д. Шмелев // Русский язык в научном освещении. — 2010. — № 19 (1). — С. 236—265.
220. Ягунова 2005 — *Ягунова, Е.В.* Эксперимент в психолингвистике: Кон-

- спекты лекций и методические рекомендации. Учебное пособие для вузов [Текст] / Е.В. Ягунова. — СПб.: Изд-во «Остров», 2005 — 51 с.
221. Языковое сознание 2000 — Языковое сознание. Содержание и функционирование: XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Сб. ст. под ред. Н.В. Уфимцевой [Текст]. — М.: Институт языкознания РАН, 2000. — 318 с.
222. Fleischer 1991 — *Fleischer, M.* Die Semiotic des Spruches: Kulturelle Dimensionen moderner Spruche [Text] / M. Fleischer. — Bochum, Brockmeyer, 1991. — 422 s.
223. Gibbs 1994 — *Gibbs, R.W.* The poetics of mind: figurative thought, language and understanding [Text] / R.W. Gibbs. — Cambridge: Cambridge University Press, 1994. — 527 p.
224. Grzybek 1991 — *Grzybek, P.* Das Sprichwort im Literarischen Text [Text] / P. Grzybek // Sprichwörter und Redensarten, Oplade Westdeutscher Verlag, 1991. — 213 s.
225. Gümen, & Herwartz-Emden 1996 — *Gümen, S., & Herwartz-Emden, L.* Ethnische Stereotypen, Fremdheit und Abgrenzung [Text] / S. Gümen, & L. Herwartz-Emden // Osnabrücker Jahrbuch. Frieden und Wissenschaft.— 1996. — Ausgabe 3. — S. 181–197.
226. Jackendoff 2002 — *Jackendoff, R.* Foundations of Language: Brain, Meanings, Grammar Evolution [Text] / R. Jackendoff. — Oxford: Oxford University Press, 2002. — 477 p.
227. Sperber, & Wilson 2015 — *Sperber, D., & Wilson, D.* Beyond speaker's meaning [Text] / D. Sperber, & D. Wilson // Croatian Journal of Philosophy. — № 15 (44). — 2015. — P. 117–149.
228. Taylor 1995 — *Taylor, J.* Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory [Text] / J. Taylor. — Oxford: Clarendon Press, 1995. — 270 p.
229. Wierzbicka 1997 — *Wierzbicka, A.* Understanding Cultures through Their Key Words : English, Russian, Polish, German, and Japanese [Text] /

A. Wierzbicka. — New York : Oxford University Press, 1997. — 328 p.

Словари и энциклопедии

230. БАС 1964 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. [Текст] — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. — Т. 16. — 1964. — 808 с.
231. БСРП 2008 — *Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г.* Большой словарь русских поговорок [Текст] / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. — М.: ОлмаМедиаГрупп / Просвещение, 2008. — 784 с.
232. БТСРС 2005 — Большой толковый словарь русских существительных [Текст] / Авт.-сост. Л.Г.Бабенко, Н.А.Дьячкова, Ю.В.Казарин и др.; Под общ. ред. Л.Г.Бабенко. — М.: АСТ-Пресс, 2005. — 863 с.
233. БТСРЯ 2000 — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
234. БУСРЯ 2017 — Большой универсальный словарь русского языка [Текст] / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. — М.: «Словари XXI века», 2017. — 1456 с.
235. БФСРЯ 2006 — Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н. Телия. — 2-е изд., стер. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
236. ИЭССРЯ 1999 — *Черных, П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах. [Текст] / П. Я. Черных. — 3. изд., стер. — М.: Русский язык, 1999. — Т. 2. Панцирь – Ящур. — 560 с.
237. КРФС 1996 — *Василенко, Л.И.* Краткий религиозно-философский словарь [Текст] / Л.И. Василенко. — М.: Истина и жизнь, 1996. — 256 с.
238. КСКТ 1996 — *Кубрякова, Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. — М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. — 245 с.

239. КСРК 1997 — *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. — М.: Академпроект, 1997. — 989 с.
240. КСФТ 2006 — Краткий словарь философских терминов [Электронный ресурс] // Сайт НЭС: Национальная философская энциклопедия. — URL: <http://terme.ru/dictionary/171>
241. МАС 1988 — Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 1985–1988. — Т.4. — 1988. — 802 с.
242. МБЭС 1998 — Мифология. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Под ред. Е.М. Мелетинского. — М.: Дрофа, 1998. — 596 с.
243. НОССРЯ 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [Текст] / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Вып. 1. — М.: Языки русской культуры, 1997. — 1488 с.
244. НФСРЯК 2009 — *Курилова, А.Д.* Новый фразеологический словарь русского языка: более 8000 фразеологизмов [Текст] / А.Д. Курилова, — М.: Русский язык — Медиа; Дрофа, 2009. — 777 с.
245. РАС 2002 — *Караулов, Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь: В 2 т. [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.; Рос. акад. наук. — М.: АСТ : Астрель, 2002. — Т. II. — 781 с.
246. РППКВ 1979 — *Фелицына, В.П., Прохоров, Ю.Е.* Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь [Текст] / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. — М., Русский язык, 1979. — 256 с.
247. РТС 2001 — *Лопатин, В.В., Лопатина, Л.Е.* Русский толковый словарь. — 7-е изд., испр. и доп. [Текст] / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. — М.: Русский язык, 2001. — 928 с.
248. РЯЭ 1979 — Русский язык: энциклопедия [Текст] / гл. ред. Ф.П. Филин. — М.: Советская энциклопедия, 1979. — 432 с.
249. САН 1977 — Словарь ассоциативных норм русского языка [Текст] / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: МГУ, 1977. — 190 с.

250. САРЯ 1988 — *Львов, М.Р.* Словарь антонимов русского языка [Текст] / М.Р. Львов. — М.: Русский язык, 1988. — 384 с.
251. СД 1999 — *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. [Текст] / В.И. Даль. — М.: Рипол-Классик, 1999. — Т. 4. — 1144 с.
252. СЕ 2000 — *Ефремова, Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Текст] / Т.Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — Т. II. — 1088 с.
253. СК-XXВ 1997 — *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты [Текст] / В.П. Руднев. — М.А Аграф, 1997. — 384 с.
254. СЛТА 2010 — *Ахманова, О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. — Изд. 5-е. — М.: Изд-во Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 576 с.
255. СО 1993 — *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений — 14-е изд., доп. [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 2000. — 944 с.
256. СОВРЯ 1995 — Словарь образных выражений русского языка [Текст] / под ред. В.Н. Телия. — М.: Отечество, 1995. — 368 с.
257. СРСА 1999 — *Абрамов, Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Текст] / Н. Абрамов. — М.: Русские словари, 1999. — 431 с.
258. СРФИЭС 1998 — *Бирих, А.К.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник [Текст] / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб.: Фолио-пресс, 1998. — 700 с.
259. ССРЯА 1991 — *Александрова, З.Е.* Словарь синонимов русского языка: Практический справочник [Текст] / З.Е. Александрова. — 8-е изд., стереотип. — М.: Русский язык, 1991. — 144 с.

260. ССРЯЕ 2003 — Словарь синонимов русского языка. В 2-х т. [Текст] / Под ред. А.П. Евгеньевой.— М.: ООО «Изд-во Астрель», 2003. — Т.2. О–Я. — 856 с.
261. СССРЯ 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка [Текст] / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 1983. — 686 с.
262. СТ 1985 — *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка в двух томах: Ок 145000 слов: В 2-х т. [Текст] / А.Н. Тихонов. — М.: Русский язык, 1985. — Т 2. — 885 с.
263. СУ 1996 — Толковый словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: «Терра», 1996. — Т. 4. — 1064 с.
264. ТСРЯ 2000 — *Саяхова, Л.Г.* и др. Тематический словарь русского языка [Текст] / Л.Г. Саяхова, Д.М. Хасанова, В.В. Морковкин; под ред. В.В. Морковкина. — М.: Русский язык, 2000. — 560 с.
265. ТСРЯ-XXв. 2005 — Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складаревской. — М.: Астрель, 2005. — 894 с.
266. ТСРЯ-XXв. 1998 — Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения [Текст] / Под ред. Г.Н. Складаревской. — СПб.: Фолио-пресс, 1998. — 700 с.
267. ФСРЯ 1968 — Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Составители: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. — М.: «Советская Энциклопедия», 1968. — 543 с.
268. ФЭС 1983 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов.— М.: Советская энциклопедия. 1983. — 840 с.
269. ФЭС 2003 — Философский энциклопедический словарь [Текст] / Ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. — М.: ИНФРА-М, 2003. — 576 с.

270. ЭСРЯ 2003 — *Семенов, А.В.* Этимологический словарь русского языка: Русский язык от А до Я [Текст] / А.В. Семенов. — М.: Издательство «ЮНВЕС», 2003. — 704 с.
271. ЭСРЯФ 2009 — *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. — Изд. 2-е, стереотип. [Текст] / М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и с пред. проф. Б. А. Ларина. — М.: АСТ, 2009. — Т. I. — 576 с.; Т. IV. — 864 с.
272. ЯБЭС 1998 — Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / Гл.ред. В.Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — 685 с.